

библиотека
школьника

С. Могилевская
**Марка
страны
Гонделуны**

Э К С М О

Софья
Могилевская

Марка
страны
Гонделуны

Рисунки Алексея Босина

Москва

ЭКСМО

2003

Глава первая
Петя и Вовка

Началось все как будто с пустяков... В один прекрасный день, усевшись верхом на заборе, Вовка от нечего делать показал Пете язык и запел на все лады:

– Петрушечка, свиндирюшечка! Петру-ушка-свиндирю-ушка! Петру-уха-свиндирю-уха...

Петя обиделся. Он терпеть не мог таких шуток.

– Уходи с нашего забора! – покраснев, крикнул он.

– Не уйду! – весело ответил Вовка. – Забор не ваш, а наш.

Петя сердито нахмурился:

– Вот еще! Наш, а не ваш!

Но Вовка любил дразниться. Он нарочно перебросил обе ноги в Петин сад, да еще в придачу забарабанил босыми пятками по доскам забора.

– Не ваш, а наш! Не ваш, а наш! Не ваш, а наш...

Этого Петя стерпеть не мог. Он схватил камешек, размахнулся и сплеча запустил им в Вовку.

И надо же – камень угодил Вовке прямо в ногу! Должно быть, очень больно, потому что Вовка громко заревел и, скovyрнувшись с забора, побежал домой.

Могилевская С.
М 74 Марка страны Гонделупы /Илл. А.Босина/. – М.:
Изд-во Эксмо. 2003. – 256 с., илл. (Серия «Библиотека
школьника»).

ISBN 5-04-02100-0

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4

- М.А. Абрамов, текст, 2003
- А.Н. Босин, иллюстрации, 2003
- Е. Лопатина, рисунок на переплете, 2003
- ООО «Издательство «Эксмо», 2003

ISBN 5-04-02100-0

«Теперь будет знать!» — с торжеством подумал Петя. Сжав для храбрости кулаки, он направился к забору.

Но не тут-то было.

Над забором вдруг появилась лохматая голова. Длинноногий верзила в полосатой тельняшке уселся на перекладине и в упор посмотрел на Петю. При этом он чуть-чуть прищурил правый глаз. Это был двоюродный Вовкин брат пятиклассник Сергей. У Пети екнуло сердце. Кулаки разжались и сами собой опустились вниз.

Однако от забора он не отступил.

В это мгновение вынырнула еще парочка Вовкиных двоюродных братьев — два близнеца: Ванечка и Мишенька. Эти с трудом вскарабкались на забор и, выпучив круглые глазки, тоже уставились на Петю.

Ну, их-то, во всяком случае, можно было не бояться. Подумаешь, четырехлетние клопы!

Тем не менее Петя сделал шаг назад. Правда, очень маленький шаг. Скорее полшага, чем шаг. Но все-таки...

И вдруг забор застонал и пошатнулся. Казалось, огромные столбы, врытые в землю, сейчас согнутся и лягут набок вместе с досками. На забор взгромоздились два самых старших брата Чернопятко — Григорий и Андрей.

И вся компания в грозной тишине устремила глаза на Петю.

Ох!..

У Пети подогнулись коленки, и он мгновенно исчез из сада.

Откуда же он мог знать, что у Вовки в гостях все его двоюродные братцы? Не вступать же с ними в бой, как вы думаете?

С этого самого дня все и началось.

А казалось, чего бы им ссориться?

И жили они совсем рядышком. И отцы их работали на одном заводе. И забор у них был общий. Правда, забор этот был высокий, плотный, из хорошо пригнанных досок и вдобавок покрашен зеленой масляной краской. Но ведь через самый высокий забор можно перелезть, если за ним ждет тебя друг...

На следующее после ссоры утро Вовкины куры забрались в Петин сад. Петя задрожал от радости, когда их увидел. Ну, теперь он покажет Вовке и его двоюродным братцам!

Он схватил палку и помчался навстречу курам.

И уж он гонял их по всему саду! Уж он их гонял...

Гонял и вопил не своим голосом. Ошалелые куры бегали, роняя перья. Они кудахтали на весь поселок.

В конце концов Петя пригнал их обратно к забору, и они перелетели через него обратно на свой двор, словно дикие лебеди. И уже оттуда раздавалось их неистовое кудахтанье.

Вдогонку Петя запустил и палку. Весь забор загрохотал, точно барабан, а куры закудахтали еще громче.

Это было лихо проделано, ничего не скажешь!

Расплата последовала немедленно. Тут же над забором Петя увидел разгневанное лицо Вовкиной матери и услышал ее сердитый голос:

— Сейчас ты у меня увидишь, озорник! А ну-ка зови свою мать... Живо!

Но маму звать не пришлось. Она сама прибежала узнать, что случилось с соседскими курами, почему они так раскудахтались.

Как она огорчилась, услышав о Петиних подвигах!

— Зачем ты трогал чужих кур? — спросила она. Голос у нее был скорее расстроенный, чем сердитый. — Как ты смел?

— Они сами к нам пришли. Я хотел их только выгнать, — насупившись, соврал Петя, не чувствуя, однако, никакого раскаяния за свою ложь.

— Он нарочно, он нарочно, он нарочно... — выкрикнул Вовка, появляясь вдруг над забором возле своей матери. — Я знаю... он нарочно!

— Ты правда нарочно? — спросила мама.

— Нарочно! — твердо ответил Петя, с ненавистью посмотрев на краснощекое лицо врага.

Теперь мама рассердилась по-настоящему:

— Какое безобразие!

— Ага, ага, ага, я говорил, он нарочно! — заорал Вовка и тут же, получив увесистый подзатыльник от своей матери, нырнул вниз.

В общем, куриный конфликт был улажен быстро и совершенно мирным путем. Петина мама извинилась за Петю и сказала, что она готова запла-

тить за пострадавших кур, если куры как-нибудь пострадали.

Но Вовкина мама от денег отказалась, а лишь попросила, чтобы больше такого не повторялось.

На это Петина мама ответила, что она твердо обещает, что больше этого не повторится, и соседки разошлись по домам.

Итак, все было улажено и все остались довольны. Все, кроме Вовки...

Как? Вместо того чтобы выдрать Петьку за такое нахальное обращение с их курами, шлепок получает кто?

Он, ни в чем не повинный Вовка! И главное – какой позор! – прямо на глазах у злейшего врага.

Где же тут справедливость?

Нет, с этим Вовка мириться не мог... Вечером прямо перед окнами дома, где жил Петя, на дереве болталась старая метла. А рядом висела бумажонка с неуклюжими карандашными каракулями:

– Петруха-свиндирюха повешен за ухо.

На этот раз даже мама возмутилась:

– Ну уж это слишком!.. – и тут же велела Пете снять метлу и кинуть ее на помойку.

А Петя был счастлив. Нет, ни на какую помойку он метлу не понесет. Он сделает по-другому.

Улучив подходящий момент, он заманил к себе в сад Вовкиного щенка Тяпку. Налил ему полную тарелку супу, и, пока этот толстый обжора с жадностью лакал суп, Петя ухитрился привязать к его коротенькому хвосту ту самую метлу, которая висела на дереве перед их окнами.

Потом он перебросил щенка с метлой на Вовкин двор.

К метле была прицеплена записка:

Вовка, Вовка – кислый квас,
Тухлая капуста.
Съел он старую метлу
И сказал: «Как вкусно!»

Казалось, конца не будет этой вражде. Казалось, никогда они не протянут друг другу руку мира, не сядут рядышком потолковать о своих делах, как это было прежде.

Казалось, никогда не наступит такой день. Никогда...

Глава вторая

Они первоклассники

Петя, – сказала мама. – А ведь сегодня уже пятнадцатое августа...

Лицо у нее стало озабоченным.

Петя ничего не ответил: пятнадцатое так пятнадцатое! Не все равно?

– Да, – продолжала мама, – скоро первое сентября, и у тебя начнутся занятия в школе.

На этот раз Петя насторожился: почему это у мамы словно бы расстроенный голос?

Он спросил:

– Разве тебе не хочется, чтобы начались занятия в школе?

– Как не хочется! Конечно, хочется. Но вот ведь... Прямо понять не могу, как это случилось? Бумаги твои еще не поданы...

Петя побледнел.

– Мама! – Голос у него дрогнул. – Мама, что ты наделала? Теперь все пропало...

– Ничего не пропало. Завтра сходим привьем оспу, а послезавтра я пойду в школу. Без справки об оспе в школу все равно не принимают.

Но Петя и слушать не хотел ни о каком «завтра». Какие могут быть «завтра», если существует «сегодня».

Нет, он был не таким человеком, чтобы откладывать что-либо на следующий день.

— Сегодня пойдем и привьем оспу! — твердо сказал он. — Прямо сейчас же.

Нет. Сегодня мама не могла.

— Как ты не понимаешь, — сказала она, начиная сердиться, — у меня есть дела. Сказала — завтра, завтра и пойдем.

Нет. Петя не мог ждать до завтра. Как мама не хочет понять — больше откладывать невозможно.

— Тогда иди сам! — сердито проговорила мама. — Пожалуйста, иди. Тебя никто не держит.

И Петя ушел очень рассерженный.

Собственно говоря, мама сказала это просто так. Она, конечно, не думала, что Петя пойдет без нее в поликлинику, да еще прививать оспу.

А Петя уже шагал по главной улице заводского поселка, направляясь в ту сторону, где среди пестрого цветника стояло белое двухэтажное здание поликлиники.

Возле проходной — дверей, куда рабочие входили на завод и откуда выходили после работы, — Петя немного задержался. Там висели огромные электрические часы и великолепный градусник побольше самого Пети.

Лиловый столбик на этом градуснике поднялся очень высоко, хотя было еще утро и часы показывали без пяти десять. Но и без градусника было ясно: какая жара! Асфальт на солнечной стороне тротуара размяк и продавливался под пятками сандалий. А георгины — уж на что выносливые

цветы! — и те опустили листья. Все лето было такое, и август не уступал июлю.

Сейчас у проходной было пусто и тихо: не наступил еще час обеденного перерыва. Только в табачном ларьке, отмахиваясь от мух, дремал знакомый старичок, у которого папа всегда покупал папиросы «Беломор».

Но Петя отлично знал: стоит только часовой стрелке вместе с минутной очутиться на двенадцати — и все мгновенно переменится.

Петя любил смотреть, как это бывает. Иногда он приходил сюда встречать своего папу. Приходил пораньше, чтобы увидеть все с самого начала; как дрогнет последний раз большая минутная стрелка, соединившись с короткой — часовой; как гудок тут же зальется громко и басисто, а из дверей проходной начнут выходить рабочие завода. Сначала их будет немного. Потом будет становиться все больше и больше. И тогда нужно хорошенько смотреть, чтобы не прозевать папу...

А как приятно бывает среди такой массы незнакомых людей увидеть его!

«Папа! — кричал тогда Петя, бросаясь всем наперерез и расталкивая всех локтями. — Папа, я здесь!»

«Петя?» — всякий раз удивлялся папа, когда видел Петю возле проходной.

Он брал в свою большую руку маленькую руку сына, и они, как и все, спешили домой, чтобы успеть помыться и поесть до конца обеденного перерыва.

От папиных рук и спецовки пахнет машинами, железом и еще каким-то особенным заводским воздухом. И Петя незаметно для папы нюхает и папину руку, и рукав его рабочей куртки. И ему кажется, что лучше этого заводского запаха ничего нельзя себе представить...

«Сегодня вы тоже испытывали новый станок?» — спрашивает он у папы.

«А как же! — отвечает папа. — Токарно-винторезный...»

«Хорошо работает?» — снова спрашивает Петя.

Подумать только, какие серьезные у них разговоры! Не всякому мальчику приходится беседовать со своим папой о таких важных вещах.

«Налаживаем», — отвечает папа. Он смотрит на Петю и смеется одними глазами.

Но сейчас на часах всего лишь без пяти десять, и возле дверей проходной Пете делать нечего. Еще разок взглянув на огромный градусник, он идет дальше.

Вот и поликлиника! Здесь работает его мама. Здесь Петя не раз бывал вместе с ней. Но сегодня у мамы приема нет, и вот приходится идти одному.

Страшновато. Но что поделаешь, если нужно...

Глубоко вздохнув, Петя поднялся по ступеням крыльца. Толкнул тяжелую входную дверь и вошел внутрь.

Его сразу остановила санитарка в белом халате:

— Тебе, мальчик, что?

— Где тут у вас справки на оспу? — вежливо спросил Петя. И, покраснев, добавил: — Мне завтра в школу поступать.

Тут санитарка, узнав Петю, удивилась:

— Ты один пришел? Без мамы?

— Один, — ответил Петя и, еще больше краснея, робко сказал: — Что ж тут особенного?

— Молодец! — похвалила санитарка и объяснила: — Иди прямо-прямо по коридору. Шестой кабинет. Найдешь?

Как же не найти? Ведь в пятом принимает его мама. Пятый кабинет так и называется — глазной, и там его мама лечит разные глазные болезни.

— Найду, — сказал Петя. — Я умею считать до тысячи...

— Какой молодец! — снова похвалила санитарка.

И все-таки, когда этот молодец шел по коридору, сердце у него колотилось так сильно, что пришлось положить ладошку на живот.

Не вернуться ли домой, пока не поздно?

Но глаза помимо воли отыскивали дверь с цифрой «шесть». И рука против воли толкнула эту дверь. А ноги, уж совсем не желая того, шагнули за порог, и Петя очутился в большой светлой комнате.

Возле дверей за столиком сидела сестра, тоже в белом халате, и писала. Она вопросительно посмотрела на Петю.

— Я один, что ж тут особенного, — упавшим голосом пролепетал Петя.

Вот когда ему стало по-настоящему страшно!

А не удрать ли домой? Прямо сейчас? Сию секунду...

Но удирать было поздно. Сестра в белом халате спросила у Пети, как его зовут, как его фамилия и сколько ему лет.

Петя тотчас ответил, что зовут его Петя, что фамилия его Николаев и что недавно ему исполнилось семь лет.

— Ступай посиди, тебя вызовут, — сказала сестра и все, что ей сказал Петя, быстро записала в большую книгу.

А Петя пошел на свободное место у окна и сел.

Сел, глянул направо, на своих соседей, и обмер: рядом с ним, бок о бок (ну кто бы мог такое представить?!) сидел его злейший враг — Вовка.

Но какой же это был не похожий на себя Вовка! Он весь лоснился от чистоты. Его красные щеки блестели, будто два хорошо вымытых помидора. А коленки-то, коленки! Наверно, их терли мочалкой часа два! Если не больше...

Петя посмотрел на свои колени. М-да... Мама покраснела бы и за его рубашку, и за его трусики. Но за колени — больше всего?..

А Петя не собирался краснеть. Ничуть. И если щеки его слегка порозовели, а глаза заблестели, так это вовсе не от стыда. Наоборот — от гордости.

Вовка не решился бы прийти сюда один. Куда там! Рядом с ним сидела мама. И тут же, к великому Петинуому удовольствию, она спросила:

— Неужто ты один, Петя?

— Один, — гордо проговорил Петя и небрежно прибавил: — Что ж тут особенного?

— Может, и мне уйти... Останешься? — спросила у Вовки мать. — Вот, будете вместе.

— Останусь, — буркнул Вовка, стараясь не смотреть в Петину сторону.

— Ну и ладно! Коли так, не буду времени терять. — И, твердо шагая, она направилась к двери.

Мальчики остались одни. Они сидели рядышком, надутые, сосредоточенные. И хотя оба отвернулись друг от друга и смотрели в разные стороны, прежней вражды не чувствовали. Наоборот, им очень хотелось поговорить.

Но кто же решится первый?

Петя?

Ну нет! Он скорее проглотил бы кончик собственного языка.

А у Вовки и в мыслях такого не было. Первому мириться, когда Петька кругом виноват? Очень надо!

Иногда они бросали исподлобья друг на друга быстрые незаметные взгляды. Ерзали на стульях. Но оба молчали, крепко стиснув зубы.

Так прошло пять минут. Потом десять. Потом пятнадцать.

И вдруг совершенно отчетливо из боковой двери раздалось:

— Владимира Чернопятко к врачу.

Петя вздрогнул. Быстро, как на пружинке, повернулся к Вовке:

— Тебя.

— Да, — еле слышно прошептал Вовка, и щеки его стали медленно бледнеть.

Петя почувствовал к своему недавнему врагу такую жалость!..

— Ты не бойся, — прошептал он. — Это не очень больно...

— Я не боюсь, — дрогнувшим голосом ответил Вовка и поднялся со стула.

В ту же минуту тот же голос из той же двери крикнул:

— Петра Николаева к врачу!

— Тебя тоже! — вскричал Вовка, и румянец мгновенно вернулся на его щеки. — Пошли вместе...

— Пошли! — воскликнул Петя.

И оба, рука об руку, они вошли в кабинет к врачу.

— Ага, два дружка-приятеля! Вместе в школу поступать, вместе оспу прививать! — весело встретил их старенький доктор.

— Вместе! — уже ничуть не робея, проговорил Петя.

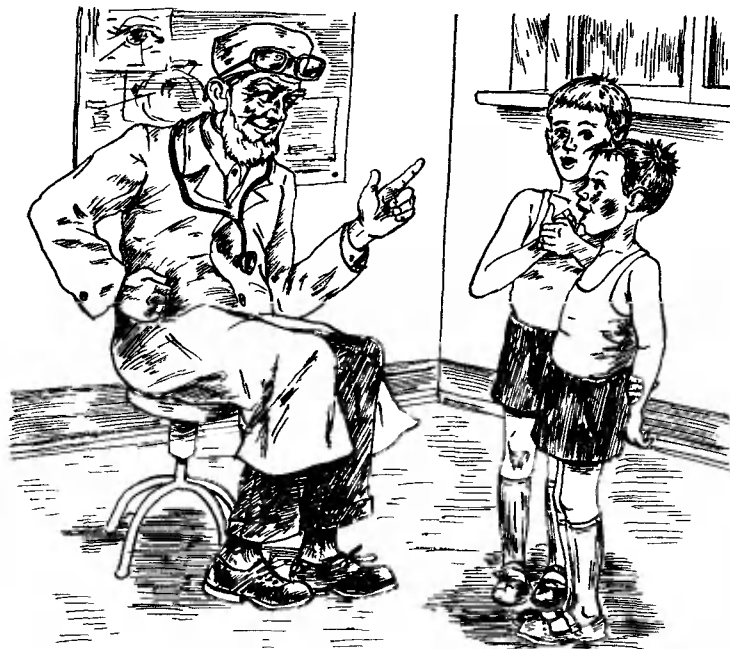
Вовка же солидно объявил:

— Завтра наши документы пойдут относить в школу. Его и мои.

— Понимаю, понимаю, — сказал доктор. — Ну-ка, снимайте рубашонки... Я вас сначала послушаю, постукаю...

Из поликлиники шли они долго. Сначала остановились и сверили свои справки. Все в них оказалось совершенно одинаково. Все, вплоть до запятых. Конечно, кроме имен и фамилий.

Потом они еще раз остановились, чтобы поглядеть на только что привитые оспины. И, хотя это были пустяковые, едва заметные царапины, каждый похвалился, как здорово он вытерпел «эту ужасную боль» и даже не пикнул.

У Петиной калитки они остановились.

— Давай сегодня шалаш строить! — предложил Вовка.

— Ладно, — согласился Петя. — Только лучше у нас в саду...

— Только поближе к нашему забору, — сказал Вовка.

— Не к вашему, а к нашему... — упрямо сдвинув брови, начал было Петя. Но одумался. Примирительно сказал: — А забор-то не ваш и не наш, а заводской.

— А ты думал! — усмехнулся Вовка.

На следующее утро мама пошла записывать Петю в школу. Он остался дома и не мог найти себе места от волнения. Он слонялся по саду, ничем не мог заняться. И Вовки, как назло, нигде не было. Даже десяток вишен, чудом уцелевших среди листьев, не доставили Пете никакого удовольствия. Он съел их с мрачным видом, хотя вишни были необычайно сладки той особенной сладостью, какая бывает у последних ягод, перезрелых и чуть провяленных солнцем.

Уж какие там вишни, когда мамы нет и нет! Все-таки странно, почему так долго? Может, справка об оспе не годится? А вдруг они уже опоздали? Вот ведь какая мама! Он просил ее пойти пораньше, а она выбралась только в половине десятого...

Да, да, так оно и есть – его не приняли! И она нарочно не идет, чтобы его не огорчать.

И вдруг...

– Петя! Петушочек!

Петя видит: в раскрытой настежь калитке стоит мама.

Мама щурится от солнца, ищет его глазами и не видит.

Петя хочет бежать ей навстречу, но ноги его не слушаются.

– Мама, – шепчет он. – Мама...

А мама зовет его:

– Ну иди же ко мне! Иди скорее! Первоклашка ты мой...

И сама бежит навстречу Пете.

– Да? – У Пети дух захватывает от восторга. – Да?

– Да, да! – смеется мама. – Да, да, да!

Петя заливается румянцем, несколько раз подпрыгивает и орет на весь сад:

– Ура!

– Ур-ра! – доносится из соседнего сада. Над забором появляются щеки помидорового цвета и блестящие глаза Вовки.

– И тебя тоже? – кричит ему Петя и бежит к забору.

– Приняли! – кричит Вовка и тут же на глазах у изумленных мамы и Пети совершает великолепнейший прыжок: с самого верха забора прямо к ним в сад.

Глава третья

Первый пенал

Когда был съеден завтрак и одна за другой три сливочных тянучки, Петя с озабоченным видом взглянул на маму:

– А ведь у меня нет пенала!

– Разве у тебя есть учебники? – спросила мама.

– Нет, – ответил Петя. – И учебников у меня тоже нет.

– А портфель у тебя есть?

– И портфеля нет.

– Так чего же ты беспокоишься о пенале! У тебя еще ничего нет...

— Ах, мама! — обиженно воскликнул Петя. — Вот ты и не понимаешь. Пенал — это самое главное. Самое-самое главное.

— Неужели? — удивилась мама. — Чего не знала, того не знала!

После завтрака она уехала зачем-то в город. Заводской поселок, где они жили, находился в нескольких километрах от города: туда нужно было добираться на автобусе.

А Петя, не теряя ни одной минуты, вытряхнул из копилки все свои сбережения. Денег оказалось порядочно: полный кулак.

Положив монеты в карман, он помчался в книжный киоск, который находился за углом.

— Мне нужен пенал... только очень хороший! — сказал Петя, обращаясь к продавщице. — С сегодняшнего дня я уже первоклассник...

— Выбирай! — проговорила продавщица и выложила на прилавок не меньше десятка пеналов.

Никогда Петя не мог себе представить, какое это наслаждение выбирать пенал!

Во-первых, необходимо было, чтобы хорошо открывалась крышка. Пожалуй, это и было самым главным.

Затем стенки. Стенкам полагалось быть гладко отполированными, без малейшей шероховатости, и блестеть как стекло.

Наконец, внутри требовалось четыре отделения. Именно четыре, не больше и не меньше: для карандаша, для ручки, для резинки и для перьев.

Петя осматривал пенал за пеналом. Исследовал их с необычайной тщательностью. Выдвигал и задвигал у каждого крышку. Проводил пальцами и ладонью по их лакированным стенкам. Заглядывал внутрь. Нюхал. Щупал. И даже один лизнул: каков на вкус?

Он перебрал те, что лежали на прилавке. И все же не мог решить, который из них самый лучший, достойный отправиться вместе с ним в школу.

— Ну? — потеряв наконец терпение, спросила продавщица. — Скоро ты?

— Еще не выбрал, — озабоченно сказал Петя. — Все не найду...

— Вот, право, какой! Ищешь, ищешь... Этот возьми! Чем плох? — И она протянула Пете пенал, который на первый взгляд ничем особенным от остальных не отличался.

Но когда Петя взял его в руки и хорошенько рассмотрел, пенал оказался выдающимся. Он был такой желтенький! Крышка у него выдвигалась как надо — не туго и не слишком легко. Внутри пахло смолой и лесом. А на стенке темнел коричневый отполированный сучок, вроде родимого пятнышка.

Петя немедленно купил именно этот пенал. Затем карандаш, ручка, шершавая резинка для чернил и пяток перьев «Пионер» туго заполнили четыре отделения пенала.

Домой он возвращался настоящим первоклассником — теперь в этом не могло быть сомнения!

До обеда Петя с величайшим старанием приводил в порядок свое новое школьное хозяйство. Он протер пенал изнутри и снаружи тряпкой. Потом смахнул пыль с карандаша, с ручки, с резинки и с каждого перышка в отдельности. И наконец все это удобно разложил в пенале.

А к обеду из города вернулась мама.

Она влетела в дом немного усталая, но веселая, оживленная и вся в покупках.

— Ну, Петя, — воскликнула она, — ты обрадуешься! Посмотри, что я тебе привезла. Разве не прелесть?

И с гордым видом она развернула и положила на стол пенал — весь пестренький, с белой хаткой и подсолнечником на крышке. И, конечно, карандаш, ручку, резинку и с десяток перьев «Пионер».

— Ой! — испуганно вскричал Петя. — Ведь это уже второй...

Но тут же, чтобы не огорчать маму, деликатно прибавил:

— Ничего, ничего... управлюсь и с двумя!

Когда папа пришел в обеденный перерыв, мама и Петя тут же сообщили ему новость.

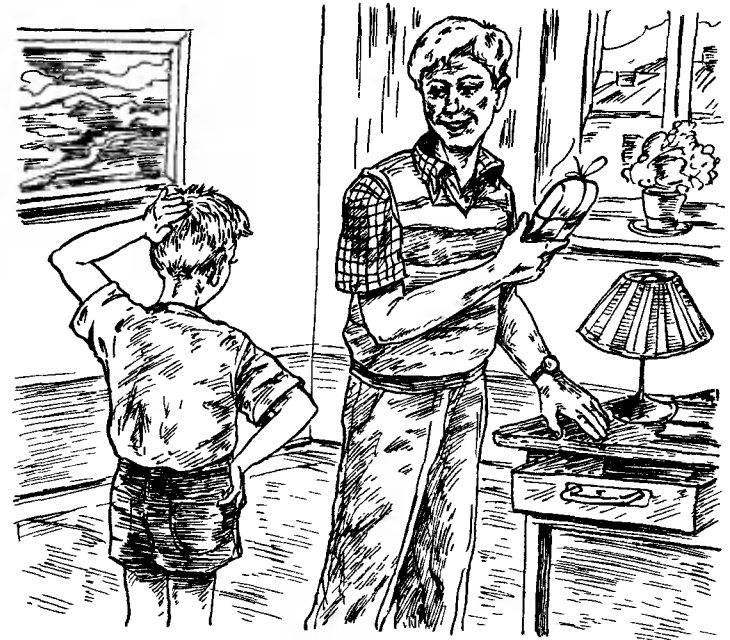
— Уже была в школе! — проговорила мама.

— Да, — гордо сказал Петя, — уже первоклассник. Ловко?

— Ловко! — сказал папа. — Жаль, я не купил сладенького по такому случаю.

— Все есть! — воскликнула мама.

— Все! — воскликнул и Петя. — Пастила, печенье и... угадай даже что? Ореховая халва. Ловко?

— Ловко! — сказал папа и подошел к письменному столу. — Получай! — добавил он и торжественно вытащил из ящика какой-то продолговатый сверток. — В Москве купил, когда ездил в командировку.

— Прямо в Москве? — вне себя от восторга взвизгнул Петя. — На какой улице?

Он нетерпеливо распутал бечевку, развернул бумагу и...

Да, это был пенал! Превосходный коричневый пенал. А к нему карандаш, резинка, ручка и целая коробка перьев «Пионер».

— Ловко? — спросил папа.

— Большое спасибо, — упавшим голосом прошептал Петя и жалобно прибавил: — Это третий...

Петя был мальчик аккуратный и во всем любил ясность.

Он знал: у человека, когда тот идет в школу, обязательно должен быть пенал... Но один, а не три! А если все же их оказалось три?

Несколько дней его мучило, как быть с тремя пеналами. Нельзя же нести в школу все три сразу? А если один, то какой?

Мамин, конечно, самый хорошенький. Если зажмурить левый глаз, а правый прищурить, хатка на пенале совсем как настоящая.

Зато папин — из Москвы. И, кроме того, такой солидный, вестительный. Настоящий мужской пенал.

Но разве тот, который он сам купил, плох? А как славно пахнет елочками!

Петя по очереди вынимал каждый пенал отдельно и все три вместе. Рассматривал их со всех сторон и снова клал на место. Нет, он не в силах был решить! Ну просто никак не мог...

Даже новый портфель с отличным блестящим замком не доставил ему настоящего удовольствия. Да уж какое тут удовольствие, когда каждый день приходится то класть, то вынимать из него какой-нибудь пенал! Уложишь мамин и думаешь: может, лучше папин взять в школу? Положишь папин — а не лучше ли желтенький? Уложишь желтенький — и тотчас вспомнишь о маминном.

И опять все сначала.

Папа у Пети был очень умный, удивительно умный. Мало того, что он каждый день испытывал у себя в цехе разные машины, можно было, например, снять дома телефонную трубку и сказать: «Соедините меня, пожалуйста, с инженером Николаевым». И соединяли сразу, безо всяких. Мама много раз так делала. Петя это слышал собственными ушами.

И мамой Петя очень гордился. Мама у Пети была доктором. И не просто доктором, а глазным доктором. Она не только умела лечить всякие глазные болезни, но, если кому нужно, подбирала подходящие очки. В поликлинике, на стене ее кабинета, висела таблица с разными буквами. Верхний ряд состоял из одних огромных. В следующем ряду находились буквы помельче. Потом еще мельче. И так из ряда в ряд, а в самом низу были такими, что издали почти невозможно было различить, где «а», где «б», а где твердый знак.

И бабушка у Пети была отличная. Раньше, пока Петя был маленький, она жила вместе с ними. Но теперь он стал вполне взрослым, и бабушка уехала от них в Москву. Но все равно и в Москве она Петю не забывала, то и дело посылала ему посылки с интересными игрушками и вкусными московскими конфетами.

И вот, за два дня до первого сентября, то есть за два дня до начала школьных занятий, от бабушки пришла посылка. Эту посылку почтальон принес прямо к ним домой!

– Тебе, – сказала мама, расписываясь на переводе.

Петя схватил посылку, прижал к животу и потащил на стол распаковывать.

Было совершенно ясно: эта посылка с подарками в честь его поступления в школу.

Но что, что могло в ней быть?

От нетерпения Петя никак не мог развязать бечевку. Но все-таки ножницами ее резать не стал, а развязал (мало ли, а вдруг на что-нибудь пригодится!), и даже сургучные наклепки ему удалось скovyрнуть неповрежденными. Когда снятая парусина, будто кожа, легла на стол, посылка рассыпалась на целую массу больших, маленьких и средних свертков.

– Ох, что тут? – не сказал, а простонал Петя. Мама тоже не сводила глаз с посылки – до того ей самой было интересно, что там. Она сказала:

– Вот бабушкино письмо. Читай скорей. Из письма мы все узнаем...

Конечно, в тысячу раз быстрее было бы все развернуть. Но сейчас Пете не хотелось спорить. Он протянул маме письмо.

– Ты прочти... – прошептал он, ну прямо изнемогая от нетерпения.

– «Мой дорогой внучек Петенька! – писала бабушка из Москвы. – Поздравляю тебя с поступлением в школу. Теперь ты у нас уже совсем большой мальчик. Учись прилежно, расти здоровенький, веселенький на радость всем нам. Посылаю тебе московских конфет и еще одну вещь, которой

ты очень обрадуешься. Я хранила его для тебя. С ним твоя мама ходила в школу. Этот кожаный пенал...»

– Пенал?! – с ужасом крикнул Петя. – Еще пенал?!

Мама тоже расстроилась и перестала читать письмо...

Теперь их было четыре!

Ночью Петю мучили странные сны. Ему снились сплошные пеналы.

Сначала пеналы просто гуляли по саду и лазали по деревьям. А потом принялись играть друг с другом в футбол.

Это было уже чересчур!..

Утром Петя принял твердое решение: он взял тот пенал, который купил себе сам, и понес его в книжный киоск.

– Пожалуйста, – сказал он продавщице, – возьмите его обратно. Их у меня слишком много...

Голос у него был печальным.

– Что ж, давай, – согласилась та. – А он у тебя чистый?

– Очень чистый! – ответил Петя и тяжело вздохнул: жалко было расставаться.

Однако домой он возвращался вприпрыжку. Три – не четыре. Все-таки легче жить на свете!

У калитки его ждал Вовка. Они давно не виделись. Петя был рад остановиться и поболтать.

– Значит, завтра? – сказал он и многозначительно подмигнул приятелю, но тот мрачно молчал и глядел куда-то вбок.

Петя удивился: неужто Вовке уже расхотелось в школу? Так быстро?

Вид у Вовки был подавленный. Он даже как будто согнулся и ростом стал ниже. Проговорил, стараясь не встретиться с Петей глазами:

– Сначала съел молочное с вафлей. За девять копеек. Потом эскимо на палочке за одиннадцать. Потом захотел стаканчик фруктового...

Ну, теперь-то для Пети все яснее ясного! Болит живот, и придется принять касторку. Велика беда! Если хорошенько зажать нос...

Но Вовка лишь рукой махнул. Какая там касторка! Касторку он бы с удовольствием...

– Мать дала сорок копеек... Купи, говорит, чего нужно для школы, а если останутся деньги, можешь стратить на мороженое. А я сначала захотел мороженого. Теперь у меня ручка есть, карандаш есть, а пенала... .. И Вовка громко заревел. – Пенала у меня не-ет...

Петя был потрясен. Он не верил собственным ушам:

– У тебя нет пенала? Ни одного?

– Ни одного! – прорыдал Вовка.

– Стой здесь! Прямо на этом месте! – приказал Петя. Сбежать домой было делом одной минуты. Вовка еще не успел осушить слез, а уж Петя вернулся.

– Возьми! – Он протянул Вовке коричневый папин пенал и весело сказал: – Теперь осталось два!

В благодарность он получил от Вовки целую горсть колесиков от старых часов и счастливый

побежал домой. Что там говорить – лучшего и не придумаешь! И мама встретила его весело:

– Петя, насчет пеналов можешь не беспокоиться. Я все устроила: кожаный взял себе папа – ему будет очень удобно носить на работу карандаши. А тот пестрый с подсолнечником... Петя, что с тобой?

По мере того как мама говорила, лицо у Пети бледнело и вытягивалось.

– Теперь ни одного! – воскликнул он, всплеснув руками, и выскочил на улицу.

– Вы еще не продали мой пенал? – подбегая к книжному киоску, спросил Петя у продавщицы.

– Нет, а что? – удивилась продавщица.

– Вот деньги... Дайте мне, пожалуйста, скорее.

Петя схватил протянутый ему пенал, осмотрел его со всех сторон. Да, это он! Тот самый... Вот и сучок, похожий на родинку. И пахнет елочками. И крышка? Да, и крышка выдвигается как надо... Громко щелкнув, Петя закрыл крышку своего первого пенала.

Глава четвертая

Синяк

Первого сентября Петя и Вовка пошли в школу. И хотя с вечера они уговорились идти вместе, утром за Вовкой зашли его двоюродные братья, и он умчался с ними, даже забыв о Петинем существовании.

Но и Петя не вспоминал Вовку. Мысли его были заняты другим. Он встал в половине седьмого и принялся по-новому укладывать в портфель свое школьное имущество. Сперва он впихнул все учебники, которые ему купила мама. Потом десятка три тетрадей. Потом целый набор карандашей, резинок, ручек и, вероятно, около сотни перьев «Пионер».

Напрасно мама и папа убеждали его: больше одного карандаша и одной ручки ему не понадобится; и хватит с него пяти тетрадей; и можно в первый день вообще не брать учебников; и совершенно достаточно положить в пенал три запасных пера.

Петя никого не хотел слушать. Он упрямо мотал головой. Нет, он возьмет все! Мало ли что бывает! А вдруг у него сломается карандаш? Или у кого-нибудь потеряется ручка? Или, еще того хуже, будет скрипеть старое перо?

И он пихал, пихал, пихал в свой маленький портфель, пока этот портфель не раздулся до неузнаваемости.

— Лопнет, — сказала мама. — Вот увидишь. Или сейчас, или по дороге... Обязательно лопнет, вот увидишь!..

Конечно, такой портфель нести было нелегко. Он оттягивал руку чуть ли не до земли.

Но когда мама предложила: «Петя, давай понесу...» — Петя так посмотрел на маму, что ей стало ясно: ни в какой ее помощи отныне Петя не нуждается!

Всю дорогу мама поглядывала на него и удивлялась. Ведь, кажется, совсем недавно, ну просто совсем недавно, он первый раз сказал «баба» и «мама». С трудом переступая, сделал первые два шажка. Измазавшись до ушей, впервые съел самостоятельно тарелку каши... И вот ему уже семь лет, и вот он идет в школу!

Нет, вы только поглядите, какой у нее взрослый сын — еле тащит портфель, а от помощи отказался!

Утро было ясное, солнечное, с золотыми листьями на березах. Таким оно и должно быть, утро первого сентября, утро первого дня занятий в школе...

Две недели со все возрастающим нетерпением Петя ждал этого дня. А вот сейчас он шел и невольно замедлял шаги.

Что-то будет там, в этой неведомой ему школе?

Он крепко сжимал ручку портфеля, и сердце его тревожно замирало.

Возле школьного двора они с мамой остановились.

— Сам хочешь или вместе пойдем? — спросила мама.

— Погоди, — сказал Петя и приложился глазом к щели в заборе.

Ого, сколько там народу! Полон двор. Кажется, всем очень весело. И разве страшно? И тут Петя впервые почувствовал, что вполне может обойтись без мамы и совершенно самостоятельно вступить в этот новый для него и такой заманчивый мир.

– Сам пойду, тут все сами, – прошептал он и решительно направился к калитке.

– Как хочешь, – сказала мама.

Однако, шагая по школьному двору, Петя то и дело оглядывался назад. А может, лучше с мамой?

Куда ему идти? Что надо делать? Он ничего не знал.

Хоть бы Вовку найти. Да разве сыщешь!

Вдруг Петя услышал:

– Петя, Петька, сюда! Сюда шагай! Мы тут стоим!

Он увидел, что у школьного крыльца столпились самые младшие ученики – мальчики и девочки – и побежал туда.

Вовка сразу его стал поучать:

– Пойди скажи, что пришел.

– Разве надо? – удивился Петя.

– Надо.

– А что сказать?

– Так и скажи: «Я пришел».

– А кому сказать?

– Учительнице, а то кому? Вон той...

– А зачем?

– Так надо, все делают.

– Так и сказать: «Я пришел»?

– Так и скажи: «Я пришел, по фамилии Петя Николаев».

– Ладно, сейчас скажу... А зачем?

– Так надо, чтобы все знали. Ну чего ж ты стоишь?

– Сейчас пойду.

Но Петя топтался на месте, перехватывал портфель из одной руки в другую и не мог сделать ни шагу.

Как он жалел в эту минуту, что рядом нет мамы!

А Вовка начал сердиться:

– Ну чего ты? Иди! Ну?

– Сейчас пойду, – прошептал Петя, замирая от страха.

К счастью, та учительница с седыми волосами, к которой посылал его Вовка, подошла сама.

Она подошла прямо к Пете и спросила:

– Как твоя фамилия?

К ужасу своему, Петя почувствовал, что не может произнести ни своей фамилии, ни имени, вообще ничего. Он точно язык проглотил.

А Вовка все подталкивал его в спину, все шептал:

– Говори! Тебя спрашивают, говори.

И тогда Петя, глотая слюну, заикаясь и пятась назад, пролепетал:

– Я пришел... по фамилии Петя Николаев... я пришел в первый класс.

– Кажется, ты у меня, – сказала учительница. – Сейчас посмотрю. Так и есть: Николаев, Петр. Ты будешь в первом классе «А». Запомнишь?

– Запомню.

– И я в первом классе «А», – шепотом прогудел Вовка, высовываясь из-за Петиной спины.

– Меня зовут Клавдия Сергеевна. Запомнишь?

– Запомню.

— И мою учительницу зовут Клавдия Сергеевна, — снова высываясь из-за Петиной спины, загудел Вовка.

— Значит, вы оба в моем классе, — смеясь, проговорила Клавдия Сергеевна и, что-то отметив на листе бумаги, отошла к другим детям.

— Умная! — с почтительным уважением сказал Петя.

— А ты думал! — гордо ответил Вовка.

Этот день был восхитительный во всех отношениях. Ничто не могло его омрачить. Даже тот сияк под глазом, с которым Петя возвратился домой из школы.

Сперва Клавдия Сергеевна всех их поставила парами. А когда зазвонил звонок, парами же они поднялись по ступеням школьной лестницы, вошли в школьную дверь и наконец зашагали по длинному школьному коридору. Таких коридоров ни Вовка, ни Петя сроду не видывали. Он был шириной чуть ли не с улицу.

Потом Клавдия Сергеевна распахнула перед ними высокую белую дверь и сказала: «Это ваш класс!» — и они вошли в огромную комнату.

Казалось, что в этой комнате стен вовсе нет, а все стены превратились в окна — так много здесь было света.

Ах, как приятно было первый раз в жизни сесть за парту и уложить внутрь свой портфель! И положить руки на покатую крышку. А затем откинуть часть этой крышки и заглянуть в чер-

нильницу, в которой не было ни капли чернил. И еще раз открыть и закрыть крышку. И снова положить руки на парту и ждать, что будет дальше.

Но все это было ничто в сравнении с той минутой, когда Клавдия Сергеевна сказала им, что урок начался, и показала, как нужно встать, когда учитель входит в класс.

Они встали все, как один. Правда, первый раз это получилось чересчур громко. Но ведь они так старались! Зато в следующий раз Клавдия Сергеевна их похвалила. Она сказала: «Так. Правильно. Только крышки поднимайте тише».

А потом она стала вызывать каждого ученика по отдельности. Назовет фамилию, а ученик должен встать. Клавдия Сергеевна поставит какой-то значок в большой книге, которая лежит перед ней на столе, и скажет: «Можешь сесть!» — и тогда ученик уже должен сесть.

Петя прямо дожидаться не мог, когда наконец придет его очередь.

А когда Клавдия Сергеевна спросила, кто знает буквы, кто умеет читать, и не пробовал ли кто писать, и до скольких кто может считать, Петя и Вовка, хотя и сидели на первой парте, руки поднимали как можно выше, чтобы Клавдия Сергеевна видела, что они умеют и писать, и читать, и считать...

— Вот какие вы у меня молодцы! Значит, вы почти все уже знаете! — похвалила своих учеников Клавдия Сергеевна.

— Мы можем начать сначала! — с жаром крикнул Вовка, вскакивая с места.

– Никогда не вредно повторить то, что знаешь, – улыбнулась Клавдия Сергеевна. Однако велела Вовке есть и так громко не кричать.

На втором уроке было письмо. И тут выяснилось, что у двух мальчиков и одной девочки нет тетрадей. Тогда Петя поднял руку и сказал, что у него с собой очень много тетрадей, и если надо, то, пожалуйста, он с удовольствием даст.

И как же ему было приятно, когда Клавдия Сергеевна взяла у него три тетради и сказала:

– Хорошо быть таким запасливым!

Тогда, вне себя от гордости, Петя объявил, что у него с собой еще очень много карандашей.

К сожалению, карандаши не понадобились, потому что Клавдия Сергеевна сказала, что писать они будут сразу перьями.

– И перьев у меня очень много! – вскричал Петя. Но перья были у всех.

– А резинки? У меня есть и для чернил!

– Сколько же ты принес? – пряча улыбку, спросила Клавдия Сергеевна.

Петя вытащил из парты свой битком набитый портфель:

– Вот!

А перемены? Что может быть лучше маленьких перемен! Чего только не сделаешь в эти пять минут перерыва между уроками!

Можно, например, походить по коридору, – правда, не слишком удаляясь от дверей класса. Или съесть яблоко, которое мама сунула в карман.

Или даже осторожно выглянуть во двор и посмотреть, не начался ли дождь, пока у них был урок.

Но большая перемена была, конечно, в тысячу... нет, в миллион раз лучше!

– Давай сходим к Сереже, на второй этаж? – предложил Вовка, лишь только Клавдия Сергеевна им сказала, что сейчас началась большая перемена, которая будет длиться двадцать минут.

Конечно, Петя с удовольствием согласился. Захватив портфели, чтобы показаться во всей красе, мальчики отправились вверх по лестнице.

Сергея они встретили в коридоре. Он насмешливо присвистнул:

– Тю! Куда это мелюзга собралась?

– Прогуливаемся... – кротко улыбаясь, ответил Петя.

– Ничего не прогуливаемся! – перебил его Вовка. – К тебе пришли.

Сергей удивился:

– Ко мне? На кой я вам дался?

– А просто так, посмотреть, – широко улыбнулся Вовка.

– Так смотрите, – сказал Сережа, но не успели мальчики вдоволь на него насмотреться, как он исчез.

– Теперь куда? – спросил Петя.

– Теперь к Грише. Их класс на третьем этаже.

А Гриша их встретил совсем по-другому.

– Фу, до чего важные! – сказал он, с восхищением разглядывая мальчиков и особенно Петин портфель. – Ничего не скажешь: форменные первоклассники!

— Мы и есть первоклассники, — с важностью сказал Петя.

Хотя Гриша зазывал их к себе в класс и обещал познакомить со всеми учениками, мальчики наотрез отказались. Нет, им некогда, они спешат!

— А теперь? — снова спросил Петя, когда они расстались с Григорием. — К Андрюше?

Вовка кивнул, и приятели полезли на четвертый этаж, где находились старшие классы и учился Андрей Чернопятко.

Но туда им добраться так и не удалось.

Вдруг — а они-то думали, что большая перемена лишь началась! — зазвонил звонок.

— Что это? — бледнея, воскликнул Петя.

— Звонок! — закричал Вовка, и в совершенном смятении они кинулись вниз.

Какой ужас! Неужели они опоздают на урок и получат выговор от Клавдии Сергеевны?

Они ворвались в класс и, толкая друг друга, бросились к своей парте. И тут Петя почувствовал, что его новые ботинки скользят вперед, а он несется вслед за ботинками и никак не может удержаться на ногах. Со всего размаха он шлепнулся на пол, ударившись глазом об угол парты. Вместе с ним шлепнулся и портфель.

— Лопнул! — раздался чей-то отчаянный возглас.

Конечно, это относилось к портфелю, потому что Петя, несмотря на ужасную боль, был совершенно цел.

Но портфель действительно лопнул. Он лопнул по нижнему шву, и все тридцать тетрадей, все сто перьев «Пионер», все карандаши, все ручки, все резинки и даже знаменитый желтый пенал — все разлетелось по классу.

Но в такой день, как сегодня, разве можно проливать слезы о разорванном портфеле или из-за ушибленного глаза?

Когда после большой перемены Клавдия Сергеевна вошла в свой первый класс «А», она просто ошеломенена на пороге: все парты до одной были пусты, но зато все ее тридцать три ученика полза-

ли по полу, старательно подбирая какие-то перышки, карандаши, резинки.

— Что случилось? — спросила она.

— Все-таки лопнул! Мама сказала... Так и есть! — торжественно объявил Петя, поднимаясь с пола.

— Николаев! Петя! — ужаснулась Клавдия Сергеевна. — Что с твоим глазом? Кто тебя?

— Сам! — гордо ответил Петя.

— Какой синяк! — шептал Вовка, с завистью разглядывая Петин глаз.

По дороге домой синяк много раз менял цвета и оттенки. У дома он стал сиренево-розовым. И когда мама, открыв дверь, увидела своего Петю, с ней чуть обморок не сделался.

— Что с тобой? Что с тобой? Что с тобой? — только и смогла она выговорить.

Петя показал на портфель:

— Все-таки лопнул!

И, прищурив распухший глаз, с гордым самодовольством прибавил:

— Это я сам!

Вовку, который принес в своем целом портфеле Петино имущество, терзала черная зависть: какой синяк! Ах, какой синяк! И везет же этому Петьке...

Так закончился их первый школьный день.

Глава пятая

Рыженький мальчик

С каждым днем Пете все больше и больше нравилось учиться в школе. Прежде он даже представить себе не мог, как это будет интересно!

Например, тетради. Каждому первокласснику полагалось пять тетрадок. Не больше и не меньше, а именно пять. На каждой должно быть написано имя ученика, фамилия ученика, в каком он классе учится и даже в какой школе. Одним словом, полная биография.

Затем. При каждой тетради полагалась своя собственная промокашка. Розовая, или бежевая, или обыкновенная серенькая. Причем эта промокашка не просто лежала между листами тетради — она держалась на какой-нибудь цветной ленточке.

Уже через несколько дней после начала занятий Вова Чернопятко и Петя Николаев получили в классе общественную нагрузку. Они должны были вырезать из разноцветной бумаги кружки величиной с двухкопеечную монету. Этими кружками все ученики первого класса «А» приклеивали ленточки к промокашкам.

Теперь, если Петя находил где-нибудь дома ленточку от конфетной коробки, он брал ее себе. Хорошенько слюнявил, разглаживал на карандаше и лишь тогда отдавал Вале Никодимовой, одной девочке из их класса. В первом классе «А» Валя считалась ответственной по ленточкам. И если кому-нибудь из учеников первого класса «А» нужно

было приклеить к новой промокашке новую ленточку, следовало обращаться именно к Вале Никодимовой, и ни к кому другому. А за кружком для этой ленточки — к Вове Чернопятко или к Пете Николаеву, и тоже ни к кому другому.

А как интересно было на уроках! Скажем, на уроке письма. Особенно когда они стали писать не палочки, а самые настоящие буквы.

Во-первых, писать приходилось чернилами. И не простыми синими, какими пишут папа и мама, а темно-фиолетовыми.

Во-вторых, нужно было очень следить, чтобы с пера на тетрадь не шлепались кляксы.

В-третьих, писать необходимо было не как-нибудь, а по косым линейкам и чтобы каждая буква стояла навытяжку, руки по швам.

И, наконец, самое главное — писать полагалось с нажимом.

Ого, этот нажим! Он делал прямо чудеса.

Взять хотя бы кружок. Без нажима — никакого вида. Кружок как кружок. Но стоило сделать хороший нажим на одной стороне этого кружка — и сразу получалась великолепнейшая буква О!

А на уроках чтения!

Петя и до школы умел читать. Он научился еще в прошлом году и даже читал толстые книги, вроде «Острова сокровищ», где было очень много пиратов. Но в классе было совсем другое!

Подумать только, как мало на свете букв, а сколько из них можно составить слов.

Ма-ма. Ра-ма.

Па-па. Ла-па.

Лам-па... И еще множество других.

На уроках арифметики Клавдия Сергеевна часто вызывала к доске.

От десяти отнять семь, сколько будет? Очень просто. В одну секунду можно сосчитать в уме: три!

Но какое же сравнение, когда это приходилось делать на доске! Мелок то и дело падал на пол. Поднимешь его, а пальцы становятся совершенно белыми, будто их специально окунали в зубной порошок. От пальцев и вся рубашка покрывалась меловыми разводами, и сразу можно было понять: человек отвечал у доски.

А какие цифры можно было писать! Каждую величиной со стул, и даже больше.

...Как-то, придя домой, Петя сказал:

— А меня опять вызывали к доске...

Он сообщил об этом, как о самом пустяковом событии, даже слегка небрежно. Но мама-то отлично понимала, как хочется Пете, чтобы она спросила его обо всем поподробнее.

— А что ты отвечал?

— Решал примеры.

— Правильно решил?

Но Петя ответил уклончиво:

— Еще не знаю... Клавдия Сергеевна никому не выставяла отметок...

— Но все-таки, — настаивала мама, — ты знал или нет?

И снова ответ прозвучал туманно и непонятно:

– Не знаю... Может, Клавдия Сергеевна «плошку» поставит, может, «песика», а может, «хор»...

Мама удивилась:

– погоди, что это за «песики»? Впервые слышу!

Петя снисходительно улыбнулся: какая мама смешная! Ну откуда же ей знать о таких вещах? Ведь она, должно быть, училась при царе!

И, стараясь не показывать своего превосходства, Петя объяснил: «песики» – это «посредственно» или тройки, а «хоры» – это «хорошо» или четверки, а «плошки» – это «плохо» – самые обыкновенные двойки...

– А ты что, рассчитываешь на двойку? – не отставала мама.

Но Петя твердил свое:

– Не знаю... Клавдия Сергеевна сказала, что отметки...

А через несколько дней, вернувшись из школы, Петя буквально ворвался в переднюю:

– У меня три пятерки! Целых три пятерки! Не веришь? Смотри! – кричал он и совал маме свои тетрадки, чтобы она поглядела, какие хорошенькие круглые пятерочки выставила ему Клавдия Сергеевна. – И за чтение, и за письмо, и за арифметику...

– А говорил, что будут «плошки», «песики», – разглядывая первые Петины отметки, сказала мама. – Где же?

– Ты разве... – Петя с удивлением смотрел на маму. – Ты разве хотела?..

– Да нет же, нет! – засмеялась мама. – Глупый!

Только зачем же было пугать человека разными там «плошками» и «песиками»?

Однажды утром, вбежав в класс, Петя и Вовка увидели на своей парте, как раз на том самом месте, где обычно сидел Вовка, какого-то совершенно незнакомого мальчика. Причем мальчик этот расположился на Вовкином месте, как у себя дома. В ложбинку для перьев он положил карандаш и ручку, а книги и тетради, видимо, убрал внутрь. Поставив оба локтя на крышку парты и обхватив ладонями щеки и подбородок, он тихонько разглядывал ребят.

Одним словом, по всему было видно, что новенький устроился здесь прочно и не собирается уступать этого места ни Вовке, ни кому-нибудь другому.

Ну можно ли было стерпеть такое неслыханное самоуправство! Вова и Петя переглянулись и мгновенно оба кинулись на защиту своего места.

– Выкатывайся! – крикнул Вовка, грозно надувая красные щеки. – Нашелся... тоже!

– Сейчас же... сию минуту убирайся! – кричал Петя, тоже наступая на мальчика. – Сейчас же!

От такого натиска даже мужественного человека бросило бы в дрожь! А мальчик был маленький, бледный, с тонкой шейкой и перепуганными глазами. Неудивительно, что его сразу затрясло. Он торопливо вскочил. Стал собирать книги, тетради, карандаши... Все это принялся завертывать в газетную бумагу. Его веснушчатый носик морщил-

ся. Он моргал, кажется, собираясь заплакать. Стал бочком вылезать из-за парты!

А Вовка, едва лишь мальчик освободил место, сразу пришел в благодушное настроение. С видом победителя он легонько щелкнул новенького по затылку и, не теряя времени, принялся выкладывать из портфеля книги и все остальное.

Довольный тем, что все обошлось сравнительно легко, без тумачков, мальчик нерешительно топтался со своими пожитками между партами, не зная, куда деваться.

В это время в класс вошла Клавдия Сергеевна.

— Ты почему встал? — спросила она, подходя к новенькому. — Раз я тебя посадила, — значит, и сиди.

— На моем месте? — с возмущением вскричал Вовка. — А я куда же?

Клавдия Сергеевна быстрым взглядом окинула класс. Проговорила:

— Теперь ты будешь сидеть на третьей парте. Рядом с Таней Тихоненко.

Вовка сердито засопел. Не хочет он уходить со своего места. Не хочет, и все! Почему именно он? К тому же на одну парту с девчонкой... Где же справедливость?

Но Клавдия Сергеевна внимания не обратила на расстроенное Вовкино лицо. Как ни в чем не бывало продолжала:

— Митя Федоров, ты сядешь на вторую парту... С последней тебе плохо видно. И я тебя тоже не совсем хорошо вижу... А вот Катя Лялина

сядет на Митино место. Ведь она у нас самая высокая!

И не успели они оглянуться, как Клавдия Сергеевна рассадил их всех по-новому. И вот ведь как у нее получилось: самые смирные уходили к самым разговорчивым, озорники оказались соседями-тихонь, а прилежные и аккуратные ученики попали рядышком с лентяями.

Но всего этого Петя, конечно, не заметил. Он был удручен не меньше Вовки. Подумать только: они просидели рядом чуть ли не целых пять дней — и вот, нате вам! — ни с того ни с сего их вдруг взяли и разлучили.

Теперь Вова где-то далеко, чуть ли не на краю света, а у Пети под боком новый сосед, какой-то совершенно чужой, неизвестный мальчик. Да к тому же, кажется, и плакса...

Петя мрачно покосился на новенького и окончательно пал духом. Новенький был совершенно рыжий! Ну весь как есть рыжий... Рыжий до последнего волоска. Даже ресницы и те были у него рыжие. И нос в рыжих веснушках. И лоб в веснушках. И даже на щеках веснушки. Как будто его нарочно обмазали яичным желтком, как пироги, перед тем как их сажают в печку.

Вот наказание! Вместо его лучшего друга Вовки оказался такой сосед!

Глава шестая

За окном падает снег

Зима не наступала долго. Все время шли дожди. Из водосточных труб, как из водопровода, хлестала вода.

В школу надо было ходить в галошах, и это было очень неприятно. Но спорить не приходилось. По дороге встречались такие лужи, что их невозможно было перейти даже в галошах.

Не верилось, что где-то есть морозы. И снег лежит чуть ли не по колено. И даже, может быть, где-то катаются на лыжах, на коньках...

Петя печально смотрел, как с голых веток, дрожа, падают тяжелые мокрые капли, похожие на крупные слезы, и ему самому хотелось горько плакать.

И вдруг, совершенно неожиданно, когда решили, что зиме вообще не бывать, подул холодный северный ветер. В течение нескольких часов все высохло и затвердело. Деревья покрылись звонкими стеклянными чешуйками, а тучи низко свесились над домами, словно собирались улечься на крыши или просто посерединке улицы.

И к вечеру пошел снег. Белые мошки несмело вертелись в воздухе, то опускаясь, то снова взлетая, будто никак не могли решить, что им делать: упасть на холодную землю или взвиться обратно к тучам...

Петя с радостным визгом вскочил на подоконник и распахнул форточку.

Наконец-то началась зима!

А когда снег повалил как следует и целые тучи белой пушистой мошкары закрутились перед окнами, Петя высунул из форточки обе руки. И снежинки доверчиво полетели прямо в его теплые розовые ладони, мгновенно тая, не успевая показать своей хрупкой звездной красоты.

Мама тоже подошла к окну, присела на подоконник:

— Как красиво! Похоже, будто роятся белые пчелы...

— Точь-в-точь! — воскликнул Петя, продолжая ловить снежинки. — Совершенно точь-в-точь!

— И еще, похоже, будто Снежная королева прилетела к нам из своего ледяного царства.. Помнишь, у Андерсена?

Петя перестал ловить снежинки:

– Я ничего не знаю про Снежную королеву.

Мама удивилась:

– Неужели я тебе не читала этой сказки? Ведь она моя любимая.

– Никогда! – с возмущением вскричал Петя. – Ни разу! Там о пчелиной Снежной королеве?

– Ну что ты! Там о мальчике Кае и девочке Герде. О том, как они дружили... Не читала? Такая чудесная сказка.

– Ни разу! Как тебе не стыдно!

– Они жили по соседству, под крышами двух островерхих домиков. Так близко друг от друга, что могли переговариваться из окошек. И там же, наверху, они устроили себе сад, в котором посадили куст розовых роз. Летом они любили сидеть под этим кустом. А зимой, когда окна замерзали...

– Знаю! Знаю! – вдруг вспомнил Петя. – Все знаю! Мальчик нагревал на огне монетку и прикладывал к окошку. Получалась круглая дырка, и они с девочкой смотрели на снежок...

– Значит, читала?

– Да! – весь раскрасневшись, вскричал Петя. – Да, да, да, читала! Теперь вспомнил...

А мама, любуясь снегом, падающим за окном все гуще и гуще, говорила тихим и каким-то особенным, чуточку взволнованным голосом:

– Одежда Снежной королевы была соткана из снежных звездочек, и сама она была прекрасна. Но сердце-то у нее было ледяное. Попросту говоря, у нее совсем не было сердца, вместо сердца

у нее был кусочек льда... И когда она унесла в свое царство Кая, она и его заморозила. У него стало ледяное, холодное сердце, и он забыл свою маленькую подружку...

– А она? Ведь она его не забыла?

– Нет. Она была удивительно смелой девочкой, с горячим, любящим сердцем... И она пошла искать своего товарища по всему свету...

– Ведь ее тоже могла утащить Снежная королева? – прошептал Петя. – И у разбойников ей было страшно... Но как же она все-таки не испугалась?

– Когда по-настоящему дружишь, о себе нисколько не думаешь и за себя ничуть не боишься. Это и есть настоящая дружба...

Петя задумчиво смотрел на падающий за окном снег. Тихонько повторил:

– Дружба?.. Разве это такая важная вещь – дружба?

– Настоящая дружба? Это самое важное в жизни человека. И самое прекрасное.

– Да? – задумчиво и немного удивленно проговорил Петя. – Я не знал... А у нас с тобой дружба, мамочка?

– Мы с тобой очень дружим. И всегда друг другу верим...

– Разве для дружбы важно – верить?

– Очень важно.

– С Вовкой мы тоже дружим. Только знаешь, Вовка теперь сидит на третьей парте. Уже давно! Это ничего для дружбы?

– Это совершенные пустяки.

– А вот с тем мальчиком, знаешь, который сидит теперь со мной вместо Вовки... С ним я не дружу... Ни на копейку! – Петя поморщился. – У него одни кляксы... С ним никто не дружит.

– Почему же вы с ним не дружите? Это очень плохо.

– Плохо?

– Очень плохо.

– Ты думаешь, очень плохо? – протянул Петя, щурясь на снег. – Почему?

А снег все падал и падал.

И в другой половине дома, где жили Чернопятко, тоже увидали за окном снег. Первый увидел его Вовка.

– Снег! – завопил он на весь дом. – Настоящий снег!

Он тоже влез на подоконник и тоже распахнул форточку. Просунул наружу голову.

Было просто удивительно, как мог он так легко протиснуть свои толстые красные щеки!

А снег уже падал густо, крупными хлопьями.

– Смотрите, смотрите! – задыхаясь от восторга, кричал Вовка. – Смотрите все!

Он втянул голову обратно в дом. Все-таки непостижимо, как это пролезли его щеки?

– Завтра мы с Петькой – на санках!

Он снова высунулся в форточку:

– Или на лыжах!

И опять бедная, многострадальная голова окзалась в комнате:

– Или в снежки!..

Он снова высунулся наружу.

Толстые красные щеки, как им досталось!

А снег падал и падал...

Может, и правда Снежная королева мчалась на белых конях, а ее великолепный снежный плащ вместе с ветром неся над всей землей?

А в это время третий мальчик, тот рыженький, который занял на парте место Вовки – его звали Кирилкой, – тоже стоял возле окна и тоже глядел на снег...

Он думал, что, может быть, и на Севере сейчас идет снег. Только, уж конечно, тот снег получше

этого. И его гораздо больше. Потом он подумал, что отец, наверно, давно катается на лыжах. Или на собаках. А может, даже на оленях? Очень на многом можно кататься там у них, на Севере.

Давно папа уехал. А не прислал еще ни одного письма. Каждый день Кирилка спрашивает на почте письма от папы. Там ему отвечают: «Пишет, пишет...» Но если пишет, куда же деваются папины письма?

Кирилка тихонько вздохнул.

А снег все шел, шел, и за окном становилось темно.

Потом Кирилка подумал, что завтра в школу можно идти в валенках. И это очень хорошо. Потому что ботинки у него давно прохудились, а сказать об этом тетке боязно. Обязательно заругается, что прохудились. Обязательно.

После валенок Кирилка сразу вспомнил про школу, про Петю Николаева и вздохнул еще громче.

Сколько дней они сидят рядом, он и Петя, а все равно Петя нипочем не хочет с ним дружить. Даже рукой заслоняет свои буквы, чтобы Кирилка на них не смотрел.

А какие у Пети буквы! Какие буквы!

Вчера вот у Пети капнула на парту клякса. Кирилка поскорее вытер эту кляксу да еще посплюнвил, чтобы на крышке не осталось пятна. Петя почему-то рассердился. Он сказал: «Значит, ты подлиза» — и покраснел. А чем же он подлиза?

Книги он всегда кладет в парту точь-в-точь как Петя, и карандаш у него похож на Петин. И промокашка тоже на красной ленточке.

Чем же он подлиза?

Конечно, если бы он отвечал без запинки уроки и если бы не кляксы, Петя бы с ним дружил.

А что ему делать?

На дополнительных занятиях он всегда отвечает хорошо. А вот в классе при всех боится. Клавдия Сергеевна, она добрая, она ему говорит. «Ну, Кирилка, ну отвечай же... Какой ты, право! Ты же все знаешь! Отвечай...» А он стоит у доски и молчит. Не может слова выговорить. Вдруг все засмеются?..

А сколько у него клякс!.. Все тетради в кляксах. Разве можно дружить с мальчиком, у которого столько клякс?

А как же ему без клякс, если на столе всегда белая скатерть? Вот и приходится уроки делать на подоконнике. Учительница Клавдия Сергеевна то и дело повторяет: «Рука, которой пишешь, вся должна лежать на столе». А на подоконнике не то что рука — тетрадь еле помещается. А локоть совсем свисает. Вот потому у него и кляксы, что на подоконнике...

И в «колдунчики» его не берут играть. На переменах все мальчики играют, а его не берут... Никогда. Только дразнятся: «Рыжик-пыжик, почему десяток веснушек?»

Если веснушки хорошенько потереть щеткой — может, они сотрутся?

На этот раз Кирилка вздыхает глубоко и протяжно.

— Тише! — сердито шепчет тетка. — Генечку не разбуди.

Генечка — ее сын. Хоть ему только пять лет, дерется он очень больно. А сдачи Генечке тетка не велит давать.

Новые ботинки, которые ему перед отъездом на Север купил отец, тетка спрятала в комод — наверно, для Генечки. И новую шапку-ушанку (тоже отец купил) надевает Генечка. А когда тетка идет в гастроном, или на базар, или еще куда, то велит Кирилке, чтобы тот смотрел за Генечкой и не обижал его. А почему Генечке она не говорит, чтобы он не дрался?

Кирилка опять вздохнул.

— Говорят, тише! — прошипела тетка. — Уроки делай...

— Сделал, — тоненьким голоском ответил Кирилка и снова вздохнул.

Что же поделаешь, такая у него была привычка: вздыхать и вздыхать...

Плохо жить на свете, когда совсем один, когда тетка слова ласкового не скажет, а дядя, папин брат, хоть добрый, да все на работе. Иногда погладит Кирилку по голове... Только редко это бывает.

А отец далеко, на Севере. И сам не едет, и писем не шлет.

А главное, плохо, когда нет товарищей. Плохо, ох как плохо...

Глава седьмая

Кирилкин портфель

Петя и Вовка мало похожи друг на друга. И характером, и наружностью.

Петя высоконький мальчик и немного бледноват. Вовка же, наоборот, коренастый коротышка. У Пети на лбу аккуратно подстриженная челочка, а у Вовки на затылке торчит хохолок, похожий на кисточку для бритья.

Петя щурится. Он слегка близорук. А когда он смеется, на самой середке носа у него, как и у мамы, гармошкой собираются морщинки.

У Вовки же щеки до того красны и до того круглы, что просто удивительно, как только птицы не склевали их по ошибке вместо яблок.

Вовка, что называется, «тяп-ляп». Схватит — бросит. Бросит — снова схватит. И никакого толку. По десять раз в день он придумывал что-нибудь новое и никогда ничего не кончал. Не то что Петя, который все всегда доводит до конца.

В школу Вовка обязательно опаздывал бы, но аккуратный Петя заходил за ним каждое утро.

Не в пример Пете, Вовка очень любил драться. Он был большим задирой и с удовольствием ввязывался в любые потасовки. Дрался он обыкновенно своим портфелем, и если судить только по портфелю, то всякий бы сказал про Вовку: этот мальчик, вероятно, давно окончил школу. Портфель у Вовки был драный, с оторванной и кое-как прикрученной ручкой. Замка совсем не было, и Вовка

мог таскать свой портфель только под мышкой. Прямо не верилось, что всего каких-нибудь два месяца тому назад этот портфель, новешенький, завернутый в серую бумагу, перевязанный сверху бечевкой, Вовкин отец принес из магазина.

А у рыженького Кирилки вообще не было никакого портфеля. До самого снега он носил в школу книги и тетради завернутыми в газетную бумагу.

В одно прекрасное утро — для Кирилки это утро было особенно прекрасным — весь класс дружно ахнул: Кирилка явился в школу с портфелем. Да еще с каким!

Мало того, что этот портфель был из роскошной темно-коричневой кожи и ростом почти с самого Кирилку, он был с двумя замками, с двумя ключами и с двумя ремнями. Он мог складываться и раскладываться. И, кроме того, в нем имелось не меньше восьми различных отделений, начиная от самых крохотных, куда можно было сунуть разную мелочь, вроде конфетной бумажки или пера, и кончая колоссальным отделением, во всю длину раскрытого портфеля, куда при желании мог поместиться даже сам Кирилка.

Конечно, все эти подробности выяснились много позднее — на перемене. А в первый момент, когда Кирилка и его новый портфель появились в дверях класса, все только в изумлении ахнули.

Клавдия Сергеевна тоже заметила новый Кирилкин портфель и подозвала к себе Кирилку.

Застенчиво краснея, Кирилка подошел.

— Замечательный портфель! — проговорила

Клавдия Сергеевна и спросила: — Кто же тебе подарил его, Кирилка?

И вот тогда-то класс впервые услышал Кирилкин голос, тоненький, словно писк комара:

— Это мой папа.

— Он уже вернулся? — обрадовалась Клавдия Сергеевна. — Когда?

— Нет, — ответил Кирилка. — Он еще не вернулся. Один дядя приехал прямо с Севера... и привез.

— Как хорошо, что твой папа вспомнил про портфель... Я рада за тебя, Кирилка!

— И я рад! — пропищал Кирилка и вздохнул.

Но какой же это был легкий и счастливый вздох!

Конечно, о своем портфеле Кирилка мог бы рассказать гораздо больше. Он мог бы рассказать, например, как вчера вечером к ним домой пришел высокий военный в форме летчика и спросил, не тут ли живет мальчик Кирилка.

В этот вечер Кирилка сидел дома совершенно один. Увидев незнакомого военного, он сперва немного испугался. Но потом сказал, что «мальчик Кирилка» живет здесь и что он и есть этот мальчик. Тогда высокий военный очень обрадовался и сказал, что он папин товарищ, прилетел с Севера и привез Кирилке привет от папы.

Тут Кирилка тоже очень обрадовался, сразу перестал бояться, и они с папиным товарищем в одну минуту подружились. Папин товарищ посадил Кирилку к себе на колени и стал рассказывать, как они хорошо и дружно живут на зимовке, какой

у Кирилки молодец папа и какой он выстроил отличный дом для зимовщиков.

Потом он сказал, что завтра улетает обратно и пусть Кирилка скажет: что ему хочется получить с Севера – медвежонка, или олененка, или еще какую-нибудь необыкновенную северную вещь?

И тогда, немного подумав и легонько вздохнув, Кирилка сказал: конечно, он бы рад получить живого медвежонка, а еще лучше маленького моржонка, но пусть лучше папа пришлет ему с Севера самый обыкновенный портфель. Без портфеля ему очень неудобно ходить в школу.

– У тебя совсем нет портфеля, малыш? – удивился папин товарищ. – Совсем никакого? А в чем же ты носишь книжки?

Кирилка сказал, что у него нет никакого портфеля, а книжки он заворачивает в газету и ребята над ним смеются и не хотят с ним играть в «колдунчики».

– Что ж тут смешного? – Папин товарищ нахмурил брови. – Не понимаю!

– Не знаю, – тихонько промолвил Кирилка. И вдруг папин товарищ шлепнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

– Ну какой же я рассеянный! Просто удивительно, до чего я рассеян... Посмотри, какой портфель прислал тебе отец, а я чуть не забыл про него!

И он показал Кирилке на портфель, который лежал возле них на столе.

Кирилка сначала не очень-то поверил.

– Это мне? – спросил он, робко дотрагиваясь до

портфеля. – Мне? – повторил он снова. – Мне? – повторил он и в третий раз.

– Уж раз я говорю – тебе, значит, тебе! – весело сказал папин товарищ. – Только дай я выну из твоего портфеля мои бумаги... Я их на время положил туда.

А потом папин товарищ распростился с Кирилкой и ушел. Но, уходя, он еще раз обернулся и, улыбнувшись, сказал Кирилке:

– Ну до чего я забывчивый! Ведь чуть не увез твой портфель обратно на Север...

Ничего этого Кирилка, понятно, никому не рассказал. Да и зачем рассказывать?

На первой же переменке весь класс окружил Кирилку. Всем хотелось поближе взглянуть на необыкновенный портфель.

Но Клавдия Сергеевна посоветовала им не толкаться, а спокойно сесть на места. Пусть лучше портфель пойдет в круговую, по всем партам, тогда каждый сможет его хорошо рассмотреть.

– Хочешь так, Кирилка? – спросила Клавдия Сергеевна.

– Хочу, – шепотом ответил Кирилка.

И портфель отправился с одной парты на другую по всему первому классу «А».

Не было ни одного из тридцати трех ребят, кто не пощупал бы прочность кожи портфеля, не полюбовался бы его двумя замками, двумя ключами, двумя ремнями и восемью отделениями.

Обратно к Кирилке портфель вернулся без единого пятнышка, без единой царапины, овеванный небывалой для портфеля славой.

— Наверно, он из моржовой кожи, — проговорил Петя, деловито щупая портфель, который уже лежал рядом с Кирилкой. — Или из мамонтовой... А может, из китовой или тюленьей? Они всегда водятся на Севере.

Кирилка ничего не ответил. Он протирал тряпочкой сверкающие бляхи замков. Он только поднял на Петю глаза, полные доверия. Если бы Петя сказал, что портфель сделан из банановой кожи и на Севере водятся крокодилы, Кирилка вцепился бы в каждого, кто посмел это отрицать.

Но из школы, несмотря на портфель, Кирилка возвращался в одиночестве. Петя и Вовка шли впереди, а он понуро плелся сзади.

Петя и Вовка обсуждали очень важный вопрос: куда лучше им снарядить экспедицию — на Северный полюс или в Антарктиду?

А Кирилка, печально вздыхая, думал о том, что и портфель ему не помог. Петя все равно не хочет с ним дружить. И Вова тоже.

— Нет, как ты не понимаешь, — горячился Петя, размахивая рукой, — как ты не понимаешь? У меня только три парохода! Нельзя пополам, раз три... Ну как ты разделишь три пополам? Как?

— А тоже нельзя, чтобы у тебя были одни пароходы, а у меня одни самолеты, — упрямо твердил Вовка. — Так тоже неинтересно!

— Тогда как? Ну как? — Петя иронически прищурился. — Ну? Ну? Как ты хочешь?

В то самое мгновение, когда Вовка собирался предложить свой план распределения пароходов и

самолетов, пронзительный крик, полный отчаяния и ужаса, раздался у них за спиной.

— Что это? — воскликнул Петя и обернулся. Кричал Кирилка.

Какой-то верзила, тощий и длинноногий, с громким хохотом вцепился в Кирилкин портфель и тащил портфель вместе с Кирилкой в боковой переулок между домами. Кирилка упирался, скользил, падал, но портфель держал крепко и, кажется, готов был скорее умереть, чем отпустить его кожаную ручку.

Первым опомнился Вовка:

— Вот дрянь!

Надув до предела красные щеки, он ринулся на помощь Кирилке.

Петя побежал следом за ним.

Они подросли в самый раз. Увидев их, парень тотчас отпустил портфель. Игриво насвистывая, он завернул в тот самый переулок, куда перед этим тащил Кирилку.

А Кирилка шлепнулся в снег. И когда мальчики подбежали к нему, сидел в сугробе, горько плача.

Вовка помог ему встать.

— Ладно, не реви... — сказал он и потряс кулаком в том направлении, куда исчез Кирилкин обидчик. — Он у нас еще увидит! Еще как увидит...

Петя протянул Кирилке носовой платок:

— На, вытрись...

И Вовка вытащил из кармана свой платок:

— Лучше мой возьми! Ты не смотри, что грязный. Зато сухой...

Кирилка взял и тот и другой. Всклипывая, прорыдал тонюсеньким голоском:

— Чуть... не утащил...

Вовка снова потряс кулаком:

— Думаешь, мы бы дали? Мы бы...

— Кирилка, — с озабоченным видом сказал Петя. — Дай-ка лучше я сам тебя вытру... А то ты стал какой-то ужасно грязный... Ужасно!

— Это он об мой платок! — похвастался Вовка. — Честное слово!

— Вова! — Петя посмотрел на Вовку.

— Чего? — спросил Вовка, посмотрев на Петю.

— Пусть он с нами дружит? А?

— Кто? Он? — Вовка кивнул на Кирилку.

— Он. Пусть с нами дружит, а?

— Пусть дружит.

— Пусть?

— Пусть!

— Кирилка, — сказал Петя, — будешь с нами дружить?

— С вами? — недоверчиво прошептал Кирилка.

— С нами! — подтвердил Петя. — С ним и со мной. Хочешь?

Но Кирилка молчал, переводя глаза с Пети на Вовку и снова с Вовки на Петю.

— Ничего не понимает! — с сожалением воскликнул Вовка. И громко, точно глухому, стал раздельно выкрикивать каждое слово: — Хочешь дружить... ты... да он... да я?

Тут Кирилка снова залился слезами. Всклипывая, проговорил, что он всегда хотел, только они не хотели... И он бы давно хотел, если бы они хотели... И если он молчал, так потому, что они все время молчали... И раз они хотят с ним дружить, то и он больше всего на свете хочет с ними дружить, с Петей и Вовкой.

Говоря это, Кирилка вытирал слезы сразу двумя носовыми платками, и его лицо — нос, щеки, лоб и подбородок — становилось все грязнее и грязнее.

— Это он об мой платок! — хвастливо выкрикивал Вовка.

Действительно, Кирилка сделался таким чумазым, что после небольшого совещания мальчики

решили: лучше им сперва зайти к Пете. У Пети Кирилка хорошенько отмоемся, прежде чем пойдет домой.

Глава восьмая

Лампа под зеленым абажуром

Началось это с того самого дня, когда после приключения с портфелем мальчики прибежали к Пете отмывать Кирилку от грязи.

Сначала, перебивая один другого, они рассказали маме историю с портфелем. Потом мама хорошенько рассмотрела и сам портфель, его восемь отделений, два замка, два ключа и все остальное.

После этого Петя заявил:

— Теперь мы дружим! Это тот мальчик, который сидит со мной на парте. Знаешь?

Мама, конечно, все знала. Она спросила:

— Его зовут Кирилка?

— Да! — хором ответили мальчики.

— Раздевайтесь скорей и мойте руки. Сейчас будем завтракать. — Мама развязала у Кирилки шарф и взяла у него из рук шапку. — У меня получилась такая гречневая каша, что вы пальчики оближете!

— Гречневая? — от восторга взвизгнул Петя. — Ох, до чего у меня разыгрался аппетит...

— И у меня тоже ничего, — буркнул Вовка, поглаживая себя по животу. — Тоже играет!

— И у меня! — всем на удивление, тоненько пискнул Кирилка.

Но при этом он так смутился, что его желтенькие веснушчатые щеки залил пунцовый румянец, и, откуда ни возьмись, на них засияли прехорошенькие круглые ямочки. Кто бы мог подумать, что Кирилка умеет так славно улыбаться?

А на столе уже появились три тарелки, до краев полнехонькие гречневой каши, и три кружки, тоже до краев полнехонькие горячего молока, и три блюда клюквенного киселя, и три ложки, и вдобавок хлебница, полная вкусного мягкого хлеба.

После завтрака Кирилка, Петя и Вовка немедленно отправились в антарктическую экспедицию, полностью забыв обо всем. И о том, что они первоклассники. И о том, что завтра им нужно в школу. И о том, что пора бы все-таки приниматься за уроки...

Петя, ползая по полу, вел между льдами и торосами корабли экспедиции. У Вовки в руках была воздушная разведка, и он рокотал моторами двух самолетов. А Кирилка строил под столом, в самом центре Южного полюса, лагерь для зимовщиков. И этот лагерь получался ничуть не хуже того, который построил его папа там, далеко на Севере...

В этот самый момент мама повернула выключатель, и нежно-зеленый свет наполнил комнату.

— Мальчики, — спросила она, — разве на завтра ничего не задано?

Мальчики перестали играть, и все трое испуганно переглянулись.

— Ой, задано... — растерянно прошептал Петя. — Еще сколько!

А Кирилка так разволновался, что не сразу отыскал свой портфель, хотя сам положил его на очень видное место: прямо в столовой на диван.

Только один Вовка не потерял спокойствия:

– Ну и что? Не сделали, так сделаем... Об чем разговор!

– Конечно, – сказала мама. – Книжки с вами? И тетрадки тоже? Садитесь и делайте!

Петя удивился:

– Все вместе будем делать?

– Почему же нет?

– Где? – еще удивленнее спросил Петя.

– Здесь, на этом столе. Где же еще?

– Прямо у нас? – Глаза и рот у Пети стали круглыми от удивления.

Но маму сразу поддержал Вовка:

– А что? Очень даже удобный стол! Я сяду здесь, ты – тут, а Кирилка – там...

– И можно каждый день, – весело пискнул Кирилка. – Каждый-каждый день... и всем вместе.

– Ну конечно! – весело согласилась мама.

Вопрос был решен сразу, твердо и бесповоротно. С сегодняшнего дня они будут каждый день готовить уроки здесь, у Пети, за этим столом!

Мальчики уселись, и мама тоже принесла свои книги и записки.

– Вот это здорово! – обрадовался Вовка. – Теперь на столе все стороны заняты. Петя, да?

...На следующий день Вовка с таинственным видом отвел Кирилку и Петю в самый дальний угол школьного коридора и заявил, что после уроков,

когда они пойдут домой, он им сообщит одну очень важную вещь.

– Ладно, – стараясь казаться равнодушным, сказал Петя. Но тут же не выдержал: – Сейчас расскажи! Прямо сию минуту...

Но Вовка на его уговоры не поддался и ничего не рассказал. Но как же ему трудно было вытерпеть до конца занятий!

И Петю все четыре урока терзало ужасное любопытство.

Это произошло по дороге домой. Вовка затащил их в укромное местечко между забором и заколоченным на зиму ларьком. Снег здесь был выше колен, но зато никто не мог их увидеть. Они протиснулись сюда один за другим, и Вовка сказал:

– Слушайте!

Голос у него дрогнул от волнения, а щеки запылали еще ярче.

– Это я сам сочинил. – И он громко запел сипловатым, прерывающимся баском на мотив известной песни:

Жили три друга-товарища,
Пой песню, пой!
Один был храбр и смел душой,
Другой умен собой.
А третий был их лучший друг.
Пой песню, пой!
И трое ходили всегда втроем.
Пой песню, пой!

К концу Вовка совершенно осип. Но это его ни-сколечко не смутило. Пропев последние слова песни, он тут же вскричал:

— Могу еще раз! Хотите?
 — Вова! — с жаром проговорил Петя. — Ты прямо как писатель!

Но Вовка с достоинством возразил:

— Ну, скажешь! Есть даже некоторые могут лучше.

Но какое дело Пете и Кирилке (Кирилка молча, в немом восхищении таращил на Вовку глаза), какое им было дело до других, когда их собственный друг обнаружил такое неожиданное и поразительное дарование!

— А ведь можно всем вместе петь! — вдруг сообразил Петя и выжидательно посмотрел на товарищей.

— И каждый день! И каждый день! — тоненьким голосочком поддакнул Кирилка.

И тогда Вовка с неожиданным высокомерием заявил:

— Я для того и сочинял, чтобы каждый день... и всем вместе!

У них получилось великолепное трио. Вовка гудел сиплым басом. Пронзительно и громко выкрикивал Петя. А Кирилка пищал, вроде тонкой дудочки-свистульки.

И вот все трое, обнявшись, зашагали по улице, надсаживаясь во все горло:

Жили три друга-товарища.
 Пой песню, пой!..

При этом они испытывали необыкновенное, неведомое дотолем наслаждение.

Вдруг Петя остановился и замолчал. Повернувшись к Вовке, сказал:

— А ведь есть уже такая песня. Только она про двух товарищей. Там тоже «Пой песню, пой!».

Лицо у Вовки стало обиженным и голос тоже.

— Ну и что же? Ведь у меня про трех... Разве нас двое?

— Трое, трое! — сердито пискнул Кирилка. — Я, ты и он!

— Видишь, трое, а не двое... — холодно, скорее даже надменно, проронил Вовка.

Несколько секунд Петя молчал, упрямо сдвинув брови. Конечно, их было не двое, а трое... Но все-таки... он не сдался:

— А еще есть такое стихотворение: «Жили три друга-товарища в маленьком городе Эн». И там уже про трех...

— Ну и что же? — сердясь, защищался Вовка. — Разве там есть: «Один был храбр и смел душой»? Это я! «Другой умен собой» — это ты! «А третий был их лучший друг» — это про Кирилку. Есть там такое? — наступая на Петю, уже кричал Вовка. — Нет, ты скажи — есть?

— Этого там нет! — твердо сказал Петя.

— Видишь! Значит, это про нас, и я сам все сочинил.

— Давайте лучше петь, — жалобно попросил Кирилка. Он вдруг испугался: неужели его новые друзья сейчас возьмут и рассорятся?

Но Петя и Вовка об этом и не помышляли.

В конце концов, не все ли равно, кто придумал песню, которая так хорошо поется?

И снова три друга, тесно обнявшись, зашагали дальше по заснеженной улице, горланя на весь поселок:

И трое ходили всегда втроем.
Пой песню, пой!

Хрупкие белые звездочки падали на них сверху. Может быть, улетая обратно в хмурое ледяное царство, Снежная королева стряхнула их со своего великолепного снежного плаща...

С этого дня мальчики почти не расставались. В школу они ходили вместе, перед занятиями забегая друг за другом. И домой возвращались вместе. И уроки тоже готовили вместе у Пети за большим столом.

Они усаживались в том же порядке, как и в первый раз. Около каждого ставилась чернильница, чтобы удобнее было макать перо. И мама пристраивалась возле, если, конечно, в этот день у нее не было вечернего приема в поликлинике.

Как тихо бывало в эти часы! Просто не верилось, что в комнате трое мальчишек, один из которых горластый крикун по имени Вовка.

Ставни на окнах закрыты. В печке гудит огонь, и от голубых изразцов идет тепло.

У Пети пылают уши.

Вовка пыхтит, надув свои толстые красные щеки. Ему очень жарко. Дома он с удовольствием скинул бы валенки, но здесь как-то неудобно.

Даже у Кирилки выступил нежный румянец. Ему хорошо: рядом два друга.

Только мама кутается в платок: она сидит спиной к окошку, из-под занавесок тянет зимним холодом.

У мальчиков скрипят перья, а около печки пиликает невидимый сверчок.

Его хорошо слышно; но где он?

Петя и мама как-то раз искали его, искали, да так и не нашли. Мама говорит, что они, эти самые сверчки, вроде полевых кузнечиков. Только не зеленые, а черненькие и маленькие...

Но Пете кажется, будто их сверчок – это крошечный человечек, не больше половины мизинца, и будто у него островерхий колпачок и совсем малюсенькая скрипка. На этой скрипочке, не зная усталости, он пиликает и пиликает все вечера...

Вот они сидят – три мальчика: рыженький Кирилка, толстощекий Вовка и аккуратный Петя. Все трое очень стараются: делают уроки к завтрашнему дню.

Петя щурится, любуясь своими красивыми буквами. Он всякий раз, обмакивая перо в чернильницу, стряхивает его, и ни одной кляксы не найти в его тетрадках.

Вовка тоже давно обходится без клякс. Только на первых порах они не давали ему житья. Но буквы у него все еще пляшут, качаются, не желая стоять ровно, как им положено. И с этим очень трудно бороться.

А бедному Кирилке по-прежнему не везет. Тяжелые лиловые капли как-то сами собой скатываются у него с пера, то и дело шлепаясь на строчки с буквами.

Петя вскакивает, видя это, кричит, вне себя от огорчения:

– Шляпа! Шляпа! Чуть было не написал на пятерку... Не может, чтобы без клякс!

Кирилка бледнеет. Ему не так обидно за новую кляксу – одной меньше, одной больше, не все ли равно, когда их так много! Но ему страш-

но: вдруг такой отличник, как Петя, перестанет с ним дружить... У него испуганно вздрагивают ресницы.

Но Вовка и тут не теряет присутствия духа. Он не из таких! Он тоже вскакивает и, заранее высунув язык, бежит к Кирилке. В один миг он слизывает кляксу с Кирилкиной тетради. Это его специальность. И вместо густой лиловой капли на странице остается едва заметное сиреневое пятнышко.

– Зачем ты это сделал? – сердится мама. – Сколько раз тебе говорили: не смей! Лиловые чернила ядовиты.

Но Вовке это нипочем: ядовиты? А хотя бы и ядовиты! Он все равно не боится...

– Я могу хоть сто штук слизать, хоть двести! – хвастается он.

На всякий случай мама дает ему полную ложку черносмородинового варенья. И тогда уже не страшно, что язык лиловый. Может, это и от варенья!

Петя и Кирилка за компанию тоже получают по ложке. Заодно и мама съедает одну ложечку.

Через минуту в комнате снова тишина. Скрипят перья, на маленькой скрипке пиликает невидимый сверчок, мама, прищурив глаза, смотрит на мальчиков: то на Вову, то на Петю, то на Кирилку. А из-под зеленого абажура сияет такой свет, словно сквозь весеннюю зелень пробиваются горячие лучи солнца, словно уже наступил конец зиме.

Что там говорить – это были славные вечера!

*Глава девятая***Петя заводит новое знакомство**

«Я рад, я рад, а ты? – кричал Петя. Прыгая вокруг мамы, он совал ей в руки табель с Кирилкиными отметками. – Если не веришь, смотри!»

Да, пусть мама собственными глазами убедится, что у Кирилки по арифметике «пять». Самая настоящая пятерка! Пусть поглядит, если не верит...

– Честное слово! – прогудел Вовка и в порыве нежности так шлепнул Кирилку по спине, что бедняга еле устоял на ногах.

Ну кто бы мог подумать в тот день, когда первый раз пришлось решать пример на деление, что у Кирилки в четверти будет пятерка? Тогда он жалобно моргал, переводя глаза с Пети на Вовку и с Вовки на Петю, и никак не мог понять, что четыре можно разделить на две равные части.

– Ох, какой ты! – с досадой говорил Вовка. – Ведь просто! Возьми и раздели пополам... Ну пополам, и все тут. Понимаешь?

– Понимаю, – шептал Кирилка.

Но было совершенно ясно, он ничего не понимает.

– Петя, попробуй с яблоками... Он лучше поймет, – посоветовала мама.

Петя махнул рукой: уж какие там яблоки, когда с простым «четыре» ничего не выходит. Но все же он сказал:

– Кирилка, я дам тебе четыре яблока, что ты с ними сделаешь?

– Съем! – вздохнув, проговорил Кирилка.

– Все до одного?! – возмутился Вовка. – Неужели не поделишься? Эх ты!

Но Кирилка быстро поправился:

– Одно дам Пете, одно тебе, одно Петиной маме. Только одно возьму себе. Так можно? – спросил он и залился румянцем.

– Вот это как раз и будет деление! – весело сказала Петина мама. – Ты разделил между нами четыре яблока. А можно было их разделить между двумя, между тобой и Вовой, если бы нас с Петей не было здесь. Понял?

– Понял, – сказал Кирилка, и две ямочки засияли на его веснушчатых щеках. Теперь-то он действительно понял, как надо разделить четыре на два!

...Что может быть прекраснее школьных каникул, в особенности когда эти каникулы впервые в жизни!

Кирилка, Петя и Вовка признались, что лучше этого времени они ничего еще в жизни не знавали.

Но, бесспорно, самым чудесным был школьный праздник, на котором выступали все трое – Кирилка, Петя и Вовка. Все трое они изображали Деда Морозов.

Костюмы Дедам Морозам, разумеется, шила Петина мама, и, разумеется, шитье происходило в столовой, за тем самым обеденным столом, где мальчики обычно делали школьные уроки. Но теперь этот стол, да и не только стол, все было завалено ворохом белых лоскутов, кипами ваты, сере-

бряными звездами, золотой мишурой и блестящими нитями елочного дождя.

Урывая по утрам перед приемом в поликлинике час, два, или, наоборот, вечерами после приема, мама садилась за швейную машинку. Она сшивала белые лоскуты, превращая их в непонятные бесформенные балахоны, пока еще ни на что не похожие.

А мальчикам мама велела мазать прозрачным киселем из картофельной муки длинные полосы ваты и тут же, пока эти полосы липкие и мокрые, посыпать их борной кислотой и мелко нарезанным елочным дождем. Когда эти ватные полосы высохли, они стали твердыми, прочными и заблестели, будто их на самом деле посыпали только что выпавшим снегом. Тогда мама обшила ими края, рукава и подолы балахонов, и мальчики увидели, что костюмы у них получились просто великолепными. В точности, как у тех игрушечных Дедов Морозов, которые обычно стоят под нижними ветками разряженных елок.

Затем мальчики надели готовые костюмы, подпоясались серебристыми кушаками, нахлобучили белые шапки с серебряными звездами и привязали ватные бороды. Все трое стали такими похожими друг на друга старичками, что мама сказала, будто невозможно разобрать, который из трех Кирилка, который Петя, а который Вовка...

В школе, на новогоднем празднике, мальчики стояли возле высокой темной ели и торжественными голосами, немного нараспев, говорили хором

стихотворение, которое с ними выучила Клавдия Сергеевна:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои...

А вокруг в пышных марлевых юбочках, обшитых ватными помпонами, кружились девочки-снежинки. И когда они в такт музыке взмахивали руками, помпоны, привязанные на длинных лентах к кистям их рук, взлетали вверх, и казалось, будто и впрямь начался снегопад.

После школьной елки была еще грандиозная елка в заводском клубе. Эта елка, вышиной в два этажа, сверкала миллионами электрических лампочек. На этой елке мальчики получили по мешочку с гостинцами. Петя съел одну конфету, одно печенье, один мандарин и сказал, что остальное он оставил «на потом». Кирилка же остаток подарка завернул в носовой платок и спрятал в карман: это он снесет Генечке, своему двоюродному братишке. Хотя Генечка и больно дерется, но пусть попробует, какие им вкусные сласти дарят на елках.

Что касается Вовки, тот в одну минуту запихал себе в рот и конфеты, и печенье, и оба мандарина.

Нет, не в его характере оставлять что-нибудь «на потом» или кому-нибудь относить. Очень надо!..

Вообще на каникулах было великое множество разных восхитительных развлечений. Елка у Пети. Елка у Вовки. Один раз они ходили в кино. Один раз в кукольный театр.

Но всему приходит конец. Пришел конец и каникулам.

И когда Петя, немного сонный, отвыкший за каникулы рано вставать, одевался при свете электрической лампы, а потом шел в школу, ему было так жалко... Как быстро все пролетело! Ведь кажется, будто лишь вчера они прибежали из школы и показывали маме Кирилкину пятерку по арифметике.

Однако печаль его мало-помалу стала проходить, когда он забежал за Вовкой и нашел там Кирилку. И полностью рассеялась, когда втроем они подошли к знакомому белому зданию школы. И отворили знакомую широкую дверь, и повесили шубы на знакомые вешалки, и вошли в свой класс – может быть, чуточку забытый за две каникулярные недели, но такой хорошо знакомый, знакомый до последнего гвоздика на стене.

Было похоже, будто они возвратились обратно домой после приятного, но все же утомительного путешествия...

А в большую перемену они затеяли любимую, хотя и запретную игру – состязание в беге по всем четырем школьным этажам.

Возможно, если бы Петя состязался с Вовкой, ничего не произошло. Вовка бегал слишком хорошо, нельзя было терять ни одной секунды. И Пете в голову бы не пришло задержаться на лестничной площадке четвертого этажа и сунуть нос в чужие дела.

Но поскольку Петя бежал наперегонки с Кирилкой, который проворством не отличался, он не торопился. И он разрешил себе любопытствовать, чем так заняты два очень солидных мальчика, по положению не ниже четвертого или пятого класса. Мальчики стояли лицом к окошку, спиной ко всему остальному миру и что-то с увлечением разглядывали.

А сунув свой любопытный нос туда, куда его совать не следовало, Петя мгновенно обо всем забыл. Он забыл и про Кирилку, который в это время изо всех сил торопился, и про Вовку, который в роли судьи стоял посередине нижнего коридора и вертел головой направо и налево, с нетерпением поджидая бегунов, чтобы вступить в состязание с победителем.

Да, Петя забыл обо всем. Очарованный, он стоял возле двух незнакомых мальчиков, не в силах от них отойти.

В руках у одного из них, того, что был повыше ростом, Петя увидел небольшой красный переплетик, полный марок необычайной красоты. Хорошо разглядеть эти марки ему, однако, не удалось. Второй мальчик, с ежиком коротких белобрысых волос, тот, который жадно разглядывал марки, заметил Петю и сердито на него цыкнул:

– Эй, ты... брысь отсюда!

Обладатель же марок быстро сунул красный переплетик в карман. Но, окинув Петю высокомерным взглядом и убедившись, что это не больше чем ничтожный первоклашка, успокоился. С кислой гримасой кинул через плечо:

– Катись, знаешь, к чертям!..

И тут на Петю нашло.

Разумеется, в начале года Петя не посмел бы даже близко подойти к таким двум важным мальчикам. К концу первой четверти он, может, и позволил бы себе эту вольность, но, встретив столь враждебный прием, скатился бы с четвертого этажа до первого, и без остановки.

А сейчас он не только не ушел – он даже с места не тронулся. Теперь Петя чувствовал себя наполовину второклассником и, вместо того чтобы удирать, решительно произнес:

– У моего папы этих самых марок... Хотя лопатами сгребай!.. Тьма-тьмущая!

Выговорив такие слова, Петя даже испугался. Ведь это было бессовестным враньем, которому трудно поверить. Сейчас они ему покажут... Ох!

Но, как ни странно, мальчики этому поверили.

Хотя белобрысый презрительно фыркнул: «Проваливай, проваливай, нечего тебе тут делать...» – другой, а он-то и был главный, дружелюбно осведомился:

– Откуда у твоего отца столько марок?

Причем в глазах у него зажглось острое любопытство.

Лиха беда начало. Петя полностью осмелел. Он вспомнил, что папа иногда приносит с завода кое-какие заграничные журналы с пестрыми картинками на обложках. Изредка на журналах попадались никем не содранные марки, которые Петя иной раз отклеивал, а иной раз и не трогал. И он сказал мальчику:

– Мой папа получает из-за границы... прямо ужас сколько журналов! И все облепленные марками!

Ему снова поверили:

– Интересно! – протянул высокий мальчик с кудрявыми темными волосами. – И часто твой отец получает журналы?

– Еще как часто! – вскрикивал Петя. – Прямо каждый день!..

– Интересно! – повторил мальчик, уже совсем благосклонно поглядывая на Петю. – Как-нибудь притащишь свои марки... Ладно?

– Ладно! – с восторгом согласился Петя.

Теперь было ясно: старшие мальчики его не только не поколотят, но и не прогонят. Он может остаться возле них.

Тут красный переплетик с марками вновь появился из недр кармана, и оба мальчика углубились в созерцание. Однако они капельку расступились, чтобы и Петя мог посмотреть.

Вытянув шею по-гусиному, Петя впился глазами в марки. Впрочем, марки марками, но главное было не в этом. У него появились новые знакомые, да какие!

До конца большой перемены он не отходил от них. Особенно понравился ему Лева Михайлов. Так звали кудрявого мальчика, который, по всему видно, был необыкновенно большой знаток марок.

Тем временем Кирилка и Вова поджидали Петю в нижнем коридоре, у двери первого класса «А», и не могли придумать, что же случилось с их другом, куда он запропастился...

Глава десятая

Коллекция Левы Михайлова

Лева Михайлов был из пятого класса «Б». Он собирал марки уже больше года. А прежде эта коллекция принадлежала его старшему брату Виктору. Неудивительно поэтому, что в Левином альбоме было около двух с половиной тысяч марок разных стран. Левина коллекция славилась в школе, а дружбы слевой искали даже ребята из восьмого класса.

Можете себе представить Петин¹ счастье, когда через несколько дней после их знакомства Лева Михайлов из пятого класса «Б» сам подошел к Пете и сказал, что, если Петя хочет, он может показать ему свой альбом. И даже, конечно, если Петя хочет, он придет с этим альбомом прямо к нему домой.

Конечно, Петя хотел. И как он мог не хотеть! Он весь зарделся от удовольствия, а на Кирилку и Вовку бросил взгляд, полный превосходства.

— Сразу зафорсил! — сердито проворчал Вовка и отошел от Пети.

Кирилка же только вздохнул.

На следующей перемене Петя сбегал на второй этаж, отыскал Леву и уже сам к нему подошел:

— Значит, придешь?

— Приду, — ответил Лева и весьма благосклонно поглядел на Петю. — Сделаю уроки и приду... Сам понимаешь!

Петя кивнул: ясно, уроки должны быть сделаны в первую очередь.

Всю перемену он ходил залевой по пятам, заглядывал ему в лицо влюбленными глазами и по минутно спрашивал:

— Честное слово, придешь? Обязательно? И с альбомом?

В конце концов он Лева изрядно надоел, и тот прикрикнул:

— Вот пристал! Сказал приду — значит, приду! Отвяжись...

А Вову с Кирилкой в этот день Петя вовсе не позвал к себе. Он не захотел, чтобы они взглянули на знаменитую коллекцию Левы Михайлова. Наоборот, он предупредил их, что сегодня им придется делать уроки врозь, потому что вечером к нему придет Лева Михайлов из пятого класса «Б» и будет показывать свои марки.

Мальчики были обижены до глубины души.

— Очень нам нужны Левкины марки, — сказал Вова, сердито надув губы. — Вот еще! Кирилка, да?

Между нами говоря, Лева ни за что не пошел бы к какому-то первоклашке, да еще с альбомом. Но он надеялся получить у Пети несколько новых марок.

К четырем часам Петя пообедал, сделал на завтра уроки и принялся ждать.

Вернувшись с работы, мама удивилась:

— А где Кирилка? Вова?

— Они сегодня не придут, — уклончиво ответил Петя.

— Вы что, поссорились? — допытывалась мама. Петя пожал плечами: ничуть они не ссорились, а просто не придут, и все.

Больше мама ни о чем не спрашивала: что ж, бывают обстоятельства, когда люди почему-либо не могут прийти.

Час, от четырех до пяти, тянулся очень долго. Но Петя устроил генеральную уборку на своем столе, и время кое-как прошло.

В пять Левы еще не было.

До шести Петя слонялся из угла в угол, ничего не делал и надоедал маме. Он просто изнывал от ожидания. Вот как все неправильно устроено на свете: иной раз день пролетит так, что не заметишь, а сегодня стрелки часов еле-еле движутся по циферблату.

После шести Левы все еще не было.

Петя начал волноваться. Он взял стул, поставил его в передней. Уселся недалеко от входной двери, чтобы как-нибудь не прозевать Левин звонок.

Из передней мама велела ему уйти. Сказала, что, во-первых, можно простудиться, а во-вторых, ему вообще тут нечего делать.

— Как ты не понимаешь! — обиделся Петя. — Я жду одного мальчика... Он из пятого «Б».

Но мама была непреклонна. Она сказала, что ждать кого бы то ни было, пусть даже мальчика из пятого «Б», не обязательно возле дверей, от которых дует.

Петя с укоризной взглянул на маму и ушел из передней. Да, все-таки взрослые мало что понимают в их делах... Даже такие взрослые, как его мама.

В семь часов с завода вернулся папа, а Левы так и не было. Петя потерял всякую надежду. Было совершенно очевидно: Лева не придет.

И вдруг, когда он совсем перестал ждать, раздался короткий и резкий звонок.

Петя кинулся открывать: неужели все-таки Лева?

А если не Лева?..

И когда щелкнул замок, и когда входная дверь распахнулась, и когда вместе с прозрачным облаком зимней стужи кто-то появился на пороге, Петя весь затрепетал.

Да, это был Лева! Как он был великолепен в своей короткой куртке нараспашку, в меховой шапке, сдвинутой на затылок, и без всякого шарфа! Да, без шарфа или чего-нибудь подобного на шее! Альбом, завернутый в газетную бумагу, он держал в руках.

— Где будем смотреть? — не теряя ни минуты на праздные разговоры, спросил Лева и прошел за Петей в столовую.

— Где хочешь... — ответил Петя, заглядывая Лева в лицо. — Где тебе нравится. Можно вот тут, на обеденном столе, можно на моем... А можно вот на этом круглом... Я все с него уберу!

Лева было безразлично, хоть на круглом, хоть на обеденном. Главное, чтобы удобно положить альбом.

Решили, что лучше всего будет на обеденном столе.

А дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Там сидели папа и мама. И Петя был просто счастлив, что они дома: пусть полюбуются, какой у Пети новый товарищ и какой у этого товарища замечательный альбом.

Никогда Петя не мог себе представить такого количества марок! А какие все были разные! Каких цветов и оттенков!

Одни были нежно-зеленые, как первая трава весной. Другие пурпурно-алые, будто листья осины, тронутые морозом. Некоторые были тончайших оттенков: розовато-серых, лимонно-палевых, сиренево-голубых. А другие выделялись своей густой определенной окраской: темно-лиловой, ярко-оранжевой и оливковой.

Были в альбоме марки с неведомыми плодами и цветами. А на иных, кроме узоров, ничего нельзя было разобрать. Морской прибой пенился на одних, на других высились дома, гуляли люди, а на третьих неслись самолеты и плыли огромные океанские пароходы.

Были на некоторых марках звери, каких редко и в зоопарке сыщешь: пятнистые жирафы, длинноносые птицы марабу и розовые пеликаны. А на многих были очень похожие друг на друга профили английских королей с гладко зализанными проборами.

Таких марок Петя не видел еще ни разу в своей жизни!

А в каком они были порядке, Левины марки! Как аккуратно приклеены тонюсенькими липкими бумажками к страницам альбома! Каждая почти на весу, каждая готовая взвиться и улететь от малейшего дуновения.

И Петя боялся дышать. Немного близорукий, он низко склонился к маркам, крепко зажав ладонью рот, чтобы как-нибудь им не повредить.

Лева листал страницы. Небрежно объясняя, он сыпал непонятными, загадочными, но пленительными словами:

– Эта у меня пока одна. Но тут хлопец продает мировецкую. Как раз будет под серийку... Семь копеек просит... Поторгуюсь – может, уступит! А то сменяю на дублетку.

Пете очень хотелось узнать, что значит «под серийку», и какие бывают «мировецкие», и что означает «дублетка»... Но он стеснялся. Он только шепотом спросил:

– А эта с деревцем? Голубенькая?

– Бракованная! – коротко отрезал Лева. – Коста-Рика... Зубец надорван.

Петя наклонился к марке.

– И ничуть незаметно. Нужно всматриваться... и все равно... ничуть незаметно!

Но Левины брови сурово сдвинуты:

– Все равно брак! Без брака ей цена десять копеек, а теперь три копейки. Ничего. Кому-нибудь всучу.

Мама давно перестала читать и подошла к столу, на котором мальчики рассматривали марки. Она стояла молча, не вмешиваясь в мальчишеские разговоры. Ее давно злил пренебрежительный тон, которым Лева разговаривал с Петей. А заискивающих Петиних глаз она просто не могла видеть.

Показав свои марки, Лева посмотрел на Петю:

– Теперь тащи, что там у тебя?

Петя смутился: неужто он похвастался Лева, что тоже собирает марки?

И, краснея, он пробормотал:

– Я ведь еще... У меня ведь нет альбома.

В глазах у Лева мелькнуло раздражение.

– Ты же говорил про какие-то журналы?

– А, журналы!

Петя кинулся к папе. Зашептал:

– Папочка, у нас заграничные журналы где?

Отец кивнул на книжную полку:

– Кажется, там что-то есть.

Какое счастье! Здесь не один, а несколько. И, кажется, марки на них. Да, да, какое счастье! И марки есть.

Схватив в охапку все, что нашел, Петя положил на стол перед Левой:

– Вот!

Хотя Лева сказал, что марки на журналах «сплошное барахло», ничего не стоят и что у него такие имеются, все же отодрал он их все до одной с величайшим старанием и умением.

После этого он стал собираться домой.

Петя с недоумением посмотрел на маму.

Это было очень странно, но мама и не подумала пригласить Леву остаться и попить чаю с вареньем (а ведь ни разу она не отпустила без чая или обеда Кирилку и Вову!), она даже не попросила Леву прийти к ним снова. Она еле кивнула, когда Лева с ней прощался.

— Ну? — вопросительно вскричал Петя после Левиного ухода. — Ну, хороший?

— Что? — словно не понимая, спросила мама.

— Правда, он замечательный? — воскликнул Петя, весь переполненный восхищением к Леве.

— Альбом хороший, — сдержанно ответила мама. Что это с мамой? Она словно нарочно не хочет понять, о чем ей толкует Петя.

— Я говорю о Леве! Такой замечательный мальчик! Он, знаешь, из пятого класса «Б»!

— Да! — равнодушно произнесла мама и поставила на стол вазочку со своим любимым земляничным вареньем.

Так и есть: они сейчас будут пить чай. Но почему же все-таки... Вдруг мама сказала:

— Петя, а ты разве не хочешь собирать марки? Ведь интересно...

Хочешь? Это было чересчур холодное, чересчур ничего не выражающее слово. Петя просто сгорал

от желания иметь хотя бы крошечный альбомчик, хотя бы с двадцатью или хоть с десятью, ну, на первый случай, хотя бы с пятью марками...

— О, мамочка! — не сказал, а простонал он в ответ.

— Ведь очень полезно собирать марки, — проговорила мама, на этот раз обращаясь к папе, который пришел в столовую пить чай. — Во-первых, Петя будет отлично знать географию...

— Ты думаешь? — чуть усмехнулся папа.

— Конечно! — воскликнула мама. — Сколько разных стран знает Лева. Но ведь он совсем по-глупому собирает марки.

Петя оскорбился за нового друга:

— Мама, Лева очень умный... Он из пятого класса «Б».

— Я ничего не говорю, — поправились мама, — вероятно, он действительно очень умный... Но видишь ли, Петя, мы-то с тобой совсем по-другому начнем собирать марки. Совсем иначе! Мы будем путешествовать с нашими марками по разным странам!

— На самолете? Или на чем? — обрадовался Петя. Он тотчас представил себе, как они с мамой становятся совсем крохотулечками и садятся на маленький самолетик, или на очень маленький пароход, или на что-нибудь другое...

А мама продолжала мечтать:

— Да, мы поедем с тобой и в Китай, и в Индию, и на далекие индонезийские острова... И как много мы увидим и узнаем!

— А почему бы вам не отправиться прямо в Австралию? — посмеиваясь, проговорил папа. — Сядете на самолет и через десять-двенадцать часов приземлитесь возле какой-нибудь эвкалиптовой рощи!

— А какие прелестные марки у Либерии! — вспомнила мама про Левин альбом. — Петя, ты заметил? Одна такая коричневатая, на ней плоды какао. А на другой — лодочка. Узенькая-узенькая. Она называется пирога. Видел, в ней сидят два человека?

Вот ведь какая у него мама! Все, решительно все успела разглядеть...

Но почему же она не пригласила Леву придти почаще? Как Вову и Кирилку? Почему?

В этот вечер, лежа в постели, Петя никак не мог уснуть. Все смотрел в темноту и мечтал. Сначала мечтал о том, как завтра после школы они с мамой сядут в автобус и поедут в город покупать марки, альбом и наклейки.

Как удачно вышло: завтра у мамы утренний прием — значит, ничто не может им помешать!

Потом Петя стал смотреть на широкую голубоватую полосу, которая лежала на полу, падая из полуоткрытой двери соседней комнаты. И ему стало казаться, что это вовсе не электрический свет, а ровная, гладкая лента реки, и будто по этой реке, медленно покачиваясь, плывет прозрачный кораблик... Уже совсем в полусне Петя снова представил себе, как они с мамой становятся крохотными

человечками, не больше хлебной крошки, садятся на этот прозрачный кораблик и отправляются странствовать в далекие страны... Кораблик плывет медленно-медленно и чуть покачивается на волнах. Петя и мама крепко держат друг друга за руки, и мама говорит далеким голосом из соседней комнаты: «Вот никогда не думала, что ананасы растут на земле, вроде цветной капусты!»

Пете тоже хочется посмотреть, что это такое за ананасы, похожие на капусту. Но вместо этого он видит огромную марку. Она все закрывает... И растет еще и еще... А деревья на ней голубые, до самого неба. А море золотистое. Они идут по узкой тропинке, Петя и мама. «А где же наш кораблик?» — хочет спросить Петя. И не может... Губы еще слегка шевелятся, чмокают, но ресницы уже сомкнуты.

Он спит...

Глава одиннадцатая

Петя собирает марки

И вот Петя тоже начал собирать марки. Сперва в его альбоме их было не больше десятка. Те самые, первые, которые они с мамой купили в магазине на главной улице города.

В течение нескольких дней этими десятью марками Петя просто не мог налюбоваться. Он разглядывал их и перед школой, и после школы, и вечером, перед тем как лечь спать, и утром, лишь только он открывал глаза. Он изучил на них каждый домик, каждое деревце и узор, знал каждый надор-

ванный зубчик. «Брак!» – цедил он сквозь зубы, очень похоже на Леву. Но пусть даже с надорванным зубцом, он ни за что не расстался бы с маркой, уже наклеенной в его альбоме.

Но что такое десяток марок в сравнении с двумя тысячами, которые были в альбоме у Левы Михайлова?

Чепуха! Ерунда! О них стыдно было кому-нибудь сказать... Петю уже охватил азарт филателиста.

Марок, марок, марок... Откуда угодно, каких угодно, лишь бы их стало как можно больше!

С каждого письма, которое приходило папе или маме, Петя с лихорадочным нетерпением срывал марку и, если у него такой не было, немедленно приклеивал в свой альбом.

Утром, перед уходом папы на работу, Петя ему напоминал:

– Марочки принеси.

– Ладно, – обещал папа, – постараюсь.

– Только не забудь, – молил Петя.

Некоторые марки, из тех, что приносил папа, были очень красивы. Даже в магазине подобных не продавали. Но вот беда: папины марки слишком часто повторялись. У Пети накопилось столько одинаковых, что даже на мену они не годились. Даже задаром их никто не хотел брать. Петя представить себе не мог, что с ними делать.

И, кроме того, все, что чересчур легко достается, в конце концов теряет цену. Петя ничуть не дорожил марками, что приносил ему папа.

Хотя нужно признаться, изредка попадались такие экземпляры, что даже у самого Левы Михайлова в глазах загоралась зависть.

Больше всего марок прибавлялось у Пети после поездок с мамой в магазин, где продавали марки.

Обычно в магазин собирались в течение нескольких дней. Каждый вечер Петя откладывал по две, три или пять копеек, и ко дню поездки у них с мамой накапливалась довольно кругленькая сумма – рубля два или полтора. Но, понятно, главное было в маминой сумочке, которую она брала с собой и откуда доставала деньги, чтобы платить за купленные марки.

В город они обычно отправлялись во второй половине дня, после занятий в школе. Перед тем как сесть в автобус, мама твердым голосом заявляла:

– Больше двух рублей тратить не станем.

– Ладно! – с восторгом соглашался Петя. В самом деле: разве два рубля мало? Ведь это же огромные деньги!

– Если я слишком увлекусь, ты меня останавливай, – продолжала мама. – Очень тебя прошу, Петя, не забудешь?

– Ладно! – соглашался Петя.

Но в душе-то он думал: если мама слишком увлечется марками и если он ее вовремя не остановит, это будет ему простительно. Потому что он-то может увлечься побольше мамы и обо всем забыть. Разумеется, они тратили не два рубля, а значительно больше. Один раз даже три рубля сорок

пять копеек! Возвращаясь домой, оба чувствовали себя злостными растратчиками, у обоих был сконфуженный вид.

— Теперь целый месяц не поедem... — говорил Петя, заглядывая маме в лицо. — Или две недели... ладно?

— Все из-за Югославии, — говорила мама. — Такая прелестная цветочная серия... Просто не могли мы устоять!

— А Япония?

— Да и Япония, — сознавалась мама. — Тоже очень интересные марки.

Приехав домой, прямо в шубах, потому что нетерпение их одолевало, они бросались к альбому и сверяли свою новую покупку.

И чаще всего происходило так. Петя торжествующе кричал:

— Ага! Ага! Есть! Я говорил, такая у нас есть! Ну, кто был прав?

Мама бывала немного смущена:

— Теперь вижу... действительно точь-в-точь! Ничего страшного, кому-нибудь подаришь... Ведь прехорошенькая марочка!

...А вечером, если завтрашние уроки были сделаны и Кирилка с Вовой расходились по домам и если у мамы оставалось свободное время, Петя приглашал ее в путешествие по марочным странам. Для таких путешествий отдельно, в спичечном коробке, лежало несколько не наклеенных еще марок. У них было твердое правило: если они

ничего не знают о стране, из которой марка, в альбом ее пока наклеивать нельзя.

Оба садятся на диван, зажигают настольную лампу и раскладывают на коленях географическую карту всего мира.

— Можно отправляться в путь-дорогу? — спрашивает Петя. — Ты готова?

— Куда же мы сегодня едем?

Петя достает из коробки марку с полосатой зеброй. Откуда она, эта марка? Из какой страны?

Мама, щурясь, внимательно разглядывает и говорит:

— Сегодня нам предстоит далекое путешествие! Мы отправимся с тобой в Африку. Знаешь, где Африка?

— Знаю! — с видом глубочайшей учености отвечает Петя. — В Америке!

— Ох, глупый! — смеется мама. — Африка — это Африка, Америка — это Америка! Совершенно разные материки. Вот посмотри, где Африка. А вот тут Америка... Смотри, какой между ними огромный океан. Скоро мы поедem с новой маркой куда-нибудь в Америку, тогда узнаешь, как это далеко от Африки...

Но Пете, в общем, все равно, где Америка и где Африка; главное, ему не терпится скорее отправиться в путешествие.

— Едем! — торопит он маму.

Конечно, все происходит не так, как ему это представлялось раньше. Рядом нет ни крохотной лодочки, ни кораблика, ни даже малюсенького са-

молета. Они не берут с собой чемоданов с вещами и не становятся величиной с хлебную крошку. Бывает это по-другому, но все равно очень-очень интересно!

Мама смотрит на географическую карту и, немного подумав, говорит:

– Прежде всего мы садимся с тобой на поезд и едем на юг, в Одессу.

– Сели! – подхватывает Петя. – Теперь едем...

Мамин палец уже скользит по географической карте.

– Вот она, Одесса! Нашел?

– Нет еще!

– А ты следи за моим пальцем.

– Вот, вот, нашел! У моря... эта самая... Одесса?

– Совершенно верно! «Скоро отчаливает наш пароход?» – спрашиваем мы у начальника порта. «Сию секунду!» – отвечает начальник. И мы скорее торопимся на пристань.

– Успеваем?

– Конечно. Вот он стоит у причала, великолепный многоэтажный пароход... «Он идет во Владивосток?» – спрашиваем мы. «Во Владивосток! – отвечают нам. – Скорей, скорей садитесь!..» Едва мы успеваем взобраться по трапу, как раздается команда: «Отдать концы!» И три гудка...

– Ну что ты, мама! – восклицает Петя. – Так не бывает. Сначала три гудка, потом убирают трап, а потом уж команда: «Отдать концы!»

Мама не спорит:

– Все эти морские обычаи я знаю не очень хорошо. Конечно, бывает, как ты говоришь, Петя.

– Дальше что?

– А дальше мы из Черного моря плывем в Средиземное море. Теперь нам нужно через Суэцкий канал пройти в Красное море. Это самый короткий путь из Одессы во Владивосток. Вот он, Суэцкий канал! «Здравствуйте! – говорит нашему капитану египетский лоцман. – Вам нужно пройти через наш канал?» – «Да», – отвечает капитан. И вот длинный караван судов идет по каналу. И вместе с другими – наш пароход...

Вместо каравана судов по Суэцкому каналу движется Петин палец. Опытный лоцман – мамина рука – показывает дорогу, а голос, неторопливый и певучий, продолжает рассказ, похожий на сказку.

Ее рука лежит у Пети на плече. Пушистые завитки волос слегка щекожут Петину щеку. Мама говорит:

– Мы прошли через Суэцкий канал и вышли в Красное море. Но тут капитан сказал: «Дальше наши пути расходятся. Мы держим курс на Индию, отсюда в Японию, а потом во Владивосток. А вам, судя по марке, нужно на юго-восточный берег Африки. Ничего не поделаешь, придется вам пересесть на самолет».

– А мы?

– Конечно, мы послушались капитана! Кстати, тут же нас приглашает один знакомый летчик. «Я лечу в Мозамбик, – говорит он. – Подходит вам?» – «Подходит, подходит!» – отвечаем мы и прощаемся с капитаном, со всей пароходной командой. И вот мы уже в воздухе!

Теперь Петина ладошка поднялась вверх и летит над Африкой. Мизинец и большой палец оттопырены. Это – крылья самолета.

– Мы смотрим вниз. А внизу под нами вода, и на ней движется маленькая темная букашка. Это наш пароход плывет во Владивосток. Мы кричим и машем платками, но слишком высоко – никто нас не видит и не слышит. А мы летим все дальше, дальше...

– Фр-фры... – рокошет Петин самолет.

– И вот наконец мы над страной, откуда наша марка!

– Мама, держись! – кричит Петя на весь дом. – Мы идем на снижение... Мама, крепче держись, приземляемся. Стоп!..

– Дальше хочешь пешком?

– Хочу!

– Тогда пошли!

И они, пробираясь через густые заросли мимоз, перевитых лианами, смело идут дальше. Вдруг наступает ночь. Да такая черная! Как сажа из печки. Даже луны нет. Только звезды. Но какие это крупные и яркие звезды. И тут они видят...

Мамин голос переходит в шепот. Глаза становятся круглыми. Петя замирает:

– Что? Что видим?

– Вода в озере начинает колыхаться, и на поверхность вылезает... – Мама шепчет одними губами и по слогам: – Бе-ге-мот. Огромный, блестящий. Он фыркает, сопит и так громко зевает, что его слышно на всю Африку.

– Неужели? – смеется Петя.

– Честное слово! – тоже смеется мама. – А в это время раздается рычание. Лев! Он вышел на ночную охоту. Он крадется по звериной тропе... А из зарослей тоже к озеру неслышной тенью скользит тигр...

– Сколько разных зверей! – удивляется Петя.

– Смотри, все они у тебя на марках. Вот лев, вот бегемот, а вот и тигр...

У Пети нетерпеливый блеск в глазах.

– Ну, а потом?

А потом у них с мамой наступает утро. Мама думает, что солнце в Африке по утрам бывает алого цвета, а лучи его – чистое золото. Они с Петей идут по берегу озера и видят, как на водопой спешат жирафы, рыжие, пятнистые, с длинными шеями и крохотными рожками на лбу. А на солнышке греется змея. Такая, как на зеленой марке. Ее кожа переливается разными цветами. Красивая, но очень опасная змея... Удав – вот как называется эта змея.

А потом они подходят к негритянской деревне. Это очень бедная деревня. Хижины сделаны из камыша, а люди живут почти впроголодь.

– А мы говорим, что приехали из Советского Союза? – спрашивает Петя.

– Обязательно.

– А они знают про Советский Союз?

– Очень мало. Но все-таки немного они знают и потому подходят смело, без боязни, и сразу начинают расспрашивать: «А что у вас сейчас в Советском Союзе?» – «Зима!» – отвечаем мы. «Зима? – удивляются они. – А что такое зима?» – «Холод и снег», – отвечаем мы. А они понятия не имеют, что такое снег и что такое холод.

– Разве у них в Африке не бывает зимы? – удивляется Петя.

– Зима-то бывает, но снега и холода – никогда! Зимой там – проливные дожди... А люди из негритянской деревни, – продолжает мама, – угощают

нас кокосовыми орехами. Каждый орех величиной с футбольный мяч. Мы их разбиваем, а внутри – кокосовое молоко. Белое, сладкое, вроде растопленного мороженого. И вдруг...

Петя подскакивает на диване:

– На нас нападает слон! Или носорог! Или бегемот! А мы...

– Нет, милый, мы просто смотрим на часы. А время уже позднее...

– Ну, мама... Ну, мамочка, поездим еще, – просит Петя.

Но мама не согласна: пора спать, ведь завтра всем им рано вставать: и Пете, и маме, и папе... Надо выспаться.

– Я выплюсь! Честное слово, я выплюсь, мамочка!

Что и говорить – путешествия по марочным странам были очень интересны.

И все-таки самым заманчивым в марочном деле, самым пленительным была мена. Меняться марками было не просто интересно, а захватывающе интересно!

Хотя меняться приходилось не так уж часто, да и толку от мены было немного, все же самыми ценными Петя считал те марки, которые ему удавалось выменять.

Главным образом Петя менялся слевой. А если с другими мальчиками, то непременно через Леву. Это происходило так.

На одной из переменок Лева, увидев Петю, как бы мимоходом спрашивал его:

– Марки с тобой? На большой вали на верхнюю площадку. Будем меняться. У меня есть мировецкие!

При этих словах он обычно прищелкивал пальцами у самого Петиного носа.

Петя понимал, как плохо заниматься марочными сделками в школе, хотя бы и на переменках. И понимал, что мама не похвалила бы его, узнав об этом. И Петя очень не хотел, чтобы мама узнала об этом.

Но разве он мог устоять? Это было выше его сил. Кроме того, Лева Михайлов был из пятого класса «Б». И очень умный. И его товарищ.

Весь следующий урок Петя не мог усидеть спокойно. Он ерзал на парте, вертелся: нетерпение изводило его. Клавдия Сергеевна делала ему одно замечание за другим.

А урок тянулся так невыносимо медленно!

Едва успевал зазвонить звонок, Петя срывался с места, выскакивал из класса и сломя голову несся по лестнице на самую верхнюю площадку.

Кирилка с Вовкой переглядывались и сокрушенно вздыхали. Опять этот Левка! Опять эти марки! Они давно и яростно ненавидели и Леву, и марки. Но Пете они пока все прощали, хотя и не могли понять его. Как можно ради каких-то марок забывать обо всем на свете! Даже о лучших друзьях...

А у Левы была такая система. Он долго не приходил на верхнюю площадку, где поджидал его Петя. И, когда Петя терял всякую надежду, считал, что с минуты на минуту раздастся звонок к урокам, Лева являлся. Являлся, как всегда, слегка насмешливый и высокомерный. Вытаскивал из кармана кляссер, такой красненький переплетик специально для менных марок. С этого момента у Пети начиналось настоящее страдание.

Лева всегда умел показать «товар лицом».

– Хороша? То-то же! Цены ей нет, этой марке. Французское Сомали... А эта какова? Аргентина...

– Дай посмотрю поближе!.. – молил Петя, пригибая лицо к красному переплетику.

– Руками не смей! – строго предупреждал Лева.

Петя знал, что марки полагается брать только пинцетом. А если пинцета нет? Неужели нельзя взять осторожно, двумя пальцами? Вот эту длинную с парходом?

Разохотив Петю, Лева говорил ему:

– Показывай, что там у тебя?

И бесцеремонно разворачивал пакетик с марками, который Петя доставал из кармана. Жадными пальцами он перебирал Петины марки, а Петя молча заглядывал ему в лицо, стараясь угадать: понравились Леве его марки? Будет он с ним меняться или нет?

– Сплошная ерунда, забирай обратно! – наконец, хмурясь, объявлял Лева.

У Пети опускались руки: неужели все до одной – сплошная ерунда? Какая обида!

– А эта с аэропланчиком? – робко спрашивал он.

– Чепуховая...

Наверно, так. Лева – знаток и понимает лучше, чем он. Наверно, все его марки действительно ничего не стоят, наверно, все до одной ерунда и чепуха.

Зато Левины – ах, какие великолепные! Неужто не удастся выменять? Ни одной?

И Петя принимался просить:

– Хоть одну сменяй! Хоть одну, ладно?

Немного поломавшись, Лева соглашался. Выбирал среди своих марок какую-нибудь простенькую и протягивал ее Пете.

Петя не помнил, есть у него такая или нет... Кажется, есть. А может быть, другого цвета? Но, в общем, ему было все равно. Главное – сейчас начнется мена!

– Эту? – спрашивал Лева. – Возьмешь?

– Возьму! – замирающим голосом отвечал Петя.

– За нее дашь вот эти! – говорил Лева и отбирал среди Петиних марок несколько для себя подходящих.

Но тут на Петю находит упрямство.

– Тебе пять, а мне одну? Так я не буду! – говорит он и требует у Левы обратно марки.

Менялись обычно долго и упорно. Чем дальше продолжалась мена, тем больше удовольствия это

доставляло Пете. Он с самого начала знал, что отдаст Лева все, что тот захочет. И лишь ради одного удовольствия продлить мену спорил упрямо и ожесточенно.

В конце концов оба расходились по классам, вполне довольные друг другом.

Глава двенадцатая

Шведская серия

Мальчики, закончив уроки, тихонько сидели вокруг стола и рисовали.

Трещал сверчок. Сияла лампа под зеленым абажуром. В печи гудел огонь. Было тепло и уютно. Вдруг зазвонил телефон.

Петя раньше Вовки и раньше Кирилки успел схватить телефонную трубку.

– Петя, ты? – услышал он голос отца. – Я скоро буду. Поставьте чайник, нужна теплая вода...

И все.

Больше папа ничего объяснять не стал. Но какая поднялась суматоха! На керосинку нужно было поставить всего один-единственный чайник. Но ведь этот чайник хотелось поставить всем – и Кирилке, и Пете, и Вове, и маме тоже.

– Голову хочет мыть, – догадался Вовка. – Не иначе, как голову...

– А может, бриться? – подумав, сказал Петя.

Пока спорили, наливали в чайник воду, пришел и сам папа. Он был весь в снегу и очень румяный от мороза.

Страхивая снег и с шубы, и с шапки, лукаво посмеиваясь, он сказал Пете:

– Сегодня ты у меня попляшешь, сын!

– А что? – спросил Петя, обыскав глазами папины руки.

Как будто ничего особенно интересного в руках у папы не было, ничего такого, ради чего стоило бы постараться.

А папа, сунув руку в боковой карман пиджака, все повторял:

– Нет, сегодня ты у меня попляшешь! Попляшешь, попляшешь...

Тут он вытащил большой голубоватый конверт, положил конверт на стол, и Петя действительно пустился вприсядку.

Весь конверт был заклеен марками. Они шли по пять штук в ряд – розовые, карминовые, оливковые и фиолетовые... Все разных цветов и оттенков.

– Ах, как хороши! – воскликнула мама и прочла: – «Швеция».

– Насилу упросил Петра Саввича отдать мне этот конверт, – продолжал папа. – Объяснил ему, какие у меня дома завелись марочники... Но обратите внимание, вся серия на одном конверте! И что особенно интересно – эти десять марок, очевидно, выпущены в честь почтового юбилея. Тут совершенно наглядно как бы история почты...

– Верно, верно! – Мама, прищутив близорукие глаза, разглядывала марки. – Верно! Мальчики, смотрите! Ох, до чего здорово!

Ярко-зеленая марка. На ней мужская голова с высоким умным лбом. Длинные волосы откинuty назад и касаются плеч. Небольшая острая бородка. Сбоку вдоль зубцов написано: Аксель Оксенштерн. Это имя и фамилия основателя почты. И еще на марке две даты: 1636 год и 1936 год. Значит, более трех столетий тому назад люди впервые стали посылать друг другу письма почтой.

Этой зеленой маркой открывается серия, посвященная истории почты.

Вот идет почтальон. Сумка с письмами висит сбоку. Широкополую шляпу сорвал ветер; он дер-

жит ее в руках. У него туфли с пряжками, перчатки с раструбами, а сбоку длинная шпага – защита от разбойников на большой дороге. И все сиреневого цвета. Кажется, еще не наступило утро и ночная мгла только начинает рассеиваться. Это вторая марка.

На третьей – алый всадник на алом коне несется вперед стремительным галопом. Алый плащ развевается у него за плечами. Он громко трубит в трубу. А небо все залито багровым светом. Может, это гонец с поля битвы несет печальные вести о поражении и смерти. А может, вестник победы.

Еще марка. Светло-голубая. Парусный корабль плывет по голубому океану, надув голубые полотняные паруса. Уже весь мир переписывается между собой. Письма идут через моря и океаны. Голубой парусный корабль везет их в Европу из далеких южных колоний.

И еще одна марка с кораблем и морем. На помощь парусам уже пришли паровые котлы. Но от парусов еще отказаться нельзя, и поэтому первые пароходы по-прежнему оснащены парусами. Два верных союзника – ветер и пар – несут по реке пароход на марке темно-синего цвета.

Шестая марка – золотисто-коричневая. Тяжело покачиваясь по ухабам, мчится дилижанс. Тройка лошадей везет его. Кучер в цилиндре, с длинным бичом сидит на высоких козлах. Рядом с ним – почтальон. А на крыше дилижанса – тюки писем. Теперь, когда все страны торгуют между собой, ко-

гда торговые сделки заключаются во всем мире, невозможно обойтись без обширной переписки. Письма перевозят почтовые кареты. Еще не придуманы почтовые марки, но уже есть штемпеля. Каждая почтовая контора штемпелюет письма своей печатью, и сразу видно, через какую контору отправлена корреспонденция.

Седьмая, оливковая марка – с поездом. Поезд мчится на всех парах. За тендером – почтовый вагон. А там, где нет железных дорог, письма развозят почтовые автомобили.

Восьмая марка – светло-серого цвета. Таким бывает освещение в ранние зимние сумерки. По дороге, мимо елок, утонувших в сугробах, мчится почтовый автомобиль с прицепом.

Серия подходит к концу. Осталось еще две марки. На одной – океанский пароход, многоэтажный и многопалубный, густо-малинового оттенка.

Последняя – серо-голубая. На ней – самолет. Синекрылый воздушный почтальон, для которого одинаково доступны самые отдаленные уголки земли...

– Ну, – говорит Вова, – теперь ты Левке нос утрешь... Еще как! У него таких и в помине нет.

– А Тува? – вспоминает Петя, стараясь представить себе Левину коллекцию. – Тува-то у него какая!

– Ну вот еще! – Мама слегка пожимает плечами. – Тувинские марки хоть завтра можно купить в магазине. А таких я что-то ни разу не встречала. – И она еще пристальнее разглядывает марки.

– Теперь Левкины марки перед твоими – пф-фу! – повторяет Вова и пренебрежительно дует в растопыренную ладонь.

Кирилка тихонько хихикнул и тоже сказал: «Пфу-фу!» – и тоже подул на свои желтенькие веснушчатые пальцы.

Оба были счастливы за Петю. В этот вечер они почти простили ему и марки, и даже Леву.

– А давай тоже собирать марки, – сказал Вова, обращаясь к Кирилке, но глядя на Петю.

– С ним или одни? – спросил Кирилка, кивая на Петю.

Возможно, Петя и не слышал этих слов. А может, он нарочно пропустил их мимо ушей. Но только он ничего не ответил мальчикам.

Потом марки отмачивались в теплой воде. Вот, оказывается, зачем папа звонил насчет чайника. А мыть голову он вовсе не собирался. И бриться тоже.

Воду налили в глубокую тарелку и туда положили кусок конверта с наклеенными марками. И что же получилось? Конвертная бумага набухла и опустилась на дно тарелки, словно губка, пропитанная водой. Зато все марки плавали на поверхности, похожие на пестрые цветочные лепестки.

– Чего не знала, того не знала! – сказала мама. Вздыхнув, прибавила: – А мы с Петей столько марок загубили! Отдирали просто так.

– Меня Петр Саввич научил, – признался папа. – И я об этом понятия не имел. «Налейте, сказал, в тарелку теплой воды, положите конверт

с марками и получите все экземпляры в безукоризненном виде».

Так оно и было. Очень осторожно, двумя пальцами, мама выловила марки из воды. Все они были целехонькие. Ни один зубец не оторвался. Потом, снова по совету того же Петра Саввича, марки разложили на чистой промокашке, сверху прикрыли другой чистой промокашкой, и все это, в свою очередь, вложили в толстую книгу, на которую вместо пресса уселся Вовка.

Что и говорить, славный выдался у них вечерок!

А если ко всему прибавить рябиновую пастилу и пряники, которые оказались у мамы в буфете и были съедены все, без остатка, за чаем, то нужно прямо сказать: вечер удался на славу!

На следующий день новые Петины марки смотрел сам Лева Михайлов. Он специально пришел для этого к Пете после уроков.

Он рассматривал их долго, пристально, при этом ноздри его чуточку шевелились. Он не сказал своих обычных «ерунда» или «чепуха». Нет, ничего такого он не сказал. Наоборот, слегка подняв левую бровь, спросил:

– Меняться будешь?

Петя энергично замотал головой: ни за что!

Но тут же спросил:

– А какие дашь?

– Пять тувинских...

– Нет, – Петя снова замотал головой, – у меня десять, а ты пять... Не хочу.

– Дам десять. В придачу две французские...

– Нет! Туву хоть завтра можно купить в магазине. А такие нигде не купишь.

– Не хочешь, значит? – медленно выговаривая каждое слово, спросил Лева, и Петя вдруг ужасно оробел.

– Мне не хочется меняться, – проговорил он, слегка отстраняясь от Левы.

– Значит, не хочешь? – еще раз повторил Лева, причем голос у него стал точь-в-точь как у пирата Билли Бонса из фильма «Остров сокровищ».

От страха Петя судорожно проглотил слюну и посмотрел на дверь той комнаты, в которой наверняка была мама.

Какое счастье, что он дома, а не где-нибудь среди океана или на верхней площадке школьной лестницы!

Итак, на этот раз мена не состоялась.

Глава тринадцатая

Великая тайна

Теперь Лева не будет со мной дружить и марками не захочет меняться», – вздохнув, подумал Петя, когда на следующий день в школе увидел Леву. Он издали посматривал на него, не решаясь подойти.

Однако опасения оказались напрасными.

– Николаев, – дружелюбно сказал Лева, подходя к Пете на одной из переменок, – хочешь, я подарю тебе лампочку для карманного фонаря?

Конечно, Петя хотел. Но он прямо опешил: с чего это вдруг Лева решил сделать ему такой неожиданный подарок?

– Только у меня нет карманного фонарика, – сказал он с сожалением.

– Ничего, пригодится... На, возьми! – И Лева протянул Пете крошечную лампочку, вроде круглой пуговицы.

– Большое спасибо! – с благодарностью воскликнул Петя, пряча лампочку в карман. – А я думал, ты на меня обиделся, – тут же выпалил он, слегка краснея.

У Левы вопросительно поднялась правая бровь: за что?

– А помнишь, вчера... – Петя хитро подмигнул.

Но Лева по-прежнему казался изумленным. Вслед за правой у него подскочила и левая бровь.

– Я? На тебя? Обиделся? – проговорил он, каздым словом выражая все растущее удивление. – Да за что же?

– А серию-то я не хотел менять, помнишь? Шведскую!

– А-а-а... ты о марках... Я про них давно забыл. Да и за что же обижаться? Не хотел так не хотел. Это твое дело. Силком меняться не заставишь.

Тут же в знак дружбы и чтобы Петя худого не думал, Лева подарил ему хорошенькую болгарскую марку.

И в дальнейшем Лева был очень внимателен, продолжая выказывать Пете знаки своего покровительства. Петя буквально таял от гордости. Ки-

рилка и Вовка теперь уже были забыты полностью. Смешно думать о дружбе с какими-то первоклашками, когда Лева Михайлов, ученик пятого класса «Б», как равный с равным, целую перемену расхаживал с ним по коридору, а потом еще предложил после занятий вместе идти домой.

— Николаев, — сказал Лева, когда они вышли из школы. Он поглядел на Петю, который шел рядом и из всех сил старался свои короткие шажки приноровить к его размашистым. — Хочешь, я буду готовить с тобой уроки?

Ах, как жалел Петя, что не может сказать: «Хочу!» Он прямо с душевной болью сообщил, что уроки они готовят вдвоем — Кирилка, Вовка и он, Петя.

— Обидно, — проговорил Лева, но в голосе его слышалось откровенное облегчение. — Очень обидно! В три дня ты стал бы у меня круглым отличником. У тебя были бы одни пятерки!

И снова Пете с сожалением пришлось сообщить, что он давным-давно круглый отличник. Кирилка и тот время от времени теперь получает четверки, а по арифметике у него даже пятерка, хотя ему ужасно мешают кляксы. Что касается Вовы Чернопятко, то он тоже перейдет во второй класс если не совсем круглым, то полукруглым отличником, особенно если станет хорошенько обо всем думать, не делать «тяп-ляп» и если...

— Ладно! — оборвал его Лева. — Тогда айда завтра на каток. Хочешь вместе?

Наконец-то Петя мог сказать:

— Хочу.

— Ты фигурировать умеешь?

— Не-ет, — сказал Петя.

— Гм... А какие у тебя коньки?

— «Динамы»! — гордо ответил Петя. — Прямо к ботинкам приклепаны... Мне папа к елке подарил.

— Эх! Разве на таких катаются! — с презрением проговорил Лева. — Вели матери хоккейные купить. Я своей так и сказал: «Купишь хоккейные, буду учиться на одни пятерки!» Живо как миленькая помчалась в спортивный магазин и купила. Вот как дела делаются!

Петя молча и с удивлением посмотрел на Леву. Потом твердо сказал:

— Нет, со своей мамой я так разговаривать никогда не буду.

— Ну и дуралей! До десятого класса будешь на своих «снегурочках» гонять.

— У меня «динамы», — обиделся Петя. — Это разница.

— А по-моему, никакой, — отрезал Лева. — Ну ладно, значит, завтра в шесть на катке? Пока.

— До свидания! — сказал Петя и помахал Лева на прощание рукой.

Но не успел он отойти и нескольких шагов, как Лева его окликнул:

— Николаев, поди-ка сюда!

Петя повиновался.

— Николаев! — Лева теперь говорил не только значительным, но и торжественным голосом. — Ты умеешь держать язык за зубами?

– Не знаю... – Петя растерянно заморгал. – Не знаю...

– Говори честно: умеешь или не умеешь? – Глаза у Левы засверкали, и Петя понял: сейчас произойдет что-то совершенно необычайное.

– Я попробую, – пролепетал Петя.

– Поклянись, что никому, ни одному живому человеку в мире не расскажешь о той великой тайне, которую я тебе открою.

У Пети захватило дыхание. Он поспешно сказал:

– Честное благородное...

– Нет, тут нужна настоящая клятва. Повторяй за мной... – И Лева начал говорить медленным зловещим голосом: – Пусть меня убьет гром...

– Лева, – Петя с робостью попытался поправить Леву, – мама говорила: гром никогда не убивает, а только молния...

Глаза у Левы вдруг стали злыми, и он процедил сквозь зубы:

– Если я говорю гром – значит, гром! И не смей со мной спорить. Понял? Ну, повторяй!

Петя был окончательно уничтожен. Он стоял перепуганный, крепко вцепившись руками в свой портфельчик и открыв от волнения круглый рот.

– Повторяй! Пусть меня убьет гром... Гром, а не молния!..

– ...гром, а не молния... – покорно повторил Петя.

– ...если я хоть одному живому скажу...

– ...живому скажу...

– ...о великой и страшной тайне...

– ...великой и страшной тайне... – повторял Петя дрожащим голосом, но замирая от любопытства.

– Теперь слушай!

Петя насторожился и отвернул край шапки-ушанки, чтобы не пропустить ни слова. Лева наклонился к его уху, и Петя замер.

– Нет! – Лева резко от него отодвинулся. – Нет! Тут нельзя. Могут услышать.

Петя оглянулся. Воскликнул:

– Левочка, никого же нет... только забор!

– Забор?! – Лева значительно хмыкнул. – Вот именно забор! А у забора, по-твоему, не могут быть уши? Понятно? Нет, тут невозможно. Завтра на катке, вот что!

– Ладно, – прошептал Петя, не спуская восторженных глаз с Левы.

Он был покорен. Покорен окончательно, бесповоротно и на веки вечные. Что там Кирилка с Вовкой! Прежние друзья были забыты теперь уже навсегда!

Иметь такого друга! Смелого, умного. Пятиклассника. «Отличника». С такой коллекцией марок. Да еще в придачу с хоккейными коньками. Кому не лестно иметь такого друга!

И главное, тайна... Какую страшную и великую тайну он узнает завтра?

Весь вечер Петя думал о Леве и мечтал о завтрашнем катке. Когда, сделав уроки, мальчики уходили домой, Вовка неожиданно спросил:

– Петр, даешь завтра каток? Я, ты, Кирилка... –
Но Петя холодно ответил:

– Мы идем слевой.

– Вот и отлично, – вмешалась мама, – будете кататься вчетвером.

– Нет, – сказал Петя, как ножом отрезал, – я пойду слевой. Кирилка и Вова пусть идут без меня.

– Как тебе не стыдно! – рассердилась мама

– Вот еще! – тоже сердито проговорил Петя. – Как ты не понимаешь? У Левы хоккейные; у меня «динами», а у Вовы какие-то «снегурки». У Кирилки же ничего нет... И потом, нам нужно слевой кое о чем поговорить.

Вовка покраснел, исподлобья взглянул на Петю и закусил губы.

У Кирилки обиженно дрогнули ресницы, и он, по своему обыкновению, вздохнул.

Когда мальчики вышли на улицу, Вовка сказал:

– К Петьке больше ни ногой. – Кирилка спросил:

– А уроки вместе?

– Пусть думает, что хочет, – продолжал Вовка.

– Его мама такая добрая, – печально прошептал Кирилка.

– Пусть думает, что хочет...

Но Петя думал только о Левой и о тайне. Скорей бы наступило «завтра». Какую тайну, великую и страшную, ему поведаст Лева?

Подошла мама, положила ему на плечо руку.

– Петя, давай поговорим...

– Мама... – Голос у Пети был чужой, далекий. Он слегка отстранился. – Я возьму напильник, подточу коньки. Можно?

Мама ничего не ответила и ушла в другую комнату. Ей стало очень грустно и очень обидно. А Петя, всегда такой внимательный, этого и не заметил.

Если выйти из калитки, в школу нужно идти направо, на каток – налево. И туда и сюда все время по тротуару, не переходя дороги. В оба эти места Петя ходил самостоятельно.

Каток находился в парке их заводского клуба.

Весной, в мае, в парке цвели каштаны, и воздух тогда казался густым от солнечных лучей, запаха цветов и пчелиного жужжания. А потом зацветала белая акация. Ее лепестки падали вниз, как хлопья снега, а пчелы просто кишмя кишели вокруг тяжелых и пахучих цветочных гроздей.

Летом же на каштанах висели твердые зеленые орехи. На них были преострые шипы. Орехи можно было подбирать под деревьями, а еще лучше сбивать палкой, когда поблизости не было сторожа. Такими орехами мальчики играли в войну и в охоту. Но если случайно орех попадал в лоб – вскакивала шишка величиной с двухкопеечную монету.

А зимой в парке было тихо и снежно. Даже главная аллея, прямая и широкая, была завалена снегом. На каток ходили узкой дорожкой, протоптанной между сугробами. Эта дорожка шла под

безливыми теперь каштанами и вела как раз к раздевалке. На раздевалке был красный флаг и очень сильный громкоговоритель.

Два электрических фонаря качались между столбами, стоявшими на катке. И когда ветер дул сильнее, казалось, будто весь каток, со всеми людьми, чуточку покачивается, словно палуба огромного ледяного корабля.

Со всех четырех сторон каток окружали крутые горы снега. Дальше стояли мохнатые сосны. А еще дальше, за соснами, казалось, ничего нет, кроме темноты и галок.

Петя слевой уже пробежали три круга, но Лева и словом не обмолвился о своей тайне.

Петя ждал-ждал, терпел-терпел и наконец не выдержал.

— Лева, — шепнул он, когда на секунду они приостановились, — когда же?

У Левы непонимающие глаза. Петя прошептал еще тише:

— Про тайну...

Лева бросил на Петю быстрый, как говорится, насквозь пронизывающий взгляд.

— Ты ведь обещал на катке, — продолжал шепотом Петя.

— Сейчас нельзя. Могут услышать, — ответил Лева. — Музыка заиграет — вот тогда.

И они снова покатались по круговой дорожке.

Вообще Лева зря хвалился своими хоккейными коньками. Он катался ничуть не лучше Пети и на-

много хуже Вовки. В два счета Вовка перегнал бы Леву на своих «снегурочках». Да еще как!

Хорошо, когда навстречу ветер! Мчишься вперед, глотаешь свежий морозный воздух, и кажется — нет ничего вкуснее этого воздуха. А ветер острыми ледяными иголками покалывает щеки, играет кистями шарфа да еще в придачу безо всякой совести щиплет кончик носа.

А пробежишь часть круга, повернешься к ветру спиной, и он, озоруя, начнет пихать, толкаться. И надает тебе столько здоровенных тумачков, что лишь бы удержаться на ногах, лишь бы не

шлепнуться! А коньки сами скользят вперед, будто нарочно с ветром вперегонки...

В ту самую минуту, когда из трех репродукторов — одного над раздевалкой и двух на столбах — разом рявкнула музыка, Петя увидел Кирилку и Вовку. Оба ехали как раз перед ними.

Взявшись за руки, они, подпрыгивая, скользили вдвое на двух коньках.

— Не бойся... Говорю, не бойся! Со мной не пропадешь... — изо всех сил орал Вовка, стараясь подбодрить Кирилку.

А Кирилка боязливо смеялся и все время вскрикивал:

— Ой, не надо... Ой, не так быстро!

Они крепко сцепились красными замерзшими пальцами. Кирилкины варежки тоже были разделены по-братски: у Вовки левая рука была в варежке, у Кирилки — правая. Им было очень весело и хорошо. И Петя с ревнивой обидой подумал, что они прекрасно обходятся и без него.

— Вот комедия! — ухмыльнулся Лева. — А давай наскочим? Будет интересно.

— Не надо, — проговорил Петя. — Ведь Вова учит Кирилку...

— А мне какое дело! — крикнул Лева и, сильно оттолкнувшись правой ногой, полетел прямо на мальчиков.

Петя, конечно, не мог отстать и нехотя поехал за ним.

Наверно, Лева очень сильно толкнул Кирилку, потому что Вова не смог его удержать. Он выпус-

тил Кирилкину руку, и Кирилка, отлетев в сторону, прихрамывая, заковылял на одном коньке. Видно было, что он изо всех сил старается удержаться на ногах. И не может.

Он взмахнул руками, упал и поехал на животе вперед...

— Эх, ты! — Вовка сверкнул на Петю уничтожающим взглядом. — Дрянь, вот ты кто! Больше не дружу с тобой. — И он кинулся на помощь к Кирилке.

У Пети задрожали губы.

Он, что ли, пихнул Кирилку? Он совсем не хотел, чтобы Кирилка упал. Лева толкнул, а он-то при чем? Вот еще новости! Чем же он дрянь, если ничуть не виноват?

— Сам дрянь! — сердито огрызнулся он. — Сам...

— Правильно! — весело крикнул Лева. — Поехали дальше...

И они лихо покатались мимо.

Но у Пети стало так скверно на душе. Он оглянулся. Вова помогал Кирилке подняться. А тот, видно, плакал, потому что тер ладонью глаза. Вовка же кричал им что-то вдогонку и грозил то одним кулаком, то другим.

«Мама рассердится, не буду ей рассказывать», — подумал Петя.

— Ну, — сказал он, заглядывая Лева в глаза. — Теперь музыка.

— Можешь слушать на ходу?

— Могу.

– Ну, так знай... только не спрашивай, откуда... это тайна... Знай, у меня есть...

Трах!

Петя зацепился коньком за выбоину и со всего размаху шлепнулся об лед.

Какая боль!

Слезы чуть не брызнули у него из глаз. Если бы мама или хотя бы Кирилка с Вовкой были рядом, можно бы заплакать. Но при Лева... Никогда! При Лева он потерпит.

Петя проглотил слезы. Поднялся, потер ушибленную коленку и дрожащим от боли голосом сказал:

– Поедем... мне... ничего.

Музыка по радио играла какой-то медленный красивый вальс. Летал снежок, похожий на лепестки белой акации. Было так хорошо, а бедный Петя совсем замучился. Он еле скользил за Левой. Ноги у него гудели, болела разбитая коленка, и больше всего на свете ему хотелось сейчас быть дома.

Но тайна... Левина тайна.

Нет, не мог же он уйти, не разузнав этой тайны!

– Поехали туда, к сугробам! – приказал Лева. Они помчались к темному краю катка, но по дороге Лева передумал:

– Нет, безопаснее на серединку, под фонарь...

А фонарь раскачивало ветром из стороны в сторону. И снежинки возле него вертелись, словно летние ночные бабочки вокруг лампы.

Коньки у Пети подламывались и ложились набок, а колени дрожали от усталости. Поскорее узнать бы – и домой...

Лева подъехал к нему вплотную:

– Только ни-ко-му...

Петя согласно закивал головой.

– Николаев! – Лева торжественно и медленно выговаривал каждое слово. – У меня есть... только еще раз поклянись...

Но Петя уже не мог произнести ни слова. Он поспешно закивал и выдохнул клубочек белого пара – весь свой запас воздуха.

– Николаев, знай... – Левин голос стал хриплым и зловещим. – У меня есть марка пиратской страны...

Тут по радио рывкнул последний аккорд, и музыка смолкла.

– Какой страны? – с ужасом и неожиданно громко закричал Петя.

– Тише!.. – Лева оглянулся по сторонам. – Тише!

– Какой страны? – пролепетал Петя и сразу как-то весь обмяк.

– Марка страны Гон-де-лупы...

Глава четырнадцатая

Марка страны Гонделупы

Марка страны Гонделупы! Петя и мечтать не смел о том, чтобы увидеть эту таинственную марку. Марку из пиратской страны!

Но вот прошло два дня, и Лева подошел к нему. Петя стоял в коридоре, у дверей класса. Лева отвел его в сторону и с видом заговорщика шепнул:

– Взглянуть хочешь?

Петя тут же догадался, о чем его спросил Лева. Разумеется, ему хотелось взглянуть на пиратскую марку. Еще как хотелось!

– Ладно. Так и быть. Уж с кем дружу, с тем дружу... После школы давай прямо ко мне. Только пойдем не вместе. Я пойду напрямиком, а ты валяй кружным путем... И чтобы никто тебя не видел. Ясно?

– Ясно, – тоже шепотом проговорил Петя. – Я знаю дорогу через один двор...

Все это было так интересно, так увлекательно!

После школы со всевозможными предосторожностями, проходным двором, разными закоулками, поминутно озираясь (так что с первого взгляда было ясно: вот мальчик, которому сейчас откроют какую-то необыкновенную тайну!), Петя побежал к Лева Михайлову.

Дверь ему открыл сам Лева. В передней никого не было, и, не снимая шубы, Петя пошел за Левой в комнату.

Откуда-то из-под матраца Лева достал объемистый сверток.

– Все марки? – изумился Петя.

Лева ничего не ответил. Молча начал разворачивать сверток, снимал бумагу, будто с капустного кочана, лист за листом.

– Нет, – сказал он вдруг, – не буду показывать, еще начнешь клянчить...

Но Петя поклялся, что у него даже в мыслях такого нет. Ему бы взглянуть разок, и все.

– Ладно, так и быть! – Лева принялся разворачивать дальше.

Сначала шла обыкновенная газетная бумага, потом коричневая, оберточная. Потом синяя копировальная с чертежами. Потом снова газетная. Потом просто белая. Потом папиросная. И наконец, когда Петино терпение вот-вот готово было лопнуть, Лева добрался до конверта:

– Здесь!

Петя весь задрожал.

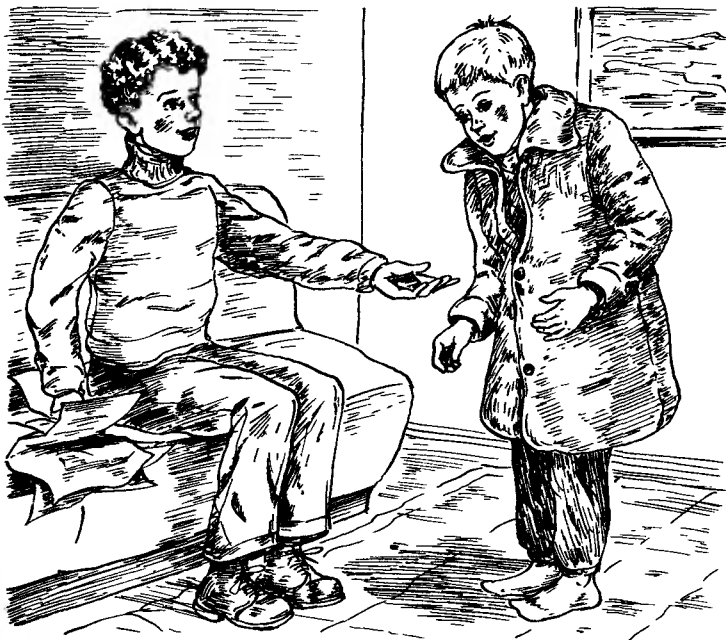
– Закрой глаза! – велел Лева.

Петя зажмурился. А Лева снова зашелестел бумагой. Что он еще делал, неизвестно. Петя честно зажмурил оба глаза и ничего не видел. Наконец Левин голос скомандовал:

– Можно. Смотри.

И Петя раскрыл глаза. Перед ним, распластавшись на Левиной ладони, лежала большая яркая марка. Сбоку ровным полукругом проходил почтовый штемпель, черный как сажа, с какими-то замысловатыми закорючками и цифрами.

Почтовый штемпель пиратской страны Гонделупы, понял Петя. Но в общем марка Пете не понравилась. Грубоватая, она была мало похожа на обычные почтовые марки. На переднем плане этой марки стояла пальма с оливковой лакированной кроной. Ее коричневый ствол казался вылеплен-

ным из пластилина. Сзади блестели розовые горы, сбоку что-то зеленело. А над всем этим южным пейзажем полыхало голубое горячее небо.

— Хороша? — спросил Лева, повертывая марку и так и этак. И вдруг закричал: — Не трогай! Не трогай! Не смей трогать!..

А Петя и не думал трогать. Он только смотрел. Правда, с большим вниманием и приблизив к марке близорукие глаза.

— Ничего себе... — сказал он сдержанно и после некоторого молчания. — Кажется, красивая.

— Ну вот, — Лева нахмурил брови, — так и знал, начнешь кланяться...

— Я? — удивился Петя. — Я только сказал: ничего себе, красивая.

— А самому небось хочется?

Петя промолчал: нет, марка ему ничуть не нравилась, и ему совсем не хотелось иметь такую.

А Лева продолжал:

— Видишь, я говорил, будешь выпрашивать.

— Да нет же...

— Думаешь, не вижу, как хочется!

Лева решительно тряхнул головой:

— Знаешь, бери ее себе!

— Что???

У Пети в глазах три вопросительных знака.

— Страну Гонделупу? — переспросил он, не доверяя своему слуху. Может, он чуточку оглох?

— Да, — у Левы в глазах великодушие, — кого люблю, для того ничего не жаль.

— Лева... — начал было Петя. Но Лева сердито перебил:

— Раз говорят бери — значит, бери! Ну уж ладно... — Лева замялся. — Уж ладно, если хочешь, так и быть, бери Гонделупу, а мне давай... — Было видно, что ему трудно выговорить последние слова. — Уж так и быть... шведскую серию.

— Шведскую серию???

Пете вторично показалось, что он оглох.

— И неси скорее, пока не передумал... Ох-ох-ох, как не хочется отдавать Гонделупу!

— Лева... — снова начал Петя.

— Неси скорее шведскую серию, а то, смотри, передумаю, — сердито говорил Лева.

– Лева, – не сдавался Петя, – я только спрошу у мамы...

– Что?! – громовым голосом вскричал Лева. – Спросишь у мамы? А клятва? Забыл?

– Сейчас принесу, – покорно сказал Петя и убежал из комнаты.

– Не разорви... Осторожнее отклеивай! – вслед ему крикнул Лева.

Мама была занята обедом – можно было незаметно проскользнуть в комнату и вытащить из ящика альбом: Как самый последний воришка, боязливо озираясь, Петя содрал все марки любимой шведской серии, сунул их в карман и побежал к двери.

– Петя, куда же ты? – услышал он мамин голос. – Скоро папа придет. Будем обедать.

– Я сейчас... Я у Левы позабыл портфель, – соврал Петя, захлопывая за собой дверь.

Он ужасно торопился к Лева, хотя ему так не хотелось отдавать шведскую серию и брать взамен марку никому не ведомой и к тому же пиратской страны.

Лева встретил его на пороге:

– Принес?

– Принес...

– Давай.

Петя протянул марки. Лева торопливо ссыпал их на стол, пересчитал: все, десять.

– Ох-ох-ох... Жалко Гонделупу! – принялся он вдруг кривляться. – Нет, не отдам, пожалуй...

У Пети радостно забилося сердце.

Но тут же сгребая в ящик стола Петину шведскую серию, Лева произнес последние и решительные слова:

– Ладно, бери. Но помни – никому ни слова!

Петя снова дома. Альбом раскрыт на том самом листе, где всего лишь несколько минут тому назад красовалась шведская серия. Теперь страница пуста, а в кармане неизвестная марка какой-то таинственной страны.

И никому нельзя о ней говорить: ни маме, ни папе, ни Вове, ни Кирилке, ни одному человеку в мире.

Глава пятнадцатая

Страшная ночь

Петя лежал с открытыми глазами и не мог уснуть. Лоб и щеки горели. Подушка вдруг стала твердой как камень. Одеяло все время сползало на пол.

Все получилось так неожиданно и так скверно...

Шведская серия, его гордость, гордость папы и мамы, теперь у Левы. А он владеет маркой неведомой пиратской страны, маркой, о существовании которой не смеет даже заикнуться.

Что ему теперь делать? Как быть дальше?

Вдруг мама скажет: «Петя, поедem сегодня в Швецию? Мы там давно не бывали...»

А он что?

Или папа попросит: «Покажи-ка мне, Петя, те марки, которые я тебе принес с завода».

А он что?

Что он им скажет? Сказать, что потерял? Хотел показать в школе ребятам, отклеил от альбома и потерял?

Может, они и поверят. Может, и ругать не будут. Но неужели он станет обманывать папу и маму? Нет, ни за что.

А если во всем признаться? Если сказать так: «У меня есть марка пиратской страны Гонделупы. Не спрашивайте, откуда я ее достал, – это тайна!» И дальше все по порядку: и что за эту марку ему пришлось отдать шведскую серию, он очень не хотел отдавать, но пришлось.

А клятва? Ведь он дал Лева страшную пиратскую клятву. А что, если действительно грянет гром, который убивает наповал?

Нельзя ему болтать о марке. Ни в коем случае.

Но откуда же сам Лева достал ее? Неужели прямо у пиратов? А потом, может, испугался этих самых пиратов да поскорее и отдал ее Пете?

А вдруг...

Петя с ужасом глядит на окно, закрытое внутренней ставней. А если пираты уже у них в саду? Пришли, чтобы отнять свою марку. И только ждут, когда улягутся папа и мама, чтобы залезть в комнату...

Полосы света, неясного и дрожащего, ходят по стене, пробиваясь сквозь узкие щели ставен...

Так и есть! Это они: шарят маленьким ручным

фонарем, выискивают, как лучше проникнуть в дом...

Петя холодеет от страха и натягивает на голову одеяло.

Под одеялом темно и душно. Ничего не слышно. Только сердце стучит: тук-тук... тук-тук-тук.

А вдруг это вовсе не сердце? Вдруг это пираты барабанят пальцами по окну: «Эй, ты, открой! Открой немедленно...» И самый страшный из них, одоногий, совсем как тот Билли Бонс, что в «Острове сокровищ», стянет с него одеяло и крикнет: «У тебя марка с черной печатью? Ха-ха-ха! Теперь ты будешь служить нам всю жизнь, до самой смерти!» И все другие тоже засмеются зловещим смехом, как полагается настоящим пиратам. Потом они заткнут ему рот полотенцем и поволокут с собой в пиратскую страну Гонделупу.

Ох, как страшно! Как страшно...

Но почему не слышно голосов мамы и папы? Дома ли они? А вдруг ушли и оставили Петю совсем одного?

Петя осторожно высовывается из-под одеяла и прислушивается. Ну чего он выдумывает? И папа и мама сейчас дома. Из соседней комнаты слышен голос папы и мамин негромкий смех.

И Петя ясно представляет себе, как они сидят вдвоем. Папа в качалке читает газету, а мамочка в своем любимом уголке подле печки... И оба они даже не подозревают, что их Петя владеет ужасной маркой, из-за которой может произойти неизвестно что.

Необходимо ее уничтожить, эту марку. Скатать в бумажный шарик, положить в рот, проглотить и запить водой. Как он до этого раньше не додумался!

Стараясь не смотреть на окошко, за которым на ветру качается уличный фонарь (если это только фонарь, а не что-нибудь другое), и отвертываясь от стены, по которой ходят-бродят полосы света от этого фонаря (а может быть, и не от этого), Петя вылезает из-под одеяла. После теплоты постели ему сразу становится зябко, и весь он покрывается пупырышками «гусиной кожи».

Где же тапочки? Без тапочек мама не велит ходить по полу. А за маркой нужно перебежать через всю комнату, она в столе, на самом дне ящика, под красками и открытками.

На четвереньках Петя лезет под кровать за тапочками. Кажется, здесь... Отодвигает мешающий ему стул.

И вдруг за спиной — шаги. Совершенно незнакомый шепот произносит:

— Петя, где ты?

Петя замирает. Из-под кровати торчат его босые пятки.

Пираты! Они! Влезли в окно и сейчас схватят его...

— Петя, да где же ты? — слышит он тревожный голос.

Ох! Да ведь это мама.

— Я здесь, — отвечает Петя и вместе с тапочками пятится назад.

— Что с тобой? Почему ты не спишь? Зачем тебе тапочки?

Он стоит перед мамой, босиком, в длинной ночной сорочке, в каждой руке у него по тапочке.

— Что с тобой, Петя?

— Сам не знаю, — жалобно отвечает Петя и кладет тапочки на пол.

В самом деле, что с ним? Зачем ему вдруг понадобились тапочки?

Он снова лезет под одеяло, сразу согревается и успокаивается. Теперь, когда рядом мама, чего ему бояться?

— Я сейчас буду спать, — говорит он.

Ему очень хочется, чтобы мама посидела возле него, пока он уснет. И даже чтобы положила свою руку на его плечо, как делала, когда он был маленький. Но просить об этом стыдно. Ведь он – первоклассник!

– Спи, мальчик, – говорит мама, целует его в лоб и уходит.

Теперь не страшно, и можно бы уснуть. Но Пете все равно не спится. Он прислушивается к голосам в соседней комнате. Мама что-то тихо рассказывает папе. Наверно, про него. И вдруг Петино сердце сжимается от стыда и раскаяния. Как он мог так сделать! Обмануть их! Потихоньку стащить общие марки и выменять у Левы. Пусть на редчайшую и на красивейшую... Но потихоньку!..

Петя начинает всхлипывать. Он плачет в подушку, и понемногу весь угол наволочки становится мокрым от его слез.

Душа у него разрывается от жалости к самому себе. Ему хочется, чтобы его плач услышала мама, чтобы пришла и пожалела. Разве он виноват, что так получилось? Он до сих пор ничего не может понять: ведь он же не просил у Левы марку. А марка у него.

И Петя начинает плакать чуточку громче. Если мама сейчас придет, он все ей расскажет. Пусть его убивает гром. Пусть! Он все равно расскажет...

Но никто не приходит. А по радио играет тихая приятная музыка, и Петя потихоньку успокаива-

ется. Мокрые ресницы его смыкаются, и он засыпает.

И когда мама все-таки зашла взглянуть на сына, он уже крепко спал, изредка во сне всхлипывая и вздыхая.

Она наклонилась над ним, и рука ее почувствовала влажную от слез подушку.

Что с ним, он плакал?

Да, и ресницы мокрые. Минуту она стоит возле Петинной кровати, удивленная и слегка встревоженная. Потом возвращается в соседнюю комнату и снова садится в свое кресло у печки. Берет Петин чулок. Дыра такая, будто кто-то нарочно выгрыз всю пятку. Как только Петя ухитрится так рвать чулки?

Но почему же он плакал? Неужели плохая отметка и он боится признаться? Или, может, он поссорился с Кирилкой и Вовой? Да, странно, мальчики уже несколько дней не приходят к ним делать уроки.

Мама кладет чулок на колени и задумчиво смотрит на огненные завитки в стеклянном шарике электрической лампочки.

А она-то думала, что знает решительно все о своем мальчике, что она ему самый близкий друг и товарищ. Оказывается, нет. Вот сейчас он плакал, один, втихомолку, а она понятия не имеет из-за чего...

Утром Петя встает бодрый, розовый, у него совершенно ясные мысли.

Во-первых, глупо проглатывать такую редчайшую марку. Ведь за нее отдана целая шведская серия. Десять марок, да каких!

Во-вторых, нужно выпросить у Лева, где он ее достал, марку страны Гонделупы, и не опасно ли держать ее дома? Может, лучше зарыть в дровяном сарае?

В-третьих, пусть Лева скажет, хотя бы приблизительно, где и как отыскать на карте пиратскую страну. Зачем? А гораздо спокойнее, если точно знаешь, где живут эти самые пираты.

А в-четвертых...

Однако он уже подошел к школе, так и не придумав, о чем бы еще спросить Леву.

Но поймать в этот день Леву стоило невероятных усилий. Он все время куда-то торопился. Можно было подумать, что он просто-напросто бежит от Пети. Но все же Петина настойчивость победила. И вот они стоят рядом на одной из площадок лестницы.

— Лева! — Петя старается удержать Леву за край куртки. — Ее... знаешь кого?.. Ее можно держать дома? Не опасно?

В первую минуту Лева не сразу понял, кто это «она». И в глазах у него мелькнуло недоумение.

А Петя настойчиво добивался:

— Она не опасная? Марка страны Гонделупы? Пираты за ней не придут?

Последние слова он произнес еле слышным шепотком.

Тут Лева все сообразил.

— Чего ж опасного? Прячь подальше и никому не разбалтывай, вот и все. Клятву помнишь?

— Помню, — покорно прошептал Петя и прибавил чуть слышно: — Я ее спрятал очень далеко.

Ах, как легко было со шведской серией! Ни от кого никуда не прячь. Наоборот — самое большое удовольствие показывать всем и каждому... Смотрите, пожалуйста! Любуйтесь!

— Лева, погоди!

Петя снова уцепился за Левин рукав.

— Чего еще? — нетерпеливо вырываясь, ответил тот. — Я спешу, не понимаешь, что ли? У меня нет времени с тобой возиться...

Все-таки он еще немного задержался. Но вид у него был недовольный, высокомерный, и у Пети пропала охота спрашивать. Но тем не менее он спросил:

— Лева, ты не можешь сказать, где ты ее достал... марку?

— Не могу! — отрезал Лева.

— Я хочу найти на карте... эту страну. В каком месте искать?

Тут Лева, на шаг отступив, смерил Петю с ног до головы насмешливым взглядом:

— Может, соску прикажешь тебе дать? — Он прищурился. — Или манной каши захотел? Нет, как вам это нравится? Показать ему, в каком месте искать? По всему миру ищи!.. По всем морям и океанам. Понял?

*Глава шестнадцатая***В поисках неведомой страны**

Три дня подряд стояла жестокая стужа. Дрова, заготовленные папой и Петей на всю неделю, кончились за эти три дня. И, кроме того, еще две полные корзины каменного угля. Мама топила печи по два раза в день – утром и вечером. Печные дверцы, раскаленные докрасна, яростно шипели, если на них случайно брызгала вода. В комнатах было довольно тепло, но в ванную Петя и мама не заглядывали. Стены там, покрытые инеем, красиво серебрились, а в самой ванне на дне блестел лед. Для Мальчика с пальчик – настоящий каток!

Умываться там было настоящим геройством, на которое способен был лишь один папа. Жутко было смотреть, как он плещет себе на грудь и на плечи ледяную воду. Пар от него валил, будто из копыта, полного кипятка. Впрочем, на третий день и он не выдержал. Конфузливо улыбаясь, пошел умываться на кухню. Что касается Пети с мамой, они с первого же морозного дня перекочевали туда со всеми своими умывальными принадлежностями.

Но самым морозным днем была суббота. Градусник показывал двадцать девять ниже нуля – неслыханная температура для этих мест.

Утром, услышав по радио сводку погоды, мама не разбудила Петю, и он пропустил школу. Узнав об этом, он никак не мог успокоиться.

– Вот увидишь, все придут, – говорил он, укоризненно глядя на маму. – Увидишь!..

– А я говорю, занятий не будет, – отвечала ему мама. – В такие морозы отменяют уроки, особенно в младших классах... Это я твердо знаю.

Каково же было ее удивление, когда по дороге в гастроном она встретила сперва Вовку, а потом и Кирилку!

Вовка несся как вихрь, щеки его казались раскаленными докрасна. Приложи к ним ледяную сосульку, она зашипит и в один миг растает.

– Вова, подожди! – попыталась остановить его мама. – Неужели вы занимались?

Но Вовка промчался дальше.

– Занимались! Три урока было... – крикнул он издали.

– Застегни шубу! – вслед ему, в свою очередь, крикнула мама.

Ей хотелось у него спросить, почему они не приходят к Пете, почему перестали вместе готовить уроки, но разве успеешь сказать слово такому голворезу? Вон он, уже за углом переулка...

А Кирилка шел не спеша. Они с мамой столкнулись нос к носу, оба поседевшие на морозе.

– Значит, занятия были, – сказала мама и затопала на месте резиновыми ботинками: ну просто невозможно было стоять на одном месте – до того прохватывало.

– Были, – ответил Кирилка.

Перехватив портфель из правой руки в левую, он стал дышать на свою варежку. Пальцы там для тепла были собраны все вместе, в кулачок.

— Петя будет огорчен!

— А почему он не пришел?

— Это я его не пустила. Думала, в такой холод никто не придет. — Помолчав, мама спросила: — Почему ты к нам не приходишь, Кирилка? И Вова тоже. Вы поссорились с Петей?

— Не-ет, — запинаясь, ответил Кирилка, — мы не ссорились...

Однако ответ его прозвучал не очень твердо.

Тут мама сняла рукавицу и сунула палец между Кирилкиным шарфом и Кирилкиной шеей.

— Вот ты какой! Опять кое-как завязал, — сказала она. — Ведь я же тебя учила, как нужно. Простудишься, что тогда?

Кирилка поднял на нее благодарные глаза. С тех пор как у него умерла мама, никто с ним так ласково не говорил. Даже отец, когда был дома.

— Я принесу Пете уроки, раз он не был, — сказал Кирилка.

— Вот как хорошо! — обрадовалась мама. — Обязательно приходи. И смотри дома не обедай. Пообедаем все вместе. Я скоро вернусь, мы будем тебя ждать... Обязательно приходи, — еще раз повторила мама.

И они пошли каждый своим путем: мама — за покупками в магазин, а Кирилка — домой.

Он шел, крепко ступая на пятку, а с пятки на носок. Морозный тугой снег пищал под его валенками на разные голоса. Но было похоже, будто это не снег скрипит, а валенки ссорятся между собой, будто они спорят друг с дружкой; который раньше

прибежит домой — правый или левый, правый или левый...

Проходя мимо почты с синим ящиком у двери, Кирилка снова подумал о письме с Севера, которое он ждет и все не может дождаться.

А может, оно уже пришло? И может, почтальон уже взял его в свою толстую кожаную сумку и сегодня же принесет Кирилке?

Кирилка очень торопился, но все-таки он посмотрел в замерзшее почтовое оконце, через которое так ничего и не увидел...

А дома он не стал обедать. Зачем? Петина мама ему сказала: «Приходи обязательно, мы будем тебя ждать». А ведь это так приятно, когда тебя ждут ждать...

И Кирилка сказал тетке, что спешит, а есть совсем не хочет.

— Не хочешь так не хочешь, — равнодушно ответила тетка, не очень допытываясь, где пообедает ее племянник.

А Кирилка, как ни спешил, переписывая для Пети уроки на понедельник, постарался не сделать ни единой кляксы, и буквы у него получились красивые, с нажимом, как у самого Пети. На всякий случай он захватил и портфель. Как знать, может быть, сегодня они снова сядут за Петин стол и будут вместе делать уроки.

Петя же совсем не ждал Кирилку. Он смотрел на оконные стекла, покрытые морозными узорами трав, деревьев, цветов, и думал: не такие ли вот леса в далекой стране Гонделупе, которую так труд-

но сыскать на географической карте? Высокие пальмы там, может, переплелись с густыми елями, а ландыши, похожие на звезды, выросли выше деревьев... И, может, там водятся белые тигры и слоны с серебристой шерстью... И, может, там ходят павлины, белым веером распуская свои красивые белые хвосты...

И, уж конечно, такими вот прекрасными зимними узорами, похожими на алмазные цветы, украшен весь дворец Снежной королевы, где томился маленьким пленником Кай с замерзшим сердцем.

Мама постоянно говорит: нет хуже, когда у человека холодное, черствое сердце, когда в груди у него вместо сердца кусок льда. Такие люди, она говорит, ничего не стоят, и ничего хорошего они в своей жизни не сделают.

А у него, у Пети, какое сердце? Пошел бы он спасать Кирилку и Вову, если бы злая Снежная королева утащила их в свое царство?

И пока Кирилка бежал по морозу, все время согревая дыханием озябшие пальцы, Петя думал еще и о том, как трудно одному, без мамы, странствовать по разным странам и читать по карте непонятные слова, буквы которых иной раз чуть побольше манной крупы.

И наконец, когда Кирилка уже поднял руку, чтобы позвонить в их звонок, Петя подумал о том, что, может быть, мореплаватели, о которых пишут в книгах, тоже долго блуждали по морям и океанам, пока наступал наконец день их великих открытий...

А когда Кирилка был уже в комнате и тер ладошками нос и щеки, Петя твердо решил не падать духом. Он найдет эту самую пиратскую страну Гонделупу! Найдет, а потом подойдет к Леве и скажет: «Вот она, смотри! И зря ты надо мной смеялся... А теперь сейчас же скажи, где ты достал марку? А если не скажешь...»

– Кирилка, – сказал Петя, – сядь на стул и не мешай мне... я буду искать вот тут...

И Петя ткнул пальцем в синие воды Тихого океана, на котором кое-где были разбросаны желтые и черные точки островов.

– Хорошо, – согласился Кирилка и сел на стул около печки.

Но сидеть и молчать он долго не мог. Ему стало и скучно, и жарко.

Он подошел к столу, на котором лежала географическая карта, и спросил Петю:

– Петя, кого ты ищешь?

Петя посмотрел на него. И вдруг, в свою очередь, спросил:

– Кирилка, ты умеешь держать секреты?

– Умею, – ответил Кирилка.

– Кирилка! – Теперь Петин голос звучал почти как у Левы: торжественно и значительно. – Слушай, что я тебе скажу. Только никому ни слова.

– Ладно, – пообещал Кирилка.

– Знай, у меня есть марка пиратской страны! Понимаешь?

– Нет, – признался Кирилка.

— Разве ты не читал про Остров сокровищ и про разные там приключения?

— Да, — сказал Кирилка, — я читал «Приключения Травки».

Петя с досадой поморщился:

— Это же совсем не то...

И все же, несмотря на то что Кирилка решительно ничего не знал о пиратах, Петя решил показать ему свою необыкновенную марку. Он просто не мог больше терпеть и молчать. А что касается клятвы... Ну виданное ли это дело, чтобы гром убивал людей, да еще в зимнюю пору?

И вот из-под цветных карандашей, из-под открыток, из-под коробки с конфетными бумажками, с самого дна ящика Петя извлек засунутую в конверт марку страны Гонделупы.

— Смотри! Не роскошь разве?

Кирилка внимательно поглядел на марку и равнодушно произнес:

— Она, кажется, на кого-то похожая...

— Похожая? — возмутился Петя. — Похожая? Да ты что?

И, окончательно забыв про клятву, данную Лева, и обо всем прочем, сердито сказал:

— Ни на кого она не похожа, эта марка, потому что я выменял ее у Левы на шведскую серию... — Спohватившись, он попросил: — Только маме ничего не говори.

Кирилка укоризненно покачал головой:

— Эх, Петя, Петя! Столько марок — и на одну! И без мамы. А какая была шведская серия!

Петя вспыхнул. Бросил марку обратно в ящик и голосом, дрожащим от обиды, крикнул:

— Раз не понимаешь, то и молчи! Это марка такой страны, которую очень трудно найти на карте... Даже почти совсем невозможно! Они нарочно прячут ее ото всех... У них под каждым деревом, может, по миллиону золота зарыто...

Сказав все это чуть не плача, Петя отвернулся от Кирилки и снова уткнулся в карту, которая лежала перед ним на столе.

А Кирилка, слегка удивленный тем, что Петя на него рассердился, принялся терпеливо ждать, ко-

гда о нем вспомнят. Он просидел на своем стуле пять минут. Десять минут. Полчаса.

Было очень тихо, и можно было подумать, что дома вообще никого нет.

В печной трубе громко гудел ветер, а Петя, шевеля губами, повторял:

– Гонде-лупа... Гонде-лупа... Гонде-лупа...

И он водил и водил пальцем по голубым океанам, желтой суше и коричневым горным хребтам.

Тогда Кирилка подумал: хотя Петина мама велела ему приходить и сказала, что они с Петей будут ему очень рады, на самом же деле никто его не ждет и никому он здесь не нужен. И если потихоньку встать со стула, подумал Кирилка, и уйти, то, пожалуй, никто и не заметит, потому что каждый занят своим делом и о нем все позабыли.

Положив на стол рядом с Петей бумажку, на которой он так старательно выписал школьные уроки на понедельник, Кирилка встал со стула и вышел в переднюю. Там он особенно долго завязывал на шее теплый шарф. Он все еще надеялся, что вдруг из кухни или из столовой выйдет Петина мама и скажет ему: «Кирилка, дружочек, куда же ты? Мы с Петей тебя давно ждем...»

Только, видно, и она была занята чем-то очень важным...

Она не заметила, как Кирилка вышел, как закрылась за ним входная дверь и защелкнулся замок.

А на улице, где мороз крепко царапнул его за щеки, Кирилка почувствовал горькую обиду. И он заплакал.

Пусть даже есть на свете такая страна, которую трудно найти и где золото зарыто под каждым деревом, но даже ради этой страны он никогда бы не забыл про Петю и не позволил ему уйти на такой жуткий мороз.

Кирилка шел мимо завода, который работал всегда – и днем, и ночью. Слезы скатывались прямо на шарф, превращались в твердые ледяные бусины.

Скорей бы приехал папа... Почему он так долго не едет? Неужели там, на Севере, ему хорошо без Кирилки? Неужели он не скучает?

Кирилке было бы много легче, если бы он видел, как расстроилась Петина мама, вернувшись домой и узнав, что Кирилка уже был и ушел. Она назвала Петю мальчиком с холодным сердцем, черствой душой и к тому же – плохим товарищем. Она сказала, что ей стыдно за него.

Она тут же выскочила из дома, чтобы найти Кирилку, и вернулась уже вконец расстроенная, не найдя его.

Но Кирилка ничего этого не знал. До самой темноты он блуждал по улицам, хотя был голоден и очень замерз. А когда наступили сумерки, он остановился перед высоким корпусом завода и стал смотреть, как из длинной заводской трубы пригоршнями вылетают искры.

Куда они летят? Что им там делать, в вышине?

Потом на вечернем холодном небе одна за другой стали проступать далекие звезды.

«А может быть, многие звезды, что блещут в вышине, — подумал Кирилка, — это те самые искры, которые успели взлететь за облака да так и остались там на всю жизнь?»

Потом он вспомнил про Петину марку. Страна Гонделупа? Что это за страна?

И все-таки: где же он видел марку, которую ему сегодня показал Петя?

Глава семнадцатая

Пироги, или В воскресенье утром

Воскресное утро в Вовкином доме обычно начиналось пирогами. Чуть свет, медленно, завиваясь спиралью, из печной трубы выползал дым. Это означало, что на кухне топится большая русская печь и что Вовкина мать, Анна Никитична, вывернула из кадушки на кухонный стол белый липкий ком теста.

Кроме того, это означало, что в доме у Вовки гости: пришли его двоюродные братья, вся пятерка в полном составе: близнецы Миша и Ваня, пятиклассник Сережа и оба старших — Григорий и Андрей.

Это воскресенье ничем не отличалось от остальных. Тоже пеклись пироги. На кухне в боевой готовности, с ухватом в руках, с румянцем во всю щеку, стояла Вовкина мать, Анна Никитична. Че-

рез несколько минут пироги предстояло вынуть из печи, и пироги эти были с капустой.

А в большой комнате за обеденным столом уже сидела компания голодных мальчишек рядом с Вовкиным отцом, Афанасием Ивановичем Чернопятко.

— Гм... — нерешительно произнес Афанасий Иванович, теребя пальцами хохлатый ус и прислушиваясь к тишине, которая царила на кухне. — А хорошо бы...

— Узнать? — шепнул Вовка, готовый сорваться со стула.

Но в этот самый миг — о радость! — загрохотала падающая заслонка, чудеснейший в мире аромат печеного теста разлился по дому и из кухни раздался негромкий, но повелительный возглас:

— Блюдо!

Афанасий Иванович поднял указательный палец, обвел мальчишек многозначительным и веселым взглядом:

— Требуется блюдо... А ну-ка, хлопцы, кто-нибудь!

Но прежде чем «кто-нибудь» успел подняться, Вовка уже подскочил к буфету и вытащил оттуда огромнейших размеров, специально для пирогов, фаянсовое блюдо с голубыми разводами.

А пироги, румяные и пышные, уже лежали на столе, и Анна Никитична наводила на них последний блеск: обильно смазывала топленным маслом.

– Ух ты! – прошептал Вовка и причмокнул языком. – Вот это пироги! Два? Второе блюдо нести?

– Неси! – приказала Анна Никитична, с превеликой осторожностью укладывая один из пирогов на блюдо.

Чего там говорить! В половине десятого оба пирога поставили на стол. А когда ходики на стене показывали без чего-то десять, на столе, кроме пустых тарелок и чашек, кроме грязных ножей и вилок, стояло еще два больших фаянсовых блюда, однако тоже совершенно пустых. Хоть бы горбушечку оставили!

...Примерно в то самое время, когда у соседей с пирогами было покончено, у Пети к ним только приступали.

Как любил Петя воскресенье! Все казалось каким-то совершенно особенным в этот день. Даже солнце светило иначе, если только оно вообще светило. И небо было другим. И цветы на подоконниках выглядели в тысячу раз красивее...

А уж о папе и говорить нечего! Папа по воскресеньям бывал прямо необыкновенным. Целое утро он пел: «Куда, куда вы удалились?» Каждому известно, что эту очень грустную песню Ленский поет перед дуэлью с Евгением Онегиным, а потом его, бедняжку, убивают насмерть. Но у папы «Куда, куда вы удалились?» получалось таким веселым, что Пете хотелось кувыркаться или, в крайнем случае, скакать на одной ножке по коридору.

По воскресеньям папа и Петя – одно неразрывное целое. Что папа, то и Петя. Папа просыпается – Петя просыпается. Папа одевается – и Петя одевается. Папа чистит зубы – и Петя тут как тут. Папа берет головную щетку и приглаживает волосы – и Петя не отстает.

Но в это утро все было не так. Совсем не так...

– Какие у нас на сегодня планы? – спросил папа, когда они все трое сидели за столом, вымытые, нарядные и очень праздничные.

– А что сегодня в клубе? – в свою очередь спросила мама.

– Не знаю, – промямлил Петя, откусывая пирожок.

И пирожки не доставляли ему сегодня никакого удовольствия, хотя они были его самые любимые – с начинкой из ливера.

В голове у него было все то же – страна Гонделупа. Даже пирожки представлялись ему чем-то вроде горных хребтов из этой страны. И какао, налитое в блюдце, казалось коричневым морем у гонделупского берега. А пенка, которая плавала в блюдце, разве не была похожа на пиратский корабль?

Ложечкой Петя подогнал пенку к краю блюда – это корабль пристал к берегу, пираты высадились, теперь они пойдут искать клад.

– Петя! – недовольным голосом проговорила мама. – Ну что ты возишься? Поскорее выпей и отправляйся гулять...

— Сейчас! — сказал Петя, сунул в рот весь пирожок, хлебнул из блюдца какао и проглотил пиратский корабль вместе со всеми пиратами. Так им и надо!

Хорошо, когда снег пахнет весной, а вишневые ветки стряхивают белые хлопья снега и кажется, будто они цветут.

Хорошо, когда небо синее, а солнце так греет, что перекладыны на лесенке, прислоненной к крыше сарая, потемнели и стали мокрыми. А с ледяных сосулек летит вниз быстрая и легкая капель, и они уменьшаются прямо на глазах...

Превосходным было это воскресное утро. Прямо не верилось, что только вчера свирепствовал такой лютый мороз.

Воробушки славно чирикали, перелетали с места на место, гонялись друг за другом, словно играли в какие-то свои веселые воробьиные игры. А Петя скучал. От нечего делать он походил возле крыльца и потыкал в снег лопаткой. Но это было совсем неинтересно.

А не поглядеть ли, что делает Вовка? Может, они возьмут и помирятся? Начнут опять дружить...

Петя подошел к забору, нашел знакомую щелку и стал смотреть на соседний двор.

Оказывается, к Вовке пришли его двоюродные братья. Да, вон Андрей с Григорием пилят дрова. В одних рубашках! Ого! Как от них пар валит! Неужто наступила уже весна? Нужно поскорее и ему развязать шарф...

А Вовка с близнецами разметают дорожку. От калитки до крыльца готова. Теперь им остается еще немного до сарая. Ух, и здорово Вовка метет, прямо замечательно!

А это кто же вышел на крыльцо?

Сережа. В руках — половики. Сейчас будет трясти. Фу, какая пыль! Роскошь...

Почему это ему, Пете, никогда не дают трясти половиков?

— Вовка, — услышал Петя голос Сергея, — давай-ка метлу. Я по ним снегом пройду. Освежу!

— Не дам! — кричит в ответ Вовка. — Бери в сарае...

– Я тебе покажу сарай! – кричит Сережа. – Давай и не разговаривай...

Он подскакивает к Вовке, хватает метлу и тянет к себе. Но не тут-то было! В метлу, кроме Вовки, вцепились и близнецы. Все трое орут на весь двор.

Петя приникает к щелке забора. Будь он сейчас на соседском дворе, он бы показал, как у Вовки отнимать метлу... Уж он бы показал этому Сереже! Не посмотрел бы, что пятиклассник...

Конечно, Сергею ничего не стоит справиться со всей тройкой. Но стоит ли связываться?

Через мгновение на дворе у соседей царят мир и согласие. Сережа колотит один из половиков прямо об снег. Близнецы смотрят на него, разинув круглые рты. Вовка же с яростью выбивает метлой второй половик.

Пете стало так грустно.

Вдохнув, он медленно пошел прочь от соседского забора.

У Кирилки тоже пеклись пироги. Таков был обычай в этом заводском поселке: по воскресным дням все хозяйки обязательно занимались пирогами.

На примусе стояла алюминиевая миска с подсолнечным маслом. Масло кипело ключом, а Кирилкина тетка опускала в него пироги.

Ее сын Генечка стоял возле нее и двумя руками запихивал в рот горячий пирог. Он обжигался и урчал, как щенок. А масло стекало по его подбородку прямо на рубашку.

– У, негодный, – нежно ворчала тетка, – только одела во все чистое...

Кирилка сидел на своем любимом месте возле окна и тоже жевал пирог. Он думал: вот как удивительно устроено – тетка опускает в горячее масло пирожки, плоские, как лепешки, а вытаскивает огромные и пузатые. И как они сами по себе так надуваются?

И еще Кирилка думал, что после чая с пирогами он сбегает к Вовке. Раз дядя дал сорок копеек, можно вместе сходить в кино.

«А может, и Петя с нами?» – вдруг подумал Кирилка и вздохнул.

С Вовкой хорошо дружить, но втроем было лучше.

– Оглох, что ли? – услышал он вдруг теткин голос. – Третий раз говорю... Сбегай в гастроном.

Кирилка поднял на тетку глаза.

– Вот деньги... Пять рублей – других нет! Купишь чаю. Самую махонькую пачку бери, за пятнадцать. Понял?

Глава восемнадцатая

Открытие в гастрономе, или В воскресенье днем

Когда Кирилка уже выходил из дому, тетка вдогонку крикнула:

– Смотри сдачу не растеряй!

В гастрономе Кирилка подошел прямо к отделу штучных товаров и сказал продавщице:

– Тетя, дайте самую махонькую пачку чая за пятнадцать копеек.

Так ему велели дома.

Но продавщица как раз в этот самый момент занималась гражданином в кожаной ушанке. Этот гражданин никак не мог решить, что ему взять – две пачки папирос, одну плитку шоколада и персиковый компот или наоборот: одну пачку папирос, две плитки шоколада и совсем не брать компота. Продавщица была так занята этим вопросом, что не обратила на Кирилку ни малейшего внимания.

Но Кирилка, как можно дальше протягивая руку с деньгами, настойчиво твердил свое:

– Тетя, дайте самую махонькую пачку чаю за пятнадцать копеек...

Тут продавщица заметила наконец нового покупателя и сердито на него прикрикнула:

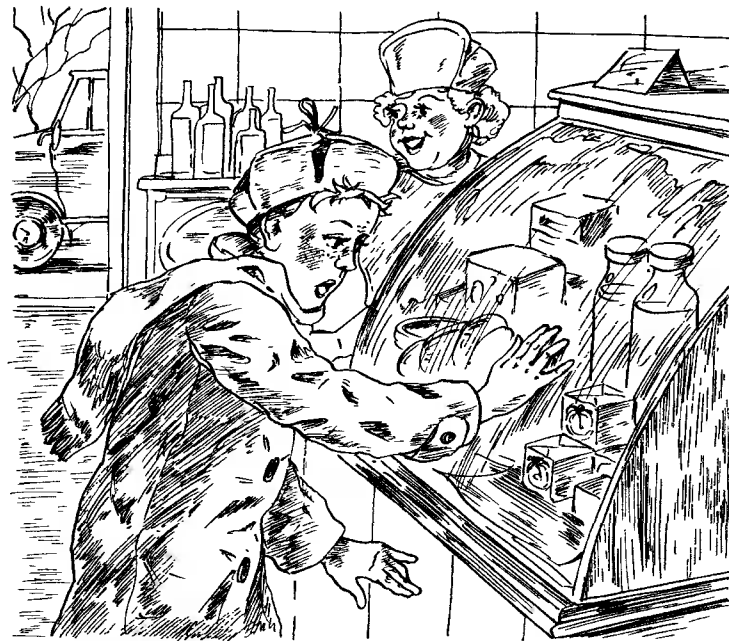
– Подождешь! У меня не десять рук...

Нет, Кирилка и не думал, что у продавщицы десять рук. Две руки, только две руки у нее было. Это он отлично видел.

– Хорошо, – сказал Кирилка, – я подожду...

Он был на редкость сговорчивый мальчик.

И вот, пока продавщица, щелкая на счетах, подсчитывала, сколько причитается за три пачки папирос, коробку мармелада и банку фаршированного перца (это было последнее и окончательное решение гражданина в кожаной ушанке), Кирилка прилежно разглядывал все, что лежало под стеклом на прилавке.

Сначала он рассмотрел все банки с консервами и компотами. На рыбных были нарисованы рыбы разных пород, на овощных – всякие овощи, на фруктовых – красивые фрукты...

В общем, это было не так уж интересно.

Правда, его несколько удивила стеклянная банка с роскошной ярко-розовой розой. Он прочел на ней: «Розовое варенье». До сих пор Кирилка был убежден, что розы только нюхают. Но оказывается, их еще и едят! И Кирилка твердо решил попробовать, каковы на вкус эти самые розы. А вдруг они слаще леденцов и ароматнее ирисок?

По кулям с мукой и крупой, по коробкам с лапшой и вермишелью Кирилка лишь скользнул взглядом. Ничего интересного не было в этих предметах.

Вот конфетные коробки – другое дело!

И Кирилка, наскоро оглядев чай, красиво уложенный за стеклом, собирался было перейти к созерцанию великолепного ледокола на одной из коробок, и тут...

У Кирилки сразу потемнело в глазах. И хотя он протер глаза кулаком да еще два раза потер рукой стекло витрины и даже прижал нос к этому стеклу, все равно перед ним пирамидкой лежали кубики чая, и на каждом из них...

Тем временем нерешительный гражданин в кожаной ушанке расплатился, получил свои покупки и ушел, а продавщица вспомнила наконец о своем другом покупателе.

– Ну, – сказала она, – чего тебе? Давай деньги...

Но Кирилки давно и след простыл; его не было ни возле прилавка штучных товаров, ни в самом магазине.

Он мчался к Вовке, до того взволнованный и – даже больше – до того потрясенный, что пролетел бы мимо Вовкиного дома, если бы сам Вовка не сидел в это время верхом на заборе.

– Эге-ге, Кирилка! – заорал Вовка, увидав приятеля. – Ты куда?

Кирилка остановился.

– Слезай с забора! – приказал он Вовке.

– А куда пойдем? На каток или еще куда?

– В гастроном...

– В гастроном? – удивился Вовка. – Чего мы не видали в гастрономе?

Однако, перекинув ноги, соскочил с забора.

– Слушай!.. – Кирилка сложил ладони трубочкой и зашептал Вовке на ухо.

– Нет, – решительно и громко заявил Вовка, – с ним я больше не вожусь... Ну его!

Но Кирилка настойчиво продолжал нашептывать, не отнимая от Вовкиного уха своих ладошек. И по мере того как он шептал, у Вовки менялось выражение лица.

Сначала оно стало злорадным:

– Ага! Так ему и надо!

И Вовка стукнул кулаком по забору. Потом его лицо стало не только удивленным, но даже несколько расстроенным:

– Все на одну? Врешь!

Постепенно оно стало сердитым, и, грозя кому-то невидимому кулаком, он вскричал:

– Мы ему еще покажем!

Затем мальчики побежали в гастроном и там долго смотрели на витрину штучного отдела, где за стеклом пирамидкой лежал чай разных сортов.

При этом Кирилка твердил, тыча пальцем в стекло:

– Точь-в-точь... Точь-в-точь... прямо вот с этой пачки.

Вовка же мрачно хмурил свои черные брови и хриплым баском повторял:

— Мы ему покажем! Будет знать. Дрянй! — Тут продавщица не выдержала:

— Сейчас же уходите из магазина! Как вам не стыдно! Целый час стоят и бранятся.

Кирилка вспомнил про теткино поручение и, почтительно протягивая пять рублей, сказал:

— Мы покупаем. Дайте, пожалуйста, самую малюсенькую пачку грузинского чаю. Только, пожалуйста, за пятнадцать копеек...

— Куда же ты убежал? — спросила продавщица, узнав в рыженьком Кирилке своего второго покупателя. — Не мог подождать, пока я получу деньги с того гражданина? Вот чай...

— Он за мной бегал... советоваться! — пояснил Вовка.

— Подумаешь, советник нашелся! Бери свою сдачу, — проговорила продавщица, старательно пересчитав деньги и протягивая их Кирилке.

Но мальчиков снова не было ни у прилавка, ни в магазине.

— Беда мне с этими ребятами! — покачала головой продавщица. — Никакого терпения!

Некоторое время она смотрела на дверь, думая, что мальчики сейчас вернутся. Не дождавшись их, вздохнула, завернула сдачу с пяти рублей в бумажку, написала на ней: «Передать тому рыженькому» — и отложила в сторону.

Глава девятнадцатая

Они мечтают, или В воскресенье вечером

Вечером, в это же воскресенье, Петиного папу неожиданно вызвали на завод. А они втроем — папа, мама и Петя, только что собирались идти в клуб смотреть кинокартину «По щучьему веленью».

— Идите без меня, — сказал папа, торопливо одеваясь. — Возможно, я задержусь, и надолго...

Нет, мама и Петя ни за что не соглашались без папы. Они решили его ждать.

— Петя, — сказала мама, когда за папой хлопнула дверь, — давай займемся пока марочками? Что-то давненько мы с тобой не бывали в разных странах...

— Нет, нет, — испугался Петя, — нет... не надо...

Мама посмотрела на него с удивлением:

— Но почему же?

— Не хочется, — уклончиво ответил Петя. А что он мог сказать еще? Ведь мама до сих пор ничего не знала про шведскую серию...

— Ну так иди вот сюда, помечтаем, поговорим, — сказала мама, усаживаясь на диван и зажигая лампу под зеленым абажуром.

— О чем говорить-то? — спросил Петя и сел на край дивана, подальше от мамы.

А как любил он прежде, когда мама ему предлагала: «Давай помечтаем, поговорим...» — и зажигала на письменном столе лампу! Сквозь зеленое

стекло абажура такой славный свет получался в комнате...

Да, они садились рядышком вот на этот самый диван и начинали мечтать о таких удивительных вещах...

Иногда они отправлялись на Марс или на Луну. Они путешествовали по лунным долинам, забирались на вершины лунных гор, исследовали мертвые пустыни лунной земли.

А далекий, недостижимый Марс был в их мечтах таким же близким и доступным, как те пустыри за поселком, куда они ходят гулять весной и летом.

И потом много вечеров подряд Петя подходил к окну, дышал на заиндевшее стекло и через круглую дырочку разглядывал далекое звездное небо...

Неужели эти крохотные мерцающие точки, рассыпанные по ночной синеве, так необыкновенно велики? Даже больше Земли, на которой они живут? И больше заводского поселка? А эти странные темные пятна на круглой Луне – все горы и долины?

И неужто до Солнца на самом быстром самолете пришлось бы лететь больше сорока лет? Прямо не верится...

И еще они любили, Петя и мама, мечтать о том, кем будет Петя, когда вырастет таким большим, как папа.

– Знаешь, – сказал однажды Петя, – я твердо решил построить канал Москва – Дальний Восток.

– Попробуй, – сказала ему тогда мама. – Только знаешь сколько это километров?

– А нас будет много народу. Думаешь, я один?

Но не в характере Пети что-нибудь откладывать, особенно на такой долгий срок, пока он станет большим. И он сразу, немедленно начинает постройку своего грандиозного канала. Берет большой лист бумаги и все свои цветные карандаши.

Чудесным получается его канал! Все станции из разноцветного стекла и совершенно прозрачные. А по берегу канала, начиная от Москвы и прямо до Дальнего Востока, растут цветы. Самые душистые и самые красивые на свете! А чтобы канал и зимой не замерзал, чтобы по нему плавали пароходы в самые морозные морозы, Петя строит над ним стеклянные своды. Теперь можно не бояться холодов, круглый год будет тепло...

– Как ты думаешь, построим мы когда-нибудь такой канал? – спрашивает Петя у мамы. – Но чтобы точь-в-точь... вот как этот!

– Обязательно построим! И такой канал, и еще многое, многое другое...

Но сегодня Пете и мечтать не хочется. Он молча смотрит на зеленый свет лампы. А мама, тоже молча, смотрит на него. Потом спрашивает:

– Ты о чем, Петя? О чем ты все думаешь? Ну иди ко мне, мальчик. Сядь рядом...

Но Петя не трогается с места. И вдруг, казалось бы ни с того ни с сего, говорит:

– Теперешние пираты тоже только грабят и убивают?

Мама, которая ничего не знает о пиратской стране Гонделупе, просто не понимает Петю.

— О каких пиратах ты спрашиваешь? Нет теперь пиратов...

— Они есть, — печально говорит Петя. — Они есть... Только страну их очень трудно отыскать на карте...

— Давай поищем вместе, хочешь? Вместе всегда легче, чем одному...

И все стало бы совсем хорошо, если бы в эту минуту не зазвонил телефон. Веселый папин голос прокричал в телефонную трубку:

— Я уже свободен! Скорей одевайтесь и бегите в кино... Мы успеем, осталось семь минут. Я буду у билетной кассы...

И мама с Петей, забыв о пиратах и о стране, которую трудно отыскать на географической карте, поскорее оделись и побежали в клуб, где у билетной кассы их ждал папа.

И Кирилка с Вовкой тоже были в кино. Посмотрев один сеанс, они — двое на один билет (на второй у них денег не хватило) — сумели пробраться в зрительный зал еще раз. Они попытались туда пролезть снова, на третий сеанс, но, к великому сожалению, билетерша их заметила и с позором вывела из клуба.

Ну и что ж! Ничего страшного! Все-таки они насмотрелись всласть и теперь могли рассказать всю сказку про чудесную шуку и Емелю с начала и до конца.

— Ух, мне бы такую шуку! — с жаром восклицал Вовка, когда они из клуба шли домой. — Уж я бы ее тогда попросил...

А время уже было позднее, и вечерние сумерки перешли в зимнюю ночную темень.

— И я бы попросил! — вторил ему Кирилка. — И я бы...

— Я бы знаешь что? Знаешь... Я бы ее попросил!.. — кричал Вовка, то и дело шлепая Кирилку по спине.

Только у Вовки было слишком много разных желаний. Он не мог их выразить обычными чело-

веческими словами. Он лишь кричал на всю улицу так, что редкие прохожие, которые им встречались, с удивлением оборачивались, невольно прожоя глазами краснощекого крикуна.

В начале двенадцатого Кирилка добрался наконец до дома. «Ох и денек же был!» — подумал он и вдруг нащупал чай, о котором совершенно забыл и который таскал в кармане с самого утра. А где же сдача? Сдача с пяти рублей. Но сколько Кирилка ни шарил по карманам, за подкладкой пальто и даже зачем-то в шапке, денег он не нашел. Тут он вспомнил, что впопыхах не взял их у продавщицы. Но как вернуться без денег домой? Что скажет тетка?

И Кирилка побежал обратно к магазину по пустым улицам поселка. А как лаяли на него собаки, выскакивая из каждой подворотни! И как больно он ушибся, зацепившись валенком за выбоину и растянувшись на дороге!

Но, разумеется, магазин был уже закрыт. Вместо многих ярких лампочек через широкие окна виднелась лишь одна-единственная. Она освещала пустые теперь прилавки, полки и все тихое, непривычно безлюдное помещение.

Обратно домой Кирилка брел медленно-медленно. Он оттягивал минуту, когда ему придется признаться тетке в том, что он позабыл у продавщицы сдачу...

Но дома, к счастью, все спали. Крадучись, Кирилка пробрался в комнату и, не раздеваясь, улегся на свое место.

Что-то будет с ним завтра? Что он ответит тетке, когда та посмотрит на него колючими глазами и спросит: «А сдача? Где сдача, негодный мальчишка?»

Ох! Но ведь деньги не пропали. Он просто забыл их взять у той продавщицы. Он помнит это. И ведь она вернет их!

Магазин открывается только в восемь. Но он встанет гораздо раньше, пока тетка еще не проснулась. Он дождется возле магазина и, когда тот откроется, получит обратно деньги, отнесет тетке и как раз успеет к девяти в школу. Да, да, да, так он и сделает.

Эта мысль немного успокоила Кирилку.

Но все равно спал он тревожно. То и дело просыпался, поднимал от подушки голову, смотрел на окошки, боясь пропустить серый утренний расцвет...

Глава двадцатая

Кляксы снова капают на тетрадь

Когда Кирилка выскочил из дому, краешек неба уже засиял, а снег на крышах стал медленно розоветь.

И тетка, и дядя, и двоюродный брат Генечка, и соседи — все еще спали. Было очень рано. Солнце только всходило, и кое-где на улице поселка горели ночные фонари, но свет их сейчас был чуть виден.

Ровно в восемь магазин открыли, и Кирилка кинулся к прилавку штучных товаров:

— Тетя отдайте мою сдачу...

Продавщица удивилась:

— Сдачу? Какую сдачу?

— Вчерашнюю, — испуганно сказал Кирилка и стал показывать на сложенный за стеклом прилавок чай. — Мы с Вовкой вот этот покупали... Самую махонькую пачку.

Но продавщица знать ничего не знала о сдаче. Зевнув, ответила:

— Не мешай мне работать, — и принялась укладывать на полку разные банки, коробки, бутылки.

Кирилка был слишком робок, чтобы вступать в споры, объяснять.

Понурившись, отошел от прилавка. Но для него все было кончено: сдачу — четыре рубля восемьдесят пять копеек — ему не хотели отдавать... А может, он просто потерял деньги?

Ему даже в голову не пришло, хотя это прямо бросалось в глаза: продавщица за одну ночь выросла по крайней мере на целую голову и похудела не меньше чем в два раза. Она сделалась худой и высокой, настоящая жердь. А вчерашняя была похожа на пузатый бочонок.

Нет, этого Кирилка не заметил. Ему было не до того. Он понимал одно: вернуться к тетке с одной пачкой, пусть даже самого лучшего чая, нельзя. Нельзя ни под каким видом. А что делать дальше, он не знал...

Глубоко вздыхая, он побрел в школу. Больше идти было некуда.

Однако пришел он слишком рано. Школьные двери были открыты, но учеников пока не было. И казалось, школа еще не пробудилась после ночного сна — так непривычно тихо было здесь.

И зеркало в раздевалке. И ряды вешалок за высоким деревянным барьером. И маленький книжный киоск, где можно было купить тетрадку или перо. Все как-то странно присмирело. И, может, потому, что кругом все было чересчур тихо, Кирилка тоже на цыпочках тихо подошел к вешалке и зацепил пальтишко за свой постоянный крючок.

В это утро он видел школу как будто первый раз. Он медленно шел по коридору нижнего этажа и читал надписи на классных дверях.

Вот первый класс «А». Тот самый, где учатся они все: Кирилка, Петя и Вовка. Дверь слегка приоткрыта.

Кирилка заглянул внутрь. Ничего нового он не увидел. Все ему здесь знакомо, до последнего гвоздика на стене. Но потому, может быть, что было еще слишком рано и лучи утреннего солнца косо падали на парты, на учительский столик и на желтый пол, лакированная поверхность всех этих знакомых ему предметов отражала ослепительное сияние, и весь класс светился какой-то необыкновенной чистотой.

И Кирилка с легкой, ему самому непонятной печалью смотрел на этот класс, где ему всегда было так хорошо.

Потом он прикрыл дверь своего класса и поднялся на следующий этаж.

И снова прошел весь коридор, с одного конца здания до другого, читая все надписи на классных дверях. Чем выше он поднимался, тем старше становились классы на этажах. А на четвертом, последнем, были только восьмые, девятые и десятые, и там учились, безусловно, самые умные и знающие девочки и мальчики их поселка. Там была и пионерская комната. И комната для приготовления уроков. И еще какие-то кабинеты, куда Кирилка не посмел заглянуть.

Как будто впервые он видел эти просторные коридоры, похожие на длинные светлые залы, эти знакомые классы, эти огромные прозрачные окна. И даже пальма с широкими листьями, которая стояла в зеленой кадучке у одного из окон коридора, показалась ему красивой, хотя прежде он не обращал на нее никакого внимания.

Осторожно провел он пальцем по тому листу, который ниже других склонился к полу, и увидел, какая ярко-зеленая полоса осталась на его пыльной поверхности. Тогда Кирилка хорошенько протер ладошкой весь пальмовый лист. И пальма задрожала, затрепетала до самой макушки, будто благодарила его за такую заботу.

— Посмотрись в окошко! — прошептал Кирилка и слегка повернул к свету чистый пальмовый лист.

А в окне можно было увидеть: налево — завод с его новыми стеклянными корпусами и высокой кирпичной трубой, а направо — заводской парк,

что спускался прямо к реке. Напротив же как на ладони был весь поселок. Прямые улицы, одинаковые садики, одинаковые дома. Только того дома, где жили Кирилкины тетка и дядя, нельзя было разглядеть из окон школы. И Кирилка был этому рад.

Потом Кирилка стал считать окна на одном из четырех этажей школы, потом помножил их на все этажи. Это была самая трудная задача, которую Кирилка когда-нибудь решал. Но он решил ее... Ведь не зря же у него по арифметике теперь была пятерка! И когда он громко, вслух произнес полученное число, то изумился, как много окон в их школе. И он подумал: это нарочно позаботились сделать столько окон, чтобы светло и солнечно было в каждом классе, и во всех коридорах, и на всех этажах...

Так много солнца и света было в их школе, а Кирилка думал о том, как жалко будет ему расставаться со школой, с учительницей Клавдией Сергеевной и со всеми ребятами, особенно с Петей Николаевым и Вовой Чернопятко.

Когда Кирилка снова спустился к себе на первый этаж, школа уже гудела сверху донизу, хлопали входные двери, старшая пионервожатая Зина бегала по всем четырем этажам, и оглушительный звонок возвестил начало школьного дня.

Кирилка, как всегда, сел за парту и, по примеру Пети, еще прежде чем в класс вошла Клавдия Сергеевна, вынул из портфеля тетрадь, книги, пенал.

Потом начался урок.

Казалось, все шло как обычно: Кирилка макал в чернильницу перо, стряхивал чернила, решал примеры, выводил цифры... Но думал он совсем не о том, что делал. И когда Петя по привычке заглянул Кирилке в тетрадь, у него зарябило в глазах от лиловых клякс на страницах Кирилкиной тетради.

— Кирилка, — прошептал он с ужасом, — что ты наделал? У тебя их тысяча...

Кирилка даже головы не повернул.

О чем он только думает?

Или, может быть, он не хочет с Петей даже разговаривать? И решил с ним вообще не дружить?

У Пети больно царапнуло по сердцу. Ну что ж, пусть. Пусть! Не хочет — и не надо! Он не будет навязываться. Пусть дружит с одним Вовкой. И пусть садятся на одну парту. Он может больше не смотреть в Кирилкину тетрадь, раз так...

Но кляксы! Можно ли допустить, чтобы было столько клякс?

И Петя снова шепчет:

— Кирилка, возьми мою, если ты потерял. — И он отрывает розовую промокашку вместе с ленточкой и сует Кирилке.

Но Кирилка говорит: «Не надо» — и отодвигает промокашку обратно к Пете.

Это ли не обидно? Товарищу предлагаешь помощь, а он отвергает ее.

Оскорбленный до глубины души, Петя положил промокашку обратно в свою тетрадь и слегка отодвинулся от Кирилки.

Ладно, пусть будут кляксы.

На перемене Петя ходил совершенно один. А Вовка и Кирилка все время были вместе. Издали они смотрели на Петю и о чем-то шептались.

Петя незаметно, исподтишка наблюдал за ними. Ему было и грустно, и одиноко, и совсем не хотелось бегать.

Вдруг он вспомнил про Леву. Вот до чего забывчивый! Ведь еще вчера он решил спросить у Левы, бывают ли ошибки в географических картах. А если бывают, не одно ли это и то же — Гваделупа и Гонделупа? Вчера он нашел на карте какую-то Гваделупу. Может, это и есть то самое?

Сейчас он сбегает к Леве Михайлову на второй этаж и спросит об этом. И снова они пойдут рядышком, беседуя, как два хороших друга. И, может, Лева захочет с ним поговорить о марках. И, может, они снова начнут меняться.

Петя был очень рад, увидев, что Кирилка с Вовой побежали следом за ним по лестнице. Что ж, пусть знают, что он может отлично обойтись и без них. И навязываться им никогда не станет.

Они столкнулись лицом к лицу, Лева и Петя. Прямо на лестнице. Лева спускался вниз, Петя бежал вверх.

— Лева! — обрадовался Петя. — Лева, подожди! Ты мне очень нужен.

Лева остановился. У него стало вдруг такое лицо, будто он видит Петю впервые.

— Ну? — По своей всегдашней привычке Лева высокомерно вскинул голову. — Чего тебе?

А Петя, доверчиво тронув Леву за рукав куртки, продолжал:

— Мне нужно с тобой поговорить... Очень, очень!

Лева стоял на одну ступеньку выше, и по сравнению с ним Петя казался каким-то совсем крохотным.

— Тебе? Со мной? Поговорить? — переспросил Лева. Насмешливо прищурившись, он делал ударение на каждом слове.

Пете сразу захотелось куда-нибудь убежать. И как можно дальше. Он почувствовал себя таким ничтожным. Нет, ему больше не хотелось говорить с Левой. В конце концов не все ли равно, бывают или нет ошибки в географических картах?

Но рядом, на лестнице, стояли Кирилка и Вова. Они не спускали с него глаз. Они слушали каждое его слово. При них он не может ударить лицом в грязь!

И, стараясь не робеть, Петя начал довольно громко:

— Я хочу поговорить с тобой... — и уже потише прибавил: — Насчет страны Гонделупы.

Лучше бы ему совсем не вспоминать про эту несчастную страну.

Лева вдруг покраснел и, оттолкнув от себя Петю, крикнул злым, срывающимся голосом:

— Ты мне надоед, как тысяча чертей! Не лезь... Предупреждаю тебя... А то... честное слово, я тебя так вздую... Ты — про-сто-фи-ля! Понимаешь?

Петя смотрел на Леву и ничего не понимал. За что Лева на него кричит? Почему обругал? Что он сделал ему плохого? Так с ним никогда и никто не обходился. Ни один человек.

Закусив губу, чтобы не расплакаться, Петя все же не мог удержаться, чтобы не взглянуть на Кирилку и Вову, своих бывших товарищей.

Неужели они будут над ним смеяться?

И, хотя на лицах мальчиков застыло удивление и несомненный испуг, Пете показалось, что оба они насмешливо улыбаются.

Этого вынести он не мог. Слезы обиды брызнули у него из глаз, и он кинулся вверх по лестнице на второй этаж.

Хотя теперь-то зачем ему нужен был второй этаж?

Глава двадцать первая

Драка на лестнице

Мальчики переглянулись.
— Вот дрянь! — сказал Вовка.

— Дрянь! — хотя и тоненьким голосом, но твердо повторил Кирилка.

— Это вы кого, шпингалетики? — Лева снисходительно посмотрел на мальчиков. — стыдно ругаться. Нехорошо... Ай-я-яй!

— Это мы про тебя, — сердито сказал Вовка.

— Это ты дрянь! — повторил Кирилка.

— Да, — запальчиво продолжал Вовка, — это ты дрянь... и вор!

— Вор! — Кирилка смело потряс перед Левою своим маленьким веснушчатый кулачком.

Лева ни с того ни с сего глупо ухмыльнулся. Пробормотал:

— Ай да шпингалетики...

Но вдруг глаза у него стали круглыми от бешенства, и, наступая на Вовку, он сразу осипшим голосом крикнул:

— А ну, повтори! Повтори, что... ты... сказал?

Сердце у Вовы сначала сильно забилося, потом провалилось куда-то в пятки. Он невольно попя-

тился, отступил на нижнюю ступеньку. Промелькнуло: может, лучше не связываться, удрать? Отлупит его сейчас Левка. Ведь все-таки из пятого класса. Вон какой большой!

Но нет, Вовка никогда не был трусом. Лишь на мгновение страх овладел его сердцем. Что ж, если этому самому Лева Михайлову хочется, можно и повторить.

И Вова повторяет тихо и отчетливо:

— Ты вор и дрянь! Еще раз хочешь?

Лева растерянно молчит. Он не ослышался, и повторять больше не нужно. Да, это ему в лицо брошено самое постыдное из человеческих слов — вор...

— Вор?..

Он, Лева Михайлов, круглый отличник, ученик пятого класса, вор?

Кто посмел сказать ему такое отвратительное слово? И такое несправедливое! Даже если оно сказано сопляками-первоклашками, все равно он не хочет и не будет терпеть.

И Лева, крепко сжав руку в кулак, с силой ударяет Вовку по уху.

Вовка покачулся. Охнул.

Лева сжимает в кулак другую руку:

— Получай-ка еще...

Но рука, готовая ударить Вовку, опускается вниз. Это Кирилка. Это он подпрыгнул и всей тяжестью своего тела повис на замахнувшейся руке.

Лева пытается стряхнуть Кирилку ударом свободной руки. Но маленький Кирилка вновь подпрыгивает и снова повисает на Лева.

Ага, сразу с двумя! Что ж, он готов! Он им покажет, этим первоклашкам! Не посмотрит на то, что они маленькие и что их нельзя трогать. Сейчас он из них лапшу сделает...

Все трое, сцепившись в плотный клубок, тяжело дыша, награждая друг друга безжалостными тумаками, то поднимаются на ступеньку вверх, то снова опускаются на ступеньку вниз. И вдруг все трое налетают на старшую пионервожатую Зину, которая бежит по лестнице.

— Ребята! — кричит Зина. — Сейчас же прекратите. Вы с ума сошли! В школе драться?!

Но мальчики ее не слышат. Драка распалила всех троих. Они не могут остановиться. Вова короткими ударами молотит Леву по спине. Кирилка, крепко стиснув губы, беспрестанно подсакивает и хватается Леву за руки — за одну, за другую.

А Лева машет руками, стараясь одновременно ударить и Кирилку и Вову.

— Мальчики, перестаньте! Говорю вам, перестаньте...

Но разве словами остановить драчунов! Они же ничего не понимают.

Зина зовет на помощь:

— Идите кто-нибудь! Скорее... Сюда!

Наконец, красных и вспотевших, их растаскивают в разные стороны.

— Как вы смели! — кричит Зина, сверкая глазами. — Какое безобразие! В школе! А тебе не совестно? Маленьких бьешь! Позор!

— Мы из первого «А», — зачем-то объясняет Вовка и вдруг заливается горячими слезами.

— Они распустились вконец, эти паршивые первоклашки! — в свою очередь, кричит Лева. — Думают, если маленькие, все им можно... Они... они обозвали меня вором... — И он вдруг громко ревет.

— Он и есть вор! — Размазывая кулаком липкие слезы, Вовка больше не плачет.

— Вчера мы узнали в гастрономе все... все... все...

— В гастрономе? — восклицает пораженная Зина и смотрит на Леву.

А тот уже совсем не владеет собой, кричит на всю лестницу:

– Вранье, сплошное вранье! Нечего им было узнавать... Сплошное вранье!

– Не вранье, а правда! Кирилка взял у тетки деньги... Вот спросите у Кирилки...

– Ты действительно взял у тетки деньги? – спрашивает Зина и смотрит теперь уже только на Кирилку.

Кирилка бледнеет. Говорит шепотом:

– Пять рублей...

Зина хватается за голову.

– Что же это такое, мальчики? – Она переводит глаза с Кирилки на Вовку, с Вовки на Леву и снова на Кирилку.

Неужели этот маленький, рыженький?.. Какие у него испуганные глаза. Сегодня же следует досконально все выяснить.

Но когда? После уроков надо посмотреть стенгазету. Затем будет собрание в восьмом «Б». Затем она должна зайти к завучу, он велел. Кроме того... Вот, пожалуй, к трем часам она уже освободится.

– Сегодня в три часа, – строго говорит Зина, – приходите в пионерскую комнату. Расскажите мне все, с начала и до конца. Поняли? Ровно в три часа – ты, ты и ты...

И она тычет пальцем в Кирилку, Леву и Вовку.

– А сейчас бегите на урок. Не слышите разве? Звонок!..

Глава двадцать вторая

Петя изгнан из класса

Когда Кирилка и Вова вбежали в класс, Петя уже сидел на своем месте. Он спустился по другой лестнице. Даже успел сполоснуть водой и вытереть носовым платком глаза и щеки, чтобы незаметно было слез.

Конечно, о драке на лестнице он ничего не знал. Понятия не имел и о том, как мальчики вступились за него, в защиту справедливости и дружбы. И потому он сидел пасмурный, мрачный, с сердцем, полным обиды и горечи. Он больше не верил ни во что... Нет у него товарищей. Нет – и не надо! Проживет один.

И когда Кирилка сел рядом, Петя нарочно отодвинулся на самый край парты, показывая этим, что отныне между ним и Кирилкой лежит пропасть, перешагнуть через которую почти невозможно.

Но Кирилка не обратил на это внимания. Ему было не до того. После разговора со старшей пионервожатой он снова вспомнил, что домой придется идти без денег, и помертвел от ужаса.

Что делать ему, когда кончится этот последний урок? Куда идти? Куда?

Только не домой... Только не домой... Только не домой...

Но куда же?

А если пойти к Пете? Его там хорошо встретят, это он знал. «Ну вот, – скажет Петина мама, –

опять руки в чернилах. И шарф завязан кое-как! Ах, Кирилка, Кирилка...» А может, она его спросит: «Кирилка, а не пожить ли тебе у нас, пока с Севера приедет твой папа? Хочешь?» – «Хочу, хочу!» – ответит Кирилка. А Петина мама тогда скажет: «Ну вот и отлично! Теперь у нас будут два мальчика – Кирилка и Петя...» А потом они все сядут за уроки. И Вовка прибежит. И будет гореть лампа под тем хорошим зеленым абажуром. И тот сверчок, про которого Петя говорит, будто у него есть скрипочка, будет трещать за печкой. И он, Кирилка, не сделает ни одной кляксы. А потом Петина мама скажет...

Когда учительница Клавдия Сергеевна назвала Кирилкину фамилию, Кирилка не очень-то хорошо понял, что ему нужно идти к доске. Он был сейчас в другом месте. Очень, очень далеко отсюда.

– Тебе к доске! К доске иди... – раздается откуда-то с задней парты – кажется, голос Вовы Чернопятко.

И Кирилка, глубоко вздохнув, поднимается с места и идет к доске.

– Напиши таблицу умножения на четыре, – слышит он голос Клавдии Сергеевны и покорно берет в руки мелок.

И вот он стоит у доски, теревит в руках мягкий белый камешек. Меловая пыль, осыпаясь, летит на пол, на его курточку, а он, не мигая, смотрит на учительницу.

Таблица умножения на четыре?

Разве он когда-нибудь знал эту самую таблицу умножения?

Но, Кирилка, неужели ты забыл? А окна в школе? Только сегодня утром ты самостоятельно решил такую трудную задачу с окнами на четырех школьных этажах. А ведь это и было умножение на четыре. Ну вспомни же, Кирилка, вспомни...

– Что же ты не пишешь? Начинай, – говорит Клавдия Сергеевна, а сама с пристальным вниманием смотрит на мальчика.

Что с ним? Стоит как в воду опущенный. В глазах испуг...

А умножение на четыре они проходили совсем недавно. И, помнится, когда она вызывала Кирилку, он отвечал отлично.

Клавдия Сергеевна смотрит в классный журнал. Совершенно верно. Против Кирилкиной фамилии стоит пятерка. Именно в тот день он отвечал ей таблицу на четыре.

Но что же с ним сегодня?

Что у него случилось?

– Положи мелок на место. Ты весь испачкался, – говорит Клавдия Сергеевна. Голос у нее сейчас строгий. Она всегда справедлива, и если сердится – значит, есть за что.

– Давай повторим вместе, – продолжает Клавдия Сергеевна. – Четырежды два... сколько?

Кирилка рад бы ответить, но не может выдать из себя ни слова.

Весь класс шепотом подсказывает ему: «Восьмью!» — а он молчит. Он так испуган, что даже вздохнуть боится. Стоит — и ни звука.

Клавдия Сергеевна тоже молчит.

Сколько труда и терпения понадобилось ей, чтобы мальчик пошел наравне с классом, чтобы перестал робеть и дичиться! Очень помогла в этом его дружба с Петей Николаевым и Вовой Чернопятко. С тех пор как мальчики подружились, Кирилка так переменился! Последнее время она была в нем почти уверена.

Что же произошло сегодня?

Опять он стоит у доски, похожий на прежнего, бледный, запуганный, полукрыв губы.

— Николаев! — Клавдия Сергеевна обращается теперь к Пете. Петя встает. — Вы по-прежнему готовите уроки все вместе?

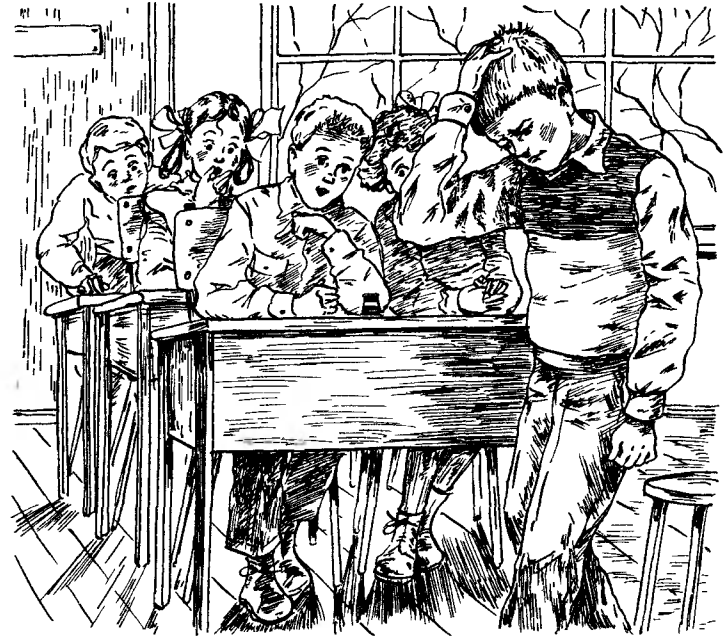
На Петиних щеках вспыхивает жаркий румянец. Он давно забыл о своем обещании помогать Кирилке до самой весны, до тех пор, пока они не перейдут во второй класс. Он исподлобья смотрит на учительницу и молчит.

— Почему ты не отвечаешь? — спрашивает та.

— Нет, мы больше вместе не готовим... — Эти слова Петя произносит очень тихо и отводит в сторону глаза.

— Почему же?

И вдруг Пете снова становится так обидно. Они над ним смеются. Они не хотят с ним дружить. Они не хотят с ним даже разговаривать, а он еще должен с ними готовить уроки. Не будет этого!

И он сердито говорит:

— Вот еще! Не хочу я вместе с ними... — И неожиданно для себя с мрачным видом произносит любимое выражение Левы: — Тысяча чертей... Не хочу — и баста!

Неужели эти слова сказал Петя Николаев? Неужели это он посмел так ответить учителю?

В классе становится до того тихо, что Петя слышит, как тревожно и громко стучит его собственное сердце.

Клавдия Сергеевна закрывает классный журнал. Встает. Подходит к той парте, на которой сидит Петя:

– Тебе не стыдно, Николаев? Как ты можешь так со мной разговаривать?

Пете очень стыдно. Он готов провалиться сквозь пол от стыда. Готов расплакаться на весь класс – так ему стыдно.

– Передай своему отцу, чтобы завтра он пришел в школу... Я хочу с ним поговорить.

И тут на Петю находит. Он и сам не понимает, как он посмел.

– Сами говорите ему!.. – кричит он дрожащим от слез голосом. – У моего папы нет времени расхаживать по всяким школам.

Ничего подобного не случилось еще в первом классе «А». Да и не только в первом...

– Тогда пусть придет твоя мама, – говорит Клавдия Сергеевна. Она немного бледна. – А ты сам выйди из класса и лучше всего... ступай-ка сейчас домой...

Низко опустив голову, Петя проходит перед двадцатью партами первого класса «А». Осуждающие взгляды провожают его до самых дверей.

И последнее, что он видит, когда закрывает за собой дверь, это глаза Кирилки, полные испуга, и круглые щеки Вовы, с которых медленно сползает румянец...

Петя плохо помнил, как оделся, как шел по улице, как подошел к своей калитке. Ему хотелось только одного: скорей, как можно скорей домой и чтобы дома была мама. А ноги, ему казалось, как нарочно, идут ужасно медленно, и портфель оттягивает плечо.

И вот он пришел. Стоит на крыльце. Сейчас он нажмет звонок. И сейчас мама откроет ему дверь.

Но как ей сказать? Нет, он не может. Он лучше помолчит до вечера. Вечером он обо всем расскажет папе. Пусть папа его накажет. И пусть лучше папа, а не мама пойдет завтра в школу.

Петя нажимает пуговку звонка. Получается такой тихий и очень жалобный звук.

Но мама все равно услышала.

Ее шаги. Она торопливо бежит по коридору.

Щелкает английский замок, и дверь распаивается. Вот она сама. Немного озабоченная. Ее глаза. Ее лицо. Ее голос, и сразу тысяча вопросов:

– Петя?! Почему так рано? Я не узнала твоего звонка. Разве было только три урока?

И вдруг она видит его несчастные глаза, полные слез, его побледневшие щеки.

– Петя, что случилось? Петя...

Разве можно от нее что-нибудь скрыть?

И Петя, громко рыдая, говорит:

– Мама... Мамочка, я сделал ужасную вещь... меня прогнали из школы...

Глава двадцать третья

Незнакомец в мохнатых сапогах

Что и говорить, суматошный нынче выдался денек!

Драка слевой – раз. Разговор со старшей пионервожатой Зиной – два. Ужасный случай, который произошел с Петей на уроке арифметики, – три.

И в довершение всего Кирилка незаметно исчезает из школы, даже не предупредив об этом Вовку. Хорошо, хоть Зина назначила им прийти к трем часам. Можно успеть пообедать, сбегать за Кирилкой, и они вместе явятся на заседание в пионерскую комнату ровно в три. Минута в минуту!

Может быть, впервые за всю зиму Вовка возвращался из школы в полном одиночестве. А когда идешь домой совсем один и рядом нет ни Пети, ни Кирилки, ни даже любимого щенка Тяпки, с которым, на худой конец, можно поразговаривать, разные мысли лезут в голову. И хочешь не хочешь, а приходится думать. Тут уж ничего не поделаешь...

И поэтому, возвращаясь из школы совсем один, Вовка всю дорогу думал.

Вообще же для Вовки в жизни не было ничего неясного и раздумывать над чем-либо он не любил. А если и встречались какие-либо неясности, то рано или поздно все само собой выяснялось, — значит, тоже не стоило тратить времени на размышления.

Но сегодня... Сегодня сплошь все казалось неясным.

Зачем, например, он сцепился слевой? Из-за Пети? Но ведь с Петькой они поругались на всю жизнь. И разве ему, Вовке, не все равно, обманул Лева Михайлов Петьку или не обманул? Почему же у него зачесались руки? Почему он не мог не крикнуть Лева: «Ты вор!»?

Непонятно...

И еще другое: как мог Петька так сказать Клавдии Сергеевне? Как он посмел? И главное: почему он так сказал?

Вовка шел, глубоко задумавшись, мрачно сдвинув черные брови. И он даже не обернулся, когда толстая продавщица из гастронома, увидев его, крикнула на всю улицу:

— Мальчик, мальчик, подожди...

Нет, Вовка шел все тем же ровным шагом и даже головы не повернул, словно этот возглас относился не к нему.

Между тем продавщица, стараясь догнать Вовку, кричала изо всех сил:

— Мальчик, мальчик... Ты оглох, что ли? Остановись!

Но Вовка будто и вправду стал слегка туговат на оба уха. Он шел себе и шел не оборачиваясь.

Тогда толстая продавщица ускорила шаг, догнала его, уцепилась за него и гневно крикнула:

— Стой же наконец!

Тут уж Вовка, само собой разумеется, остановился и застыл как вкопанный.

— Ну? — вскричала продавщица, еле переводя дух. — Долго прикажешь за тобой гоняться?

— Ох, тетя! — воскликнул Вовка, тоже еле переводя дыхание. — Как вы меня испугали!..

— Нет, как вам это покажется? Бегу за ним целый квартал, и он же еще на меня в претензии! Ну? — грозно продолжала она. — Говори, где ты был в воскресенье после обеда?

— Что вы, тетечка? — на всякий случай соврал Вовка. — Нигде я не был! Провалиться мне на этом самом месте... Целый день дома сидел! Вот спросите маму.

— Нет, как вам это покажется? — сердилась продавщица. — Он же целый час торчал возле моей витрины, и он же целый день сидел дома... Тогда кто это был?

Тут Вовка окончательно перетрусил. Где же он видел эту толстую сердитую тетку и в чем перед ней провинился?

А вдруг он расколотил стекло в какой-нибудь витрине? Конечно, все возможно. Но где и когда? И как он мог начисто забыть о таком невероятном случае?

Стараясь высвободиться из цепких пальцев, державших его плечо, и озираясь по сторонам, Вовка жалобно захныкал:

— Ой, тетечка, честное-пречестное, это был не я... Ой, ой, ой, пустите мое плечо! Ой, ой, честное слово...

Продавщица сняла руку. Внимательно посмотрела на Вовку:

— Не ты, значит? Тогда кто же?

— А я почему знаю! — весело воскликнул Вовка. Он был в восторге, что ему так ловко удалось вывернуться. — А я почему знаю, кто бьет стекла в ваших витринах!

— Что?! — снова взвилась продавщица. — Какие стекла? В каких витринах? Кто разбил?

Она опять цепко ухватила Вовку за плечо. Вовка пришел в полное отчаяние:

— Тетечка, ну что вы меня держите? Пустите. Я еще не обедал...

Но продавщица изо всех сил принялась трясти Вовку:

— Нет, раньше ты мне скажешь, кто бьет стекла, а потом будешь обедать! Ну?

— Зачем вы меня трясете? Я еще не обедал... — чуть не плача, стонал Вовка. — Это вы говорите про стекла, а я ничего не знаю...

— Какие стекла? Кто про них говорит! Уже час, как я тебе толкую: где тот рыженький, который вчера покупал чай в моем штучном отделе?

— Подождите, тетя, — обрадовался Вовка. — Это мой товарищ Кирилка вчера покупал чай...

— Так ты его знаешь?

— Мы же вместе покупали!

— Почему же ты раньше молчал?

— Так вы меня про чай не спрашивали.

— А про что я тебя спрашивала? Про белую козу?

— А зачем вам Кирилка? — вдруг насторожился Вовка. — Что он вам дался?

Продавщица всплеснула руками:

— Опять не понимает! Я ж тебе объясняю: пусть приходит за сдачей. Он оставил у меня четыре рубля восемьдесят пять копеек. Теперь понял?

— Понял, понял!

— «Понял, понял», а ни с места! Беги и скажи ему, пусть приходит за сдачей. Ну, чего же ты стоишь? Приклеили тебя?

– Тетечка! – взмолился Вовка. – Пустите меня! Вы опять уцепили... Я двинуться не могу.

Толстая продавщица окончательно возмутилась:

– Кто тебя уцепил? Беги! Кто тебя держит? Беги...

И Вовка побежал. Но теперь он бежал уже не домой, а прямо к Кирилке.

Так вот почему Кирилка был сам не свой на уроке арифметики! Вот почему даже не мог сказать, сколько будет четырежды два. Теперь понятно. Что и говорить: четыре рубля – деньги немалые. Небось и попало же ему за них! А все эта марка из пиратской страны... Как ее там?

Вовка неся как вихрь. В один миг он был возле заводского общежития, пробежал длинный коридор и толкнул крайнюю дверь той комнаты, где жили Кирилкины родные. С разбегу он оказался на самой середине комнаты, возле обеденного стола, за которым сидела Кирилкина тетка, тощая, длинноносая, с растрепанным пучком на затылке, Кирилкин веснушчатый дядя и Кирилкин двоюродный братик Генечка.

И еще за столом сидел какой-то совершенно незнакомый человек в меховых сапогах. Вовка с первого взгляда заметил их. Это были просто удивительные сапоги, чуть ли не до самого живота, да еще привязанные к поясу узкими ремешками. Таких сапог Вовка сроду не видывал.

– А где Кирилка? – тяжело дыша, спросил он, обводя глазами сидевших за столом, среди которых Кирилки не было.

– Где ему быть! – ворчливо ответила Кирилкина тетка. – В школе...

– Нет его в школе, – сказал Вовка, – я сам из школы.

– Я же говорила: целый день гоняет, – принялась объяснять незнакомцу в меховых сапогах Кирилкина тетка. – Вчера, например, послала его в гастроном за чаем, а он...

«Вот ябеда!» – подумал про себя Вова. Вслух же проговорил, сердито сверкнув глазами:

– Нигде он не гоняет... Он не такой, чтобы гонять. Просто у меня сидит. Я ведь после школы

еще не был дома. Вы ему скажите, что сдача целая, пусть не боится...

— Какая еще сдача? — взвизгнула Кирилкина тетка и вскочила со стула. Она чуть не уронила своего сына Генечку, который сидел у нее на коленях.

— Да та, что он вчера в гастрономе забыл, когда чай покупал... Сейчас я найду Кирилку, он может быть и у Пети, — сказал Вовка и направился к выходу.

— Мы вместе пойдем его искать, — вдруг сказал незнакомец, сидевший за столом и до сих пор не проронивший ни слова. И, как был, прямо в свитере, он вышел вместе с Вовкой на улицу. Только на голову нахлобучил меховую шапку с длинными, до пояса, тоже меховыми ушами.

Глава двадцать четвертая

Так где же он?

Чайник кипел чуть ли не целый час, сердито выбрасывая из носика белые облачка пара. Фыркал, пыхтел, булькал, стараясь изо всех сил напомнить о себе. В конце концов его крышка с косяной пуговкой принялась подплясывать, тоже стараясь звенеть как можно громче.

Но Петя и мама ничего не слышали. Они были слишком расстроены, чтобы обращать внимание на такие пустяки, как кипящий чайник.

Они все еще стояли в прихожей. Петя — как пришел из школы, в шубе и с портфелем, а мама —

в своем кухонном переднике и с мокрым полотенцем через плечо.

— Но как ты мог? Как ты мог? — в который раз повторяла мама. — Я все понимаю... Но как ты мог так сказать Клавдии Сергеевне?

Петя плакал. Растирая слезы то маминым фартуком, то рукавом своей шубы, то кухонным полотенцем — всем, что попадало под руку, он всхлипывал:

— Сам не знаю... Не знаю сам...

Он уже рассказал маме об всем: как он на катке поссорился с мальчиками; как Вова с Кирилкой все шептались, а с ним не хотели дружить; и как

ему из-за этого стало обидно, хотя, может, он сам еще больше виноват; и как на большой перемене он подошел к Лева Михайлову поговорить о той самой марке из пиратской страны Гонделупы, а Лева его прогнал, обозвал простофилей, да еще накричал на него. Ему после этого стало так обидно, что он даже заплакал. А потом Кирилка стоял у доски как пень. И что на него тоже нашло, на Кирилку? Ведь он же хорошо знает таблицу умножения на четыре. И вот ему, Пете, от всего этого стало так плохо, так стыдно, потому что он взялся ему помогать, чтобы Кирилка хорошо учился.

А уж потом все пошло кувырком... И теперь, как ему быть с Клавдией Сергеевной? И с Кирилкой? И с Вовой? И что будут говорить о нем в классе?

— Не знаю, что мне делать! — всхлипнул Петя, вытирая последние слезы все тем же маминым передником.

Мама пристально посмотрела на него:

— Неужели не знаешь?

— Думаешь, надо перед всем классом? — спросил он и представил себе строгие глаза Клавдии Сергеевны, когда он будет просить у нее прощения. «Нет, нет, нет... — скажет она ему, — таких мальчиков я учить не намерена...»

И, может, сегодня он сидел последний раз на своей парте рядом с Кирилкой? И, может, сегодня Клавдия Сергеевна последний раз похвалила его и поставила в классный журнал пятерку? Неужели он никогда больше не увидит школы?

— Пойдем вместе, — просит Петя и робко глядит на маму. — Ты и я.

— Ты разве трусишь, Петя? — спрашивает мама. Петя обижается:

— Нет, я не трус. А если она меня не простит?

— Простит. И я тебе совсем не нужна, чтобы поговорить с Клавдией Сергеевной.

— Она сказала, пусть придет папа или ты... Разве вы не пойдете? Или у папы нет времени?

— Папа очень занят, это правда. Но раз его вызывают в школу, время у него всегда найдется. А теперь беги поскорей к Кирилке.

— К Кирилке? Зачем к Кирилке?

— Ох, Петя, до чего ты глупый! Зови его скорее к нам. Скажи, что мы его очень хотим видеть. Скажи, что вместе будем делать завтрашние уроки...

— А может, он не захочет?

— Захочет.

— Только я раньше поем.

— Нет, раньше сбегай за Кирилкой. После школы полезно прогуляться. А я напеку вам блинчиков с вареньем.

— Ой, мамочка! По десять штук каждому. Я такой голодный!..

— И Вову тоже зови.

— Нет, мы в ссоре.

— Петя, не спорь! На его долю тоже будут блинчики.

Но Пете очень не хочется первому мириться, и он пытается уговорить маму:

— Как ты не понимаешь! Если с человеком в ссоре, его не зовут есть блинчики, да еще с вареньем.

— Петя! — строго говорит мама. В эту самую минуту чайник так зафыркал, что мама наконец-то его услышала. — Боже мой! — воскликнула она. — Распаялся! Полностью распаялся!..

И она бегом пустилась на кухню, и это было очень кстати, потому что воды в чайнике осталось совсем немного и он мог действительно распаяться.

А Петя махнул рукой и отправился за Кирилкой. Разве маму переупрямишь? У, она такая настойчивая! Спорить с ней не было ни малейшего смысла.

Пока он шел к Кирилке, он все обдумывал, как лучше сказать Вовке, с чего начать и в каких выражениях.

Например, можно так: «Вова, забудем нашу ссору и будем снова друзьями!» Это получится здорово, если так сказать: «Вова, забудем нашу ссору и будем снова друзьями!»

А можно еще так: «Вова! Если я виноват, ты меня прости. Если ты виноват, я тебя прощаю!»

Так, пожалуй, даже лучше.

Но можно еще и совсем по-другому — подойти, протянуть руку и сказать только два слова: «Давай дружить».

О том, как приступить к мирным переговорам с Кирилкой, Петя совсем не думал. Это было просто. Он придет и скажет: «Кирилка, идем к нам.

Мама тебя зовет...» И Кирилка пойдет прямо и безо всяких.

Но Вова — другое дело.

Пожалуй, лучше всего два слова: «Давай дружить» — и протянуть руку.

Но, вообще говоря, еще никем не доказано, кто с кем должен мириться первый: он с Вовкой или Вовка с ним.

И совершенно неизвестно, кто кого больше обидел: он — Вовку или Вовка — его.

А если совсем не ходить за Вовкой? Сказать маме, будто он...

И вдруг Петя услышал:

— Петька, стой! Куда ты несешься?

Петя остановился пораженный. Вот так совпадение! Он думает о Вовке, а Вовка прямо перед ним — лицом к лицу!

— Ты? — смутившись, прошептал он и тут же быстрой скороговоркой выпалил: — У нас блинчики с вареньем... По десять штук... Для тебя, для меня и для Кирилки. Пошли скорее, мама ждет.

— Вот видите! — Вовка обратился к незнакомому человеку в удивительных меховых сапогах. Такие Пете попадались лишь на картинках в книгах. — Я вам говорил, что Кирилка у Пети. Это и есть Петя, наш самый лучший товарищ. Значит, Кирилка у тебя? Давно? — весело спросил Вовка.

— У меня его нет. Я как раз бегу за ним...

— И у тебя нет? — удивился Вовка. — Вот те раз! Видите, — он снова обратился к незнакомому чело-

веку, — я вам говорил, может, он и не у Петьки, потому что мы немного были в ссоре...

Тут Петя вспомнил все, что придумал дорогой, и решил, что наступил самый подходящий момент.

— Забудем нашу ссору... — начал было он торжественным голосом, но тут же сам себя перебил: — А может, Кирилка в школе?

— В том-то и штука — нет его в школе! И дома нет. И у меня нет. Теперь и у тебя нет. Так где же он? А на тебя я не обижался, — сказал Вовка. — Это все твоя Гондепула... Или как ее там?

Петя вспыхнул, как говорится, до корней волос.

Вовка же продолжал:

— Потом я тебе все расскажу! А сперва нужно Кирилку найти. А Левка дрянь! Ух, да и какая же он дрянь! Я его здорово отлупил. Он даже заревел. Не веришь?

— Мальчики, — вмешался в их разговор незнакомец в меховых сапогах, — как же быть? Подумайте хорошенько, пораскиньте мозгами. Где еще может быть Кирюха?... — И он потер ладонью лоб, очень похоже, как это делал Кирилка, когда из-за чего-нибудь расстраивался.

Мальчики взглянули друг на друга.

— Может, он в клуб пошел? — подумав, неуверенно сказал Вовка.

— Уж нет! — твердо сказал Петя. — На почте, вот где!

— Верно! — обрадовался Вовка и шлепнул Петю по спине. (И как это было приятно!) Незнакомец удивился:

— А чего ему делать на почте?

— Вот вы и не знаете, — принялся объяснять Петя. — А он по два раза в день, иногда по три ходит на почту. Ведь у него папа на Севере, а писем ему не шлет.

Тут незнакомец почему-то рассердился:

— Какие еще письма с зимовки? Что, у нас там почтовое отделение, что ли? И напрасно Кирилка ждал.

— Все-таки, — упрямо проговорил Петя, — письма можно было посылать... В крайнем случае за целую зиму хоть три письма. А то ни одного. Это очень плохо.

— Ага! Понимаю! — вдруг догадался Вовка. — Значит, вы приехали прямо с зимовки, да?

Незнакомец ничего не ответил.

А Петя со свойственной ему настойчивостью продолжал:

— Хорошо, хоть отец прислал Кирилке такой замечательный портфель. А то знаете, как ему было плохо без портфеля!

У незнакомца в глазах мелькнуло изумление. И вообще он казался совсем сбитым с толку.

— Что за портфель? — пробормотал он.

Вовка прищелкнул языком:

— Еще какой! Вот увидите.

— А тетка у него очень плохая, — снова начал Петя.

— Эге, — подтвердил Вовка, — сущая ведьма, а не тетка. И дерется. Кирилка сказал...

— Уж если Кирилка где, так на почте! — с твердостью в голосе закончил свою мысль Петя.

— Раз так, пошли на почту, — сказал незнакомец с Севера. По мере того как мальчики говорили, выражение лица у него становилось все мрачнее и мрачнее и лоб перерезала глубокая морщина.

Но и на почте Кирилки не было. Не было его и в том сарайчике, где обычно ночевал Тяпка и куда Кирилка любил заходить, чтобы поиграть со щенком. Впрочем, и самого щенка в сарайчике они тоже не нашли.

Потом Вова и Петя со своим новым знакомым на всякий случай сбегали в школу.

Затем снова отправились к Кирилкиному дому.

И снова к Вовке.

И снова на почту.

И даже в клубе, куда ходить было совершенно бесполезно, они тоже побывали.

И все равно Кирилки нигде не было.

Тут Вовка набрал полон рот воздуха, отчего щеки у него стали в два раза толще, затем он этот воздух выдохнул и проговорил, переводя глаза с Пети на нового знакомого:

— Уж не знаю, куда еще идти.

— Давайте думать, какие места бывают, — сказал Петя.

И они остановились посреди улицы и принялись думать.

...А чайнику в этот день окончательно не везло. Он опять стоял на керосинке, и опять сердито кипел, и опять фыркал, и выходил из себя, и опять

его крышка подскакивала и дребезжала, и мама опять не обращала на него ни малейшего внимания.

Маме было не до чайника. Мама очень волновалась. Прошло гораздо более часа, а Петя с мальчиками все не приходил.

Давным-давно готовы блинчики с вареньем, и стол давно накрыт. Мама очень старалась, чтобы все было красиво и даже празднично: ведь сегодня после долгого перерыва мальчики наконец-то будут вместе! Она положила в хлебницу чистую накрахмаленную салфетку и разложила на ней хлеб. Тонкие ломтики для Пети, толстые — для Вовки,

а для Кирилки несколько горбушек – он их очень любил. А селедку она посыпала тем самым зеленым луком, который вырос на кухне в цветочном горшке.

На диване под горой подушек, завернутая в газеты, стояла кастрюля с горячей разварной картошкой. А соленые огурцы она выбрала самые лучшие – узенькие и твердые, хотя некоторые пришлось доставать со дна банки.

Все было готово, а мальчики не шли.

Сначала мама даже радовалась, что их нет:

«Вот ведь как заговорились! Даже про еду забыли. А сами, наверно, такие голодные...»

Потом она стала слегка сердиться:

«Как не стыдно! Неужели не понимают, что я их жду? Все остыло... Теперь и блинчики потеряли вкус».

Но вот прошел час и более, а мальчиков по-прежнему не было. Тут мама уже не на шутку разволновалась.

Она поминутно бегала к входным дверям. Открывала их. Захлопывала. Глядела то в одно окно, то в другое.

И чайник мог кипеть теперь сколько его душе угодно. Он мог и совсем распаяться, если бы ему этого захотелось. И керосинка могла коптить в свое удовольствие. И копоть могла летать по всей кухне и садиться на все предметы. Теперь мама все равно ничего бы не увидела и не услышала. Она накинула пальто и выскочила за калитку.

«Что у них там могло случиться? Ничего не понимаю!» – с беспокойством думала она, направляясь в ту сторону, где жил Кирилка.

Между тем Вова и Петя со своим новым знакомым как раз шли к Петиному дому, и мама прямо налетела на всех троих – на Петю, на Вову и на их нового знакомого. Впрочем, ей и в голову не пришло, что этот невысокий человек в северных унтах и пыжиковой шапке имеет какое-то отношение к мальчикам.

– Петя, почему так долго? – проговорила она, едва поравнявшись с мальчиками.

Не ответив на мамин вопрос, Петя, в свою очередь, деловито спросил:

– Ты сколько блинчиков напекла? Для Вовы, для меня и для Кирилки тоже?

У мамы сразу отлегло от сердца. Она засмеялась:

– Всем, всем хватит! Здорово проголодались? А где Кирилка?

И тогда Петя с безнадёжным видом сказал:

– Пропал! – И, вздохнув, прибавил: – Зря для него пекла!

– Как это – пропал? Что ты глупости говоришь? – сердито воскликнула мама.

– Как в воду канул! Нигде нет... – басом подтвердил Вовка.

– Да, – подхватил Петя, – нигде нет! И в школе нет, и на почте нет, и дома нет, и у Вовки нет, и у нас нет... Все обыскали.

— Так нужно скорее сообщить в милицию, — опять заволновалась мама. — Может, с ним что-нибудь случилось?

— Видите, — обратился Вова к человеку в меховых унтах. (Оказывается, этот человек имел какое-то отношение к мальчикам. Он остановился рядом, внимательно прислушиваясь к их разговору.) — Видите, я говорил, что Петина мама обязательно что-нибудь придумает... Это и есть Петина мама!

— Кто это? — шепотом спросила мама, наклоняясь к Петину уху.

— Это наш новый знакомый, мама! — гордо сказал Петя. — Он помогал нам искать Кирилку. Он с Севера. Видишь, какие у него сапоги! Пойдемте к нам, сейчас позвоним по телефону в милицию, — пригласил он нового знакомого.

— Удобно ли? — застенчиво проговорил тот и взглянул на Петину маму.

— Отчего же? Вполне удобно! — воскликнула она. — А вас я сейчас же буду кормить. Подумать только: четвертый час, а вы ничего не ели! — сказала она мальчикам.

— Четвертый? — на всю улицу вскричал Вовка. — Уже четвертый? Ровно в три у меня заседание!

Это было сильно сказано!

И мама, и Петя, да и новый знакомый от удивления разинули рот.

Глава двадцать пятая

Экспедиция на Север

А Кирилка тем временем шагал на станцию. Он шел, глубоко вздыхая. Опять он получил по арифметике двойку, и теперь уже, наверно, кончилась его дружба с Петей, а может быть, и с Вовкой.

Кому охота дружить с таким плохим учеником!

И никогда больше он не пойдет к Пете и не увидит Петин у мамы... И никогда она ему не скажет: «Кирилка, дружочек...» И больше не придется сидеть ему за столом, над которым такой зеленый свет... Никогда!

По календарю еще полагалось быть зиме. Но ветер был по-весеннему влажен, а снег на шоссе, назло всем календарям, совсем растаял.

А когда так хорошо и светло кругом, можно ли думать о печальном?

Сначала Кирилка положил в карман вареники. Потом развязал шарф. А потом еще вдобавок распахнул курточку. И все равно ему не было холодно. Ни капельки.

Сейчас — это было решено твердо и бесповоротно — он сядет в поезд и поедет к отцу. Неужели дорога на Север так уж трудна и настолько длинна?

От заводского поселка до станции было около трех километров, и туда ходили автобусы. Но раз в кармане всего-навсего четыре копейки, об автобусе мечтать не приходится.

И хотя Кирилка твердо решил по дороге нигде не задерживаться, но когда в кармане все-таки весело звенят несколько копеечек, нельзя утерпеть, чтобы не зайти в маленькую булочную, откуда так вкусно пахнет теплым хлебом.

Но как же он был изумлен, когда, выйдя из булочной, увидел у дверей Вовкиного щенка Тяпу.

— Тяпочка! — воскликнул Кирилка, не веря собственным глазам. — Это ты?

«Конечно, я! — ответил бы щенок, умей он хоть немного разговаривать. — Всю дорогу, от самых школьных ворот, я бежал за тобой следом. Неужели ты не заметил?»

Но вместо всех этих слов Тяпа восторженно крутил хвостом, не спуская глаз с краюшки хлеба, которую Кирилка держал в руках.

По всему было видно, что он просто счастлив этой встрече. Но Кирилка был еще больше рад.

Вот хорошо-то! Теперь он поедет на Север не один. Рядом будет веселый и верный Тяпа, с которым можно поговорить, которого можно погладить по лохматой шерстке, с которым можно даже посоветоваться... Это ли не удача!

Вовке же можно послать письмо: пусть не боится, Тяпочка никуда не пропал, просто они вместе поехали к Кирилкиному папе и привезут ему с Севера живого медвежонка или живого тюленчика.

Но все-таки нужно узнать и у самого щенка: хочется ли ему на Север?

— Тяпа, — присаживаясь на корточки перед щенком, спросил Кирилка, — хочешь, вместе поедem к папе? Ты только скажи: да или нет?

В ответ щенок взвизгнул, облизал Кирилкин портфель, руки, подбородок и ткнулся носом в краюшку.

Все было ясно — он хотел ехать с Кирилкой куда угодно, хоть на край света!

Когда же, разделив по-братски хлеб, путешественники съели все до крошки, исчезли и последние сомнения: на Север, на Север, ни о чем другом не могло быть речи!

Теперь Кирилка бодро шагал в своих валенках, старательно обходя лужи, чтобы не увязнуть в густой снежной размазне.

Тяпка же рысцой трусил вперед, то и дело оглядываясь: не сбились ли они с пути?

Они благополучно добрались до железнодорожной станции, пролезли под товарным поездом, нашли пустой состав и вскарабкались на площадку вагона. Тяпку пришлось посадить. Сам он никак не мог. У него оказались слишком коротенькие лапы. Впрочем, и Кирилке это далось с трудом. Если бы не полено, которое лежало возле рельсов, экспедиция на Север, вероятно, закончилась бы у вагонной подножки.

В пустом вагоне оказалось очень интересно. Для начала Кирилка покрутил опрокидывающиеся пепельницы. Потом опустил и поднял парочку столиков под окнами. После столиков он даже попытался поднять верхнюю полку. Это ему, однако,

оказалось не под силу, и полка с грохотом упала на прежнее место. После всего Кирилка смирно уселся в уголок возле окна и стал ждать отхода поезда.

И Тяпа времени даром не терял. Он обследовал все бумажки на полу и, обнаружив под скамейкой голову воблы, с аппетитом взялся за нее.

И вдруг на площадке хлопнула дверь, порыв ветра влетел в вагон, а вслед за ветром ворвалась румяная девушка с веником, тряпкой и мусорным ведром.

— Здравствуйте! — закричала она, увидав Кирилку и Тяпу. — Вас только мне и не хватало...

Кирилка испуганно вскочил, а Тяпа поджал хвост и поскорее убрался под лавку.

— Явились! — продолжала краснощекая крикунья, упирая в бока свои крепкие кулаки. — Кто вас сюда просил? Вечно по вагонам шатаются... Марш отсюда сию же минуту! Чтоб я вас не видала!..

Что тут оставалось делать?

Кирилка и Тяпа поскорее убрались из вагона.

— Знаешь, — сказал Кирилка, когда они кое-как слезли с вагонной подножки, — давай поищем другой вагон, где она уже уби^{ла}лась. Хочешь?

Тяпа взвизгнул. Это означало: «Ладно! Поищем!» И путешественники принялись за поиски.

Такой вагон они нашли.

— Кажется, она уже тут была, — не совсем уверенно прошептал Кирилка и заглянул под скамейку: нет ли там сора?

А вагон этот оказался чудо как хорош! На окошках занавески с кисточками. Стены выкрашены

светлой краской, и на них разные забавные картинки вроде трех свинок, серого волка, Мойдодыра, Бармалея. И, кроме того, на каждом столике белая салфетка и электрическая лампочка с абажуром в виде тюльпана.

Именно в таком вагоне полагалось людям отправиться в далекое путешествие. Именно в таком красивом, удобном, чистом!

— Она тут была! — внимательно оглядевшись, решил Кирилка.

И оба — Тяпа под лавкой, а Кирилка на лавке — сразу легли отдохнуть.

Сладок сон в дороге. И скамейка не кажется слишком жесткой, и стук колес убаюкивает, а впереди так много нового и, кажется, ждет такая радостная встреча...

Хотя поезд прочно стоял на месте и пока не собирался трогаться, Кирилка тотчас задремал, и сон его был сладок и спокоен.

Изредка он блаженно вздыхал и все время куда-то летел и летел вперед. А рядом были и Петя, и Петина мама, и Вовка... И даже Клавдия Сергеевна с таблицей умножения. И откуда-то взялся Лева с огромным кубиком чая в руках. А на кубике были нарисованы розовые горы, и высокая пальма, и стояла черная круглая печать, точь-в-точь как на той нехорошей марке, которую Петя прятал от мамы и папы на дне ящика под цветными карандашами.

А потом Кирилку стало ужасно сильно трясти. Будто поезд катил не по рельсам, а прыгал через канавы, ухабы и разные высокие кручи.

– Ой, ой! – пискнул Кирилка и открыл глаза. Над ним стояла все та же румянощекая уборщица и дергала его за плечо. При этом она кричала:

– Нет, вы только смотрите, что делается! Опять он здесь! Залез в детский вагон и спит в свое удовольствие! Теперь ты у меня увидишь...

Тут Кирилка залился горячими слезами:

– Тетечка, мы ничего здесь не трогаем. Мы только хотим на Север...

– На Север? – вскричала уборщица. – Сейчас я покажу тебе такой Север, что ты своих не узнаешь!

И вот тогда-то Тяпка почувствовал прилив небывалой отваги.

Он вылетел из-под лавки, зарычал, как лев, и вцепился зубами в веник уборщицы.

Сначала уборщица словно бы испугалась и даже чуточку попятилась. Но тут же выхватила веник из Тяпкиных зубов и как следует огрела им щенка.

– Ишь ты! – с изумлением проговорила она, разглядывая собачонку. – Ишь ты какой зверюга...

И уже не обращая внимания на уверения Кирилки, что Тяпочка очень смирный песик, она выбежала на площадку и крикнула тому, кто находился снаружи:

– Степа, Степочка, зайдите в детский вагон! Очень вас прошу...

Кирилка помертвел от страха, а Тяпка сразу как-то весь обмяк и уполз обратно под лавку.

– Сюда, Степочка, сюда, вот они! – ласково пропела уборщица, широко распахивая дверь и пропускающая кого-то вперед.

И когда на пороге появился огромный белокурый Степочка, ростом два метра без восьми сантиметров, настоящий Гулливер в милицейской форме, – Кирилка и Тяпа поняли, что на Север им не попасть ни под каким видом.

– Что у вас тут, Варя? – спросил милиционер, разглядывая с высоты своего огромного роста маленького Кирилку.

— Да вот, эта самая мелюзга собралась чуть ли не на Север, — развела руками Варя. — Сначала залез в один вагон, я его выставила. Теперь вот сюда. И собака тоже...

— Понятно! — прогудел милиционер и велел Кирилке сейчас же идти вместе с ним.

Все четверо — уборщица Варя, милиционер, Кирилка и Тяпа — вышли на вагонную площадку.

Затем несчастный Тяпа, получив хороший пинок, скатился вниз со всех ступенек и умчался неизвестно куда, горько сетуя на свою судьбу. У Кирилки сердце готово было разорваться на части от его жалобного визга.

Но что он мог сделать? Он покорно поплелся за милиционером в детскую комнату, где так бесславно должно было закончиться его северное путешествие.

В детской комнате никого не было. На большом письменном столе стояли телефоны, возле окна скамейка со спинкой, а из окна видна была станционная платформа и большие вокзальные часы.

— Тут посиди, — сказал милиционер и показал Кирилке на скамейку возле окна.

Кирилка сел, уныло опустив плечики. И пока он так сидел, глубоко подавленный и понурый, милиционер соединился по телефону с городской милицией и там узнал, что уже более часа ищут мальчика лет восьми, с большим коричневым портфелем, по имени Кирилка. И если мальчик, который снят с поезда, похож на того, которого ищут, пусть он

посидит в детской комнате, пока за ним приедут родные.

— Пусть едут! — сказал милиционер в телефонную трубку. — Все соответствует: и портфель у него коричневый, и лет ему не более восьми, а как зовут его, сейчас выясним... Тебя как звать-то? — проговорил милиционер, вместе с телефонной трубкой повернувшись к Кирилке.

Но скамейка, на которой только что сидел мальчик, была пуста.

Кирилка исчез.

Глава двадцать шестая

Владимир Чернопятко произносит речь

Вовка изо всех сил торопился в школу. Как плохо получилось... Может, все уже собрались в пионерской комнате, и только его одного нет. Может, все давно кричат: «Давайте начинать! Давайте начинать!» А пионервожатая Зина говорит: «Нельзя».

Конечно, нельзя, раз нет самых главных — Кирилки и его, Вовки.

А около председательского места два пустых стула. Приготовлены специально для них, для Вовки и для Кирилки. Кто-нибудь, может, и не прочь усестись на эти стулья, но пионервожатая Зина не позволяет. Говорит: «Нет, нет, эти места не для вас!»

Но как плохо, что нет Кирилки! Куда он мог деться?

Разумеется, он и без Кирилки не пропадет. Справится! Не маленький. Если надо, и речь скажет – встанет, протянет вперед руку, как на том плакате, который висит в коридоре на первом этаже, и начнет: «Передаю вам пламенный привет».

Интересно, а на столе во время заседания будет красная скатерть или какая-нибудь другая?

Лева-то Михайлов, наверно, уже там. Сидит и дрожит от страха. Так ему и надо! Думает только об одном: «Пусть они не приходят! Пусть они не приходят!»

Кирилка еще неизвестно будет или нет, а вот он, Вовка, обязательно будет. И Левка узнает, как обманные марки за настоящие выдавать. Вова и без Кирилки выведет Леву на чистую воду. Еще как выведет!

При этой мысли Вовка так возгордился, так напыжился, что стал не похож на самого себя.

Если бы у индюков были такие же черные блестящие глаза, как у Владимира Чернопятко, и если бы у индюков были такие же румяные наливные щеки, как у Владимира Чернопятко, и, наконец, если бы нос, круглый и розовый, точь-в-точь молодая картофелина, у индюков был такой же, как у Владимира Чернопятко, можно было бы смело сказать, что через порог школы переступил чванливый и надутый индюшонок, а вовсе не Владимир Чернопятко. И первый, кого встретил этот крас-

нощекий индюшонок, был не кто иной, как сама пионервожатая Зина.

«Меня ищет!» – мелькнула у Вовки самодовольная мысль, и он весь расплылся улыбкой.

Однако пионервожатая на него и не глянула.

Она круто повернулась, так что концы ее красного пионерского галстука и обе косы разлетелись в разные стороны, и побежала по коридору к лестнице.

«Не видела», – подумал Вовка и, быстро раздевшись, помчался следом.

Зина побежала вверх по лестнице, и Вовка полетел за Зиной. Зина стала перепрыгивать через две ступеньки. Вовка делал то же самое.

На площадке второго этажа он ее догнал и забежал сбоку, чтобы попасться на глаза.

Но Зина и на этот раз не обратила на него внимания.

Следующий лестничный пролет Зина неслась гораздо стремительнее. Теперь она перескакивала то через две, то через три ступеньки. Но и Вовка летел как пуля.

На третьей площадке он наконец ее перегнал, круто повернулся и кинулся прямо ей навстречу. Зина чуть не сбила его с ног. Она даже слегка рассердилась:

– Вот право какой! Я же могу тебя пихнуть...

– Пихайте! – с восторгом крикнул Вовка. Наконец-то она его увидела! Сейчас скажет: «Это ты, Чернопятко! Пошли скорее, тебя ждут...»

Но ничего похожего не произошло. Зина слегка отстранила мальчика рукой и еще энергичнее помчалась на четвертый этаж.

Вовка прямо опешил. Да что ж это такое? Что случилось с пионервожатой? Неужто он так изменился за эти несколько часов, что его узнать невозможно? Или, может, у пионервожатой окончательно пропала память...

Ничего, он сумеет напомнить о себе. И с новым приливом сил Вовка пустился вдогонку за Зиной.

На четвертом этаже он с разбегу прямо налетел на Зинину спину.

— Да что это такое, в самом деле? Вертишься и вертишься под ногами! — накинута она на него. — Безобразие...

Тут Вовка чуть не разревелся от обиды:

— Так вы же сами велели мне прийти! Сами велели...

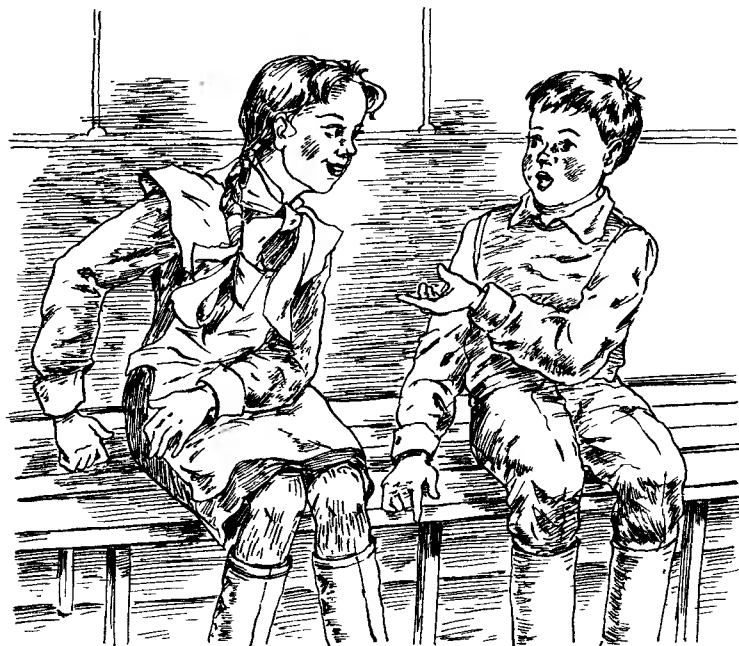
Зина с удивлением разглядывала краснощекого парнишку:

— Я? Тебе? Велела?

— А подрался сегодня кто? — Слезы разочарования готовы были брызнуть у Вовки из глаз. — Уже забыли...

— Верно, верно... Вспомнила! — воскликнула Зина. — Я хотела выяснить, что там произошло с этими деньгами... Ну, кто там у кого взял? Лева Михайлов у того рыженького? Или тот рыженький? Вообще, как там у вас было?

Брови у Вовки от изумления взлетели вверх:

— Деньги? Какие деньги? Никто ни у кого денег не брал... Вы все перепутали...

— Ничего я не перепутала, — обиделась Зина. — Просто я еще не разобралась, как и что... Думаешь, у меня мало без вас разных дел? Рассказывай по порядку.

— Все с самого начала?.. Со шведской серии? — с готовностью спросил Вовка.

— Какая еще шведская серия? Ох, ребята, у меня просто голова пухнет от ваших историй! Ну что это еще за шведская серия? Давай сядем. Прямо тут в коридоре. Ну?

Самое важное было ничего не забыть, ничего не пропустить. Это было самое главное. И поэтому, перед тем как начать, Вовка нахмурил свои черные брови и немного подумал. Ну, а когда он принялся рассказывать, он уже рассказал решительно обо всем. И про их общую дружбу, его, Пети и Кирилки. И как они вместе, он, Петя и Кирилка, готовили уроки. И про пиратскую марку, которая была вовсе не пиратской, а сделана из простой чайной обертки. И про замечательную шведскую серию, которую Лева Михайлов выманил у Пети на эту обманную марку. И, наконец, про пять рублей, которые... тут совсем даже ни при чем...

— И вот, — закончил Вовка свой рассказ, — когда мы с Кирилкой про все узнали, мы Левке сказали, что он — вор... А Левка не стерпел и полез драться.

— Вор не вор, а мошенник — определенно... — подтвердила Зина и тут же перебила сама себя: — Впрочем, это почти одно и то же — вор и мошенник...

— Раз так, пусть отдает Пете обратно его шведскую серию! — запальчиво крикнул Вовка, сверкнув глазами. — Пусть сейчас же отдаст...

— У тебя есть брат в десятом? — ни с того ни с сего вдруг спросила Зина. — Тоже Чернопятко... Андрей.

— А то как же! — ответил Вовка, недовольный тем, что его прервали на самом важном месте. — Он мне двоюродный...

— А мы с ним в одном классе, — сказала Зина.

— Ну и что ж? — насторожился Вовка, немного сбитый с толку.

— Значит, это он тебя приводил к нам в класс. Давно... Ты был маленький. погоди!.. Кажется, это было еще в старой школе. Значит, мы были в шестом или в пятом... Тебе было тогда не больше трех лет.

К чему Зина завела с ним все эти разговоры? Было совершенно непонятно. При чем все это? А может, она собирается чего-нибудь выведать?

— Ну и что ж с того? — пробормотал Вовка. — Теперь мне пошел уже девятый... Не верите?

— Какой ты был смешной! — продолжала Зина. Голос у нее стал добрый и глаза тоже. — Толстый-претолстый, а щеки еще краснее, чем теперь... Кто-то из ребят даже сказал: «Дай-ка куснуть...» А ты сразу полез драться. Ты всегда был драчуном, с малых лет?

Вовка нахмурился:

— Я дерусь только за дело. Зря не лезу!

— Я ведь пошутила, — улыбнулась Зина и положила на Вовкино плечо руку. — Знаешь что? Сейчас я позову их председателя совета отряда... Он еще здесь. В пионерской комнате. Мы все вместе обо всем этом поговорим. Ладно?

Вовка хорошо знал, что председатель совета отряда пятого класса «Б» не кто иной, как его средний двоюродный брат Сергей Чернопятко. Сергей всем уши прожужжал, что его выбрали в председатели. Чуть ли не месяц хвастался.

И поэтому Вовка ничуть не удивился, когда на зов Зины из пионерской комнаты вышел Сергей Чернопятко, председатель совета отряда пятого класса «Б», его собственный двоюродный брат.

Но как же изумился Сережа, когда увидел рядом с пионервожатой кого же? Своего младшего двоюродного братишку Вовку!

— Тю! — даже присвистнул он. — С каких это пор первоклашки около пионерских комнат болтаются?

— А с нынешних! — смело ответил Вовка, но на всякий случай принял оборонительную позу. Конечно, здесь школа, драться не положено, а то ведь случается — Сережка его здорово поколачивает.

— Сергей, — начала Зина, — Лева Михайлов в твоём отряде?

— А то в чьём? В чьём же ему быть, если он из пятого класса «Б»?

— О нём поговорить надо...

— Чего так? — удивился Сережа. — Ведь он отличник. Круглый! В лепешку разбивается из-за пятерки. Неужто пару схватил?

— А вот твой братишка Чернопятко, из первого «А», расскажет, каковы иной раз бывают круглые отличники. Пятерки — дело хорошее, только ведь и совесть должна быть у человека. Говори! — Зина поглядела на Вовку.

— Погодите, — взволновался Вовка, — а заседание?

— Какое ещё заседание? — удивилась Зина.

— А в пионерской комнате? — вскричал Вовка.

— Зачем тебе пионерская комната? — в свою очередь, удивился Сережа. — Тут поговорим.

Какое жестокое разочарование! Ни стола. Ни красной скатерти. Ни председателя. Ровным счётом ничего! Вовка зашмыгал носом.

— Я думал, у нас заседание будет. — Голос у него задрожал.

Зина рассмеялась:

— Ты что ж думаешь, без заседания мы не можем?

— Тогда я хоть речь скажу, — проговорил вконец расстроенный Вовка.

— Пусть скажет, а? — посмотрел на Зину Сережа. Ему стало жаль младшего братишку. У того был совсем убитый вид.

— Ладно, говори, — позволила Зина. — Только покороче.

— Полчаса буду говорить, — тотчас воспрянув духом, объявил Вовка.

Сережа мотнул головой:

— Ещё чего! Десять минут. Хватит с тебя...

Но Вовка не сдавался:

— Мало.

Потом, испугавшись, как бы Зина не сказала, что совсем не надо, согласился:

— Ладно, ни вашим, ни нашим... Пускай двенадцать.

— Хватит торговаться, говори уж, — сказала Зина и опять засмеялась.

Вовка встал. Протянул правую руку, точь-в-точь как на плакате в нижнем коридоре, набрал в рот побольше воздуха и начал:

– Передаю вам пламенный привет из первого класса «А»...

Сергей одобрительно хмыкнул: выйдет толк из парня! Ведь в первом классе, а каков!

Вовка же на секунду умолк, а затем продолжал с прежним воодушевлением:

– И еще вам передаю пламенный привет от первого класса «А»...

Однако дальше что-то не получалось, и Вовка, нимало не смутившись, сказал:

– Ну вот, а теперь я буду просто так!

Пусть не было всего того, о чем он мечтал по дороге в школу. Пусть они сидели не в самой пионерской комнате, а лишь возле нее. Пусть не было и стола с красной скатертью. (Подумаешь, важность! Нельзя, что ли, поговорить и без стола?)

Но все же это было самое настоящее заседание. Они обсудили все по порядку, и все трое решили: раз Лева Михайлов смошенничал, он должен немедленно вернуть обратно Пете Николаеву его шведскую серию. Кроме того, о поступке Левы Михайлова завтра же нужно поговорить на совете отряда, потому что Лева поступил так, как не имеет права поступать пионер.

– Теперь можно идти? – спросил Вовка, когда по всем признакам было ясно, что его первое заседание закончилось. – Еще надо Кирилку искать...

– А чего его искать? – удивился Сережа. – Сам найдется...

Вовка покачал головой и с непонятым восторгом воскликнул:

– Сам не найдется. Наверно, все из-за пяти рублей... Совсем сгинул!

– Ох, мальчики! – простонала Зина. – Или я уже совершенно дура и ничего не понимаю, или вы что-то скрываете. Ну, выкладывай начистоту: что у вас там вышло с деньгами?

– Ничего не вышло! Кирилка забыл взять в гастроме сдачу, а теперь до смерти боится тетки... Вот и все! – уже издали крикнул Вовка. Быстро-быстро топая валенками, он сбежал по лестнице, теперь уже прыгая сразу через четыре ступеньки.

Вскоре Сережа и Зина услышали, как за ним хлопнула входная дверь.

– Хороший парнишка! – помолчав, сказала Зина.

– Ничего себе, – снисходительно согласился Сережа. Но тут же, спохватившись, как бы не перехвалить, прибавил: – Только дерется как черт! И очень горластый... А так ничего себе!..

На школьном дворе Вовка увидел Леву Михайлова. Очевидно, он тоже шел в пионерскую комнату, куда им всем троим велела явиться старшая пионервожатая Зина.

Вид у Левы был пасмурный, а шел он медленно, опустив голову и нахмурив брови. Поравнявшись с Вовкой, Лева искоса глянул на него, узнал и отвернулся.

И Вовка со злорадством понял, как Леве не хочется сейчас на четвертый этаж и как он боится предстоящего разговора с Зиной...

В такой денек, как сегодня, ничто не могло удивить Вовку. Даже если бы кто-нибудь крикнул сейчас, скажем, с заводской трубы: «Вовка, Вовка, полезай сюда!» – Вовка, ничуть не удивившись, полез бы на трубу.

И поэтому он ни капельки не удивился, когда ехавший мимо автобус вдруг остановился посреди улицы и из открытой двери раздался отчаянный вопль Пети:

– Вова! Вовка, полезай сюда!

И Вовка ничуть не удивился, когда из тех же открытых автобусных дверей протянулась чья-то рука и втащила его в машину. Его не удивило и то, что в автобусе оказался не только Петя, но и Петина мама и новый их знакомый в удивительных меховых сапогах и в шапке с длинными ушами.

И когда Петя, розовый от возбуждения, крикнул:

– Понимаешь, нашелся... Только что нашелся! Он на вокзале. Звонили из милиции...

Вовка и этому не удивился.

Нет, в такой денек, как сегодняшний, разве что-нибудь могло его удивить?

Глава двадцать седьмая

Встреча на шоссе

А Кирилка тем временем снова шагал по шоссе. Только теперь уже не на вокзал, а обратно в поселок. И снова рядом с ним трусил щенок Тяпа, веселый, жизнерадостный, забывший про свои обиды и даже про разбитый при падении нос.

Они только что встретились, эти два участника северной экспедиции, и оба, счастливые встречей, торопились обратно в поселок.

– Понимаешь, Тяпа, – тихонько шептал Кирилка, то и дело поглядывая на щенка, – я только увидел часы и сразу про все вспомнил... Все-все сразу. И тогда я быстро побежал к двери, потом по платформе к забору. И как раз увидел тебя за калиткой... Ты молодец, Тяпа, что меня ждал!

В ответ на эти слова Тяпа подпрыгнул чуть ли не на метр и, взвизгнув, на лету поцеловал Кирилку куда-то в шарф.

– И как я мог забыть? – словно удивляясь самому себе, говорил Кирилка. – Как я мог забыть? Честное слово, Тяпа, я раньше про все помнил!

Он вопросительно взглянул на щенка и по привычке вздохнул.

А Тяпа просто волчком крутился вокруг Кирилкиных ног. Ах, если бы он мог говорить! Уж он бы сказал Кирилке, как он счастлив, что закончилось их полярное путешествие и что они наконец идут домой, где его, Тяпу, ждет что-нибудь вкусное, вроде вчерашнего борща с костями!

– Помни, Тяпа, – продолжал Кирилка, – если дрались вместе – значит, нужно вместе в пионерскую комнату. Идем скорее, а то Вовке отвечать за меня придется...

И они оба ускорили шаги.

А тяжелый солнечный шар уже медленно падал вниз, и розовый дождь его косых лучей лился на землю.

И на высокую заводскую трубу, которая казалась совсем близкой, но была еще очень далеко, струился этот теплый розовый ливень.

И на пустое шоссе, ровное и прямое, как линейка, падали розовые капли заката.

И даже голубой автобус, который мчался из поселка к вокзалу, был весь обрызган этими закатными лучами и казался какого-то сказочного, сиреневого цвета. Он мчался, грузно разбрасывая на шоссе лужи и оглашая воздух хриплыми гудками.

Пропуская машину, мальчик и щенок посторонились, но брызгами их все же обдало с ног до головы.

– Ух! – Кирилка погрозил автобусу кулаком. – Я тебе, тогда увидишь!

А Тяпа вслед громко залаял.

Потом они пошли дальше. Кирилка вынул из кармана маленький бронзовый кружок, повертел в руке и вздохнул:

– Вот наша копейка! Только одна – больше нет... А если б таких было побольше, мы бы сели с тобой в автобус. Ты устал, Тяпочка? Скажи по правде. Очень?

Но странно: Тяпа почему-то не спешил с ответом. Он не кинулся Кирилке под ноги. И не взвизгнул. И не запрыгал. И не лизнул Кирилку в нос. И вообще ничем не выразил своего мнения. Тяпы попросту не было возле Кирилки.

– Тяпа, где ты? – тревожно спросил Кирилка и обернулся.

Тяпа неся, болтая ушами и оглашая воздух ликующим лаем, туда, где неподвижно стоял тот самый автобус, который ехал к вокзалу.

А навстречу Тяпе бежали...

Кирилка растерянно потер рукой лоб, будто он не мог понять, что такое происходит!

Неужели это...

Но кто же другой мог бежать прямо по лужам так, чтобы брызги летели выше головы, кто другой, кроме Вовки?..

А за ним? Ну, разумеется, Петя. Он! Снял шапку и, как саблей, крутит ею над головой. И кричит восторженно и громко:

– Кирилка, ура! Я тебя увидел самый первый...

И с ними Петина мама. И тоже бежит ему навстречу. И тоже что-то кричит. И тоже машет ему рукой.

А четвертый? Кто же четвертый?

Кто этот невысокий человек в странных мохнатых сапогах? В шапке с длинными ушами?

И почему у него такие глаза, будто он сейчас заплачет, или засмеется, или сделает то и другое разом?

– Приехал, – шепчет Кирилка дрожащими губами, – приехал...

И бросается к ним, всем четверым, всхлипывая и задыхаясь от слез.

Разве легко найти слова, чтобы описать радость этой встречи?

— Кирилка! — У Пети щипало в носу, и он готов был сам зареветь. — Кирилка, прошу тебя, не плачь... Я был тогда ужасная дрянь! Возьми мой носовой платок. Но почему ты сразу позабыл таблицу умножения?

Вовка выхватил из Кирилкиных рук его тяжелый портфель. Изо всех сил шлепнул Кирилку по плечу:

— Заседание было! Ух и здорово же... Возьми лучше мой платок. Ничего, утирайся, он грязный!

— Кирилка, дружок, — шепчет Петина мама. — Но почему же ты к нам не пришел? Как ты мог придумать такое?

А тот, в высоких северных сапогах, тот ничего не говорит. Он только целует мокрые щеки Кирилки, его рыжие волосы и заплаканные глаза.

И тут все увидели, как они похожи один на другого — Кирилка и этот человек с Севера.

— Вот так да! — воскликнул Петя, переводя глаза с Кирилки на его отца и снова на Кирилку. — Значит, вы и есть Кирилкин папа? Мама, ты раньше догадалась?

— Нет, и я догадалась только сейчас.

— А я догадался, я догадался! — завопил Вовка. — Я сразу догадался. Я говорил: может, он и есть его папа... Петя, говорил я?

— Нет, — твердо сказал Петя, — ты этого ни разу не сказал. И раз мы с мамой вдвоем не догадались, как же ты мог?

— Значит, я тоже не догадался! Вот так здорово! Никто не догадался! — с восхищением продолжал кричать Вовка.

— Мальчики, — сказала мама, — как я рада за Кирилку! Теперь вы снова будете вместе...

В этот самый миг, когда, казалось, ничто не могло омрачить общей радости, вдруг какая-то тень появилась между Кирилкой и солнцем, и большая рука опустилась на Кирилкино плечо.

– Ага, – пророкотал чей-то бас, – вот ты где! Наконец-то я тебя нашел!

Кирилка обернулся и помертвел: перед ним стоял тот самый огромный милиционер, который увел его из вагона в детскую комнату.

– Честное слово, – закричал он, хватаясь руками за отца, – я не виноват... Я больше не буду... Я не пойду...

Но на милиционера эти слова, видимо, не произвели никакого впечатления.

– Здорово ты от меня удрал, – продолжал он. – На вид тихонький, а поди ты какой ловкач...

– Кирилка, – прошептал Петя, – что это?

И больше он не мог проронить ни слова.

– Кирилка... – проговорил Кирилкин отец, не спуская глаз с Кирилкиного лица. – Что случилось?

Вовка же стоял насупив черные брови. Он думал.

Сейчас Кирилку уведет милиционер. Наверно, в милицию. Что же он мог сделать плохого, что его в милицию?

А Тяпа готов был на части разорваться от гнева. Наскакивая на милиционера, он оглашал воздух яростным лаем.

Нет, нет, нет, он не верил, чтобы Кирилка мог хоть в чем-нибудь провиниться...

– Вот какие все глупости! – сердито вскричала мама, становясь между милиционером и Кирилкой. – Можно ли так? Этот мальчик с кем-нибудь подрался?

– Да нет! – удивился милиционер.

– Он что-нибудь где-нибудь взял? – еще грознее наступая на милиционера, продолжала мама.

– Ничего такого не было, – замахал руками милиционер. – Что вы!

– Тогда зачем же его в милицию? – совсем сердито воскликнула мама. – Зачем?

– Так его же ищут по всем местам... Это мальчик, который потерялся... А больше ничего и не было! – бормотал милиционер, пятясь от рассерженной мамы.

– Боже мой! – чуть не плача, говорила мама то милиционеру, то Кирилке. – Ну можно ли так пугать детей? Кирилка, дружок, успокойся! Он нашелся, понимаете? Он нашелся! Это мы его искали, и мы его нашли... Кирилка, не плачь, вытри глаза...

– Что вы, гражданочка! – добродушно посмеиваясь, сказал милиционер. – Никто его не собирается никуда уводить. Раз нашелся, пускай и будет с вами! Разве я против?

А Петя был просто потрясен: подумать только, его мама оказалась таким храбрецом! Они все онемели от страха, и только она одна не испугалась. Она так разговаривала с милиционером, что милиционер сам чуть не испугался!

– Ты смелая, – прошептал Петя и с уважением посмотрел на маму. – Ты очень смелая...

Тут Кирилка, который все еще стоял, закрыв лицо руками, заговорил, всхлипывая и глотая слезы:

– Честное слово, я не брал, я забыл их в гастрономе... Честное слово...

— Не разоряйся! — с досадой перебил его Вовка. — Чай-то у тебя? Целый?

— Вот. — Кирилка вытащил из кармана замызганную пачку чая, которую они с Вовкой еще вчера купили в магазине.

— Ну и ладно... А сдачу я уже отнес твоей тетке. Как продавщица мне отдала, так я и отнес.

— Что я наделала! — с испугом вскричала вдруг мама. — Только сейчас вспомнила... Ведь чайник все еще на керосинке!

— Теперь распаялся! — сказал Петя. — Вот увидишь... Как же ты?

— Извиняюсь, — немного смущенно проговорил Кирилкин папа, — но, кажется, я перед уходом прикрутил вашу керосиночку...

— Да? — просияв, воскликнула мама. — Большое вам спасибо!

Глава двадцать восьмая

«Снежная королева»

Лева Михайлов, ученик пятого класса «Б», последний раз смотрел на шведскую серию, полную гордость и великолепие, а теперь позор и бесчестие своего альбома.

Последний раз, перед тем как расстаться, он смотрел и на верхового, который мчался на алом коне, в алом развевающемся плаще, и на грузный золотистый дилижанс, и на легкий парусный корабль, и на пароход с тяжелым хвостом дыма, и на голубой самолет — быстроскрылый воздушный почтальон.

Он смотрел на все эти марки, и острый стыд за совершенный и раскрытый обман боролись в нем с горечью предстоящей утраты.

До сих пор у него горят щеки при воспоминании о тех обидных словах, которые ему пришлось выслушать от товарищей на пионерском сборе. Но еще страшнее было, когда после сбора все стали расходиться по домам. Они уходили, разговаривая друг с другом, смеясь и озорничая, а он стоял один, и никто не подошел к нему, никто не захотел сказать ему слова. И даже Гена Валунский, тоже заядлый марочник, с которым он, Лева, постоянно менялся марками и которого в душе презирал за частые двойки, даже Гена прошел мимо него, будто мимо пустого места...

И в то же время, несмотря ни на что, Лева не мог, ну просто не мог себе представить, как расстаться со шведской серией. Неужели этих марок больше не будет в его альбоме?

Он несколько раз брал в руки пинцет, чтобы отклеить марки от альбомного листа, и снова клал пинцет на стол.

Неужели ему придется отнести эти марки Пете Николаеву?

А если всем сказать, будто он честно понес их Николаеву, но будто начался сильный ветер, и уж как это случилось, он и сам не поймет, но марки разлетелись в разные стороны... И он не мог догнать ни одной. Ни одной, как ни старался!

Пока же шведская серия полежит в укромном местечке. И как только забудется эта история, он снова наклеит марки к себе в альбом...

Но ведь это еще один новый обман? И этот новый обман куда хуже прежнего.

И Лева представил себе лица ребят из своего отряда. И будто опять услышал их негодующие слова: «Оказывается, ты попросту мошенник! Уходи из нашего отряда! Не хотим быть с тобой в одном отряде!» Так они сказали ему сегодня на сборе. Лева потрогал свой пионерский галстук. И почувствовал, что нет ничего ужаснее, чем лишиться его. Сегодня ему простили его проступок, но в следующий раз...

Стараясь не разглядывать марки шведской серии, чтобы окончательно не потерять мужества, Лева взял пинцет и осторожно отклеил их все от листа альбома. Затем уложил в пакетик из прозрачной бумаги, который сунул в карман. Он положил пакетик в самую глубь кармана, чтобы ветер и в самом деле как-нибудь случайно не вырвал их у него из рук и не разнес по всей улице...

...А у Пети дома в это же самое время была великая суматоха. Они трое едва успели сделать уроки и спрятать в портфели учебники и тетради, как вдруг явился Кирилкин папа и сказал, что принес билеты в театр, на «Снежную королеву».

— На «Снежную королеву»! — воскликнул Петя. Он так давно мечтал увидеть в театре «Снежную королеву»! Ах, как хорошо!

Но Вовка недовольно поморщился:

— Что такая за «Снежная королева»? Там есть про войну? Или про что-нибудь другое интересное?

— Вот ты и не знаешь, — заступился Петя, — не знаешь, а говоришь. «Снежная королева» — это очень интересно. Там про дружбу.

— Раз про дружбу, другой разговор! Раз про дружбу, я люблю...

— И я люблю про дружбу! — воскликнул Кирилка.

— Значит, даешь «Снежную королеву»? — весело спросил Кирилкин папа. — А я сомневался. Ну ладно, вы тут одевайтесь... Побегу за машиной!..

Мальчики обомлели. Такое неожиданное счастье привалило им! Они едут в театр, да к тому же и на машине!

— Зачем такое баловство? — укоризненно сказала мама. — Прекрасно можно и на автобусе...

— Ну что вы, зачем же автобус! Если позволите, я их завтра весь день буду катать на машине! — воскликнул Кирилкин папа. Вдруг смутившись, он покраснел, в точности как Кирилка, и выскочил на улицу.

Вот тут-то и началась кутерьма. Мальчики принялись наряжаться.

Во-первых, мама потребовала, чтобы немедленно и основательно были вымыты все уши, все шеи, все руки, все носы — одним словом, все, что только может быть вымыто.

Даже Вовка, который не питал особой нежности к мылу и воде, и тот послушался. Он снял школьную куртку, засучил рукава рубашки и принялся так натирать себя мылом, что кусок буквально растаял на глазах.

Затем мама сказала, что она подшила Вове и Пете к их курткам свежие воротнички. Это было принято без особого восторга, но вполне терпимо.

— У меня знаете был какой воротник? — не утерпел похвастаться Вовка. — Ого-го, грязнущий!

— А Кирилке... — Тут мама, с некоторой робостью показав на клетчатый шелковый галстук, сказала, что Кирилке, пожалуй, будет хорошо в театр надеть вот этот галстук.

Против галстука было поднято настоящее восстание.

— Ни за что! — возмутился Петя. — Что он, девчонка?!

Кирилка и Вова вежливо молчали. Но по их лицам было видно, что они молчаливо протестуют.

— Нет, как ты не понимаешь? — немного мягче продолжал Петя. — Когда человек почти во втором классе, ему никак нельзя с бантиком...

А маме так хотелось! Она достала Петин галстук в зеленую и черную клетку, который ему появлялись еще совсем недавно; не в прошлом ли году?

— Правда, — сказала она, бросив галстук на свой стол с зеркалом, — я забыла, вы уже большие... Ну что ж, тогда не надо...

Но вид у нее при этом был и огорченный и разочарованный.

Кирилка посмотрел на Петю.

— Пусть будет бантик, — сказал он и с решительным видом подошел к маме. — Пусть.

— Ты думаешь? — проговорил Петя. — Думаешь, ничего, если во втором — и бантик?

— Так мы же пока в первом! — став на сторону мамы, крикнул Вовка. — Какой такой второй? Первый, вот и весь разговор!

Затем мама всем троице разрешила причесаться папиной головной щеткой и вышла из комнаты.

— А давайте поодеколонимся? — вдруг придумал Петя. — Папа после бритья всегда берет одеколон.

Вовка с восторгом согласился.

— Какой брат? Тот или тот? — спросил он, хватая один из флаконов на мамином туалетном столе.

— Тот, — сказал Петя и тут же закричал: — Другой, другой...

Но было поздно. Половина содержимого флакона уже оказалась на Вовкиных волосах.

— Что же теперь делать? — испуганно прошептал Петя. — Это же никакой не одеколон. Это глицерин «Велюр» для смягчения рук.

— А пускай «Велюр»! — беззаботно сказал Вовка и провел по волосам папиной головной щеткой. И неожиданно его жесткий торчащий ежик улегся в сверкающий парикмахерский пробор.

— Ишь ты какой! — залюбовался он собой в зеркале. — Красивенький стал.

Немедленно вторая половина глицерина была опрокинута на макушки Пети и Кирилки. И когда мама вернулась, дело было сделано. Мальчики предстали перед ней, сверкая блестящими глицериновыми волосами.

Мама оторопела:

— Вы с ума сошли! Что с вашими волосами?

Они хотели ей объяснить все по порядку, но не успели. В передней раздался звонок, и вся тройка, горланя и толкаясь, бросилась открывать входную дверь.

Наконец-то он вернулся с машиной, Кирилкин папа!

После небольшой схватки Петя отпихнул в сторону Вову и Кирилку и сам отомкнул замок.

— Ну что? — крикнул он, широко распахивая дверь. — Достали?

Но в дверях, мрачно сдвинув брови, стоял не Кирилкин папа, а Лева Михайлов, ученик пятого класса «Б».

Наступило очень неприятное и тягостное молчание. Лева топтался в дверях, не решаясь войти. Три мальчика его пристально разглядывали.

Наконец Петя с трудом выдавил из себя:

— Заходи. — И тут же поспешно прибавил: — Только мы сию минуту, прямо сейчас уезжаем в театр, на «Снежную королеву»...

Лева сделал два шага вперед и холодно сказал, обратившись к одному лишь Пете:

— Мне надо с тобой поговорить.

Петя бросил быстрый и немного смущенный взгляд на мальчишек. Но те стояли с таким видом, будто видели Леву первый раз в жизни.

– Только без них, – сказал Лева и по своей всегдашней привычке небрежно кивнул на Кирилку и Вову.

– Мы товарищи, – заливаясь румянцем, сказал Петя. – Говори при них...

– Тогда как хочешь, – сказал Лева и протянул Пете прозрачный пакетик с марками. – Возьми обратно...

– Зачем? Не надо, – прошептал Петя. Он спрятал руки за спину и попятился от Левы и от марок. – Не надо их мне...

– Раз дают – бери, – ехидно усмехнувшись, сказал Вовка. – Бери, бери, а то еще обидится.

– А то обидится, – тихонько поддакнул Кирилка и тоже насмешливо хихикнул.

Лева с ненавистью посмотрел на того и другого. Ух, с каким удовольствием он отлупил бы обоих! Особенно этого, краснощекого...

Сделав вид, что не замечает их, он снова обратился к Пете:

– Может, ты не хочешь...

Но Петя его не слушал.

– Ну что, достали? – крикнул он, с сияющим лицом бросаясь куда-то мимо Левы к открытой настежь двери. – Какую?

– Грузовик! – весело ответил Кирилкин отец, входя в переднюю. – Пятитонный грузовик! Ох, до чего шикарные! Чем это вы напонадились?

– «Велюром» для смягчения рук... Нет, вы скажите – какая машина? – не отставал Петя.

– Грузовик!

– Я говорил, что будет грузовик! – заорал Вовка. – Я говорил...

Не теряя времени, все трое принялись снимать с вешалки шубы, шапки, искать среди многих калош собственные,

А о Леве все как-то забыли. Он стоял одиноко, оттесненный к стене всей этой веселой, хлопотливой кутерьмой, еще протягивая Пете прозрачный пакетик с марками.

Мальчики один за другим высыпали на улицу. У калитки стояла красивая темно-серая машина с шахматной полосой вокруг кузова.

– Я говорил, что будет легковая, – кричал Вовка, когда, толкая друг друга, они бежали к машине. – Я говорил...

– Ты говорил, что будет... – начал было Петя. Но в такую минуту ему ни капельки не хотелось спорить.

Ну не все ли равно – легковая машина или простой грузовик? Разве в этом дело? Главное, что они снова вместе и теперь едут в театр смотреть «Снежную королеву».

И это так хорошо! Лучше бывает ли на свете?

– Ребята! – воскликнул Петя, заглядывая им в глаза. – Ребята, а давайте...

Они его поняли. Впервые после долгого перерыва, взявшись за руки, запели. Запели громко, так громко, как только умели:

Жили три друга-товарища.

Пой песню, пой!

Один был храбр и смел душой,

Другой умен собой,
А третий был их лучший друг.
Пой песню, пой!
И трое ходили всегда вдвоем.
Пой песню, пой!

Так с этой песней и увезла их красивая темно-серая машина.

А Лева все не уходил. Он смотрел им вслѣд, пока мама, поеживаясь от холода, не прикрыла входную дверь.

— Смешные, правда? — спросила она, дружелюбно улыбнувшись Лева.

Лева ничего не ответил.

— Хочешь, посиди у нас. Посмотришь книжки, раз они уехали, — предложила она.

Лева отрицательно качнул головой.

— Возьмите, пожалуйста, — сказал он, протягивая пакетик с марками. — Передайте их Пете, я не успел...

Затем он как-то неловко, бочком вышел на улицу.

— Шведская серия, — проговорила мама, узнав марки сквозь прозрачную бумагу. — Вернулась обратно... Что ж, положу их на место, в Петин ящик. — Вот сюда, что ли?..

Она подошла к Петинему столику и, выдвинув ящик, хотела сунуть туда марки. И вдруг пестрый квадратик с голубым, желтым, зеленым и розовым вылетел из ящика и, весело закружившись, опустился тут же на пол.

Это была марка страны Гонделупы.

Как могло случиться, чтобы эта пиратская марка, которую Петя так старательно прятал от посторонних глаз, очутилась вдруг на самом верху и вылетела из ящика? Видно, теперь он совсем не думал о ней.

Мама подняла марку и, прищурившись, внимательно разглядывала и эти розовые горы, и небо цвета синьки, и лакированную пальму с тяжелой темно-зеленой кроной, и зловещую черную печать с замысловатыми кривыми каракулями.

И, чему-то рассмеявшись, вдруг скомкала пеструю бумажку и швырнула прямо в пылающую печь.

Марка страны Гонделупы вспыхнула, будто маленький оранжевый факел, и погасла. Совсем прозрачный лепесток пепла порхнул вверх, подхваченный длинным языком пламени...

Потом мама подошла к окну и распахнула форточку. Влажный ветер, нагретый солнцем, пахнул из сада сюда, в комнату.

— Вот и год прошел, — прошептала она. — И вот — весна!

...А в это время на сверкающей огнями сцене падали и кружились белые хлопья снега, и маленькая мужественная Герда во имя любви и дружбы спешила на помощь бедному Каю с замерзшим сердцем, который томился в далеком холодном царстве Снежной королевы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
Петя и Вовка	5
<i>Глава вторая</i>	
Они первоклассники	11
<i>Глава третья</i>	
Первый пенал	21
<i>Глава четвертая</i>	
Синяк	31
<i>Глава пятая</i>	
Рыженький мальчик	43
<i>Глава шестая</i>	
За окном падает снег	50
<i>Глава седьмая</i>	
Кирилкин портфель	59
<i>Глава восьмая</i>	
Лампа под зеленым абажуром	68
<i>Глава девятая</i>	
Петя заводит новое знакомство	78
<i>Глава десятая</i>	
Коллекция Левы Михайлова	86
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Петя собирает марки	97
<i>Глава двенадцатая</i>	
Шведская серия	111
<i>Глава тринадцатая</i>	
Великая тайна	118

<i>Глава четырнадцатая</i>	
Марка страны Гонделупы	131
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Страшная ночь	137
<i>Глава шестнадцатая</i>	
В поисках неведомой страны	146
<i>Глава семнадцатая</i>	
Пирог, или В воскресенье утром	156
<i>Глава восемнадцатая</i>	
Открытие в гастрономе, или В воскресенье днем .	163
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Они мечтают, или В воскресенье вечером	169
<i>Глава двадцатая</i>	
Кляксы снова капают на тетрадь	175
<i>Глава двадцать первая</i>	
Драка на лестнице	184
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Петя изгнан из класса	189
<i>Глава двадцать третья</i>	
Незнакомец в мохнатых сапогах	195
<i>Глава двадцать четвертая</i>	
Так где же он?	202
<i>Глава двадцать пятая</i>	
Экспедиция на Север	215
<i>Глава двадцать шестая</i>	
Владимир Чернопятко произносит речь	223
<i>Глава двадцать седьмая</i>	
Встреча на шоссе	235
<i>Глава двадцать восьмая</i>	
«Снежная королева»	242

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста

Софья Могилевская

МАРКА СТРАНЫ ГОНДЕЛУПЫ

Ответственный редактор *Л. Кондрашова*
Оформление переплета *И. Сауков*
Компьютерная графика *А. Матвеев*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *В. Позднякова*
Корректор *И. Ларина*
Рисунок на переплете *Е. Лопатина*

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». 140005. М. о. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на ВДНХ».
Книги издательства «Эксмо» в Европе: www.atlant-shop.com

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.12.2002. Формат 84 × 108 1/2.
Гарнитура Квант Антиква. Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 7 000 экз. Зак. № 6718.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.